ЖИВОПИСНОЕ ПУТЕШЕСТВІЕ

ПО АЗІИ.

ЖИВОПИСНОЕ

ПУТЕШЕСТВІЕ

ПО АЗІИ,

составленное на Французскомъ языкѣ подъ руководствомъ Эйріѐ (Eyriès), и украшенное гравюрами.

Переводъ Е. Корша.

Изданіе А. С. Ширяева.

БИБЛІОТЕКА Н. Е. и В. Н. РОГОЖНИКОВЫХЪ.

ТОМЪ ТРЕТІЙ.

МОСКВА.
ВЪ ТИПОГРАФІИ НИКОЛАЯ СТЕПАНОВА.
1840.

ПЕЧАТАТЬ ПОЗВОЛЯЕТСЯ

съ тѣмъ, чтобы по отпечатаніи представлено было въ Цензурный Комитетъ узаконенное число экземпляровъ. Москва. Сентября 15 дня 1839 года.

Ценсоръ, Статскій Совѣтникъ и Кавалеръ *И. Снегиревъ.*

897409
193 г.

ЖИВОПИСНОЕ ПУТЕШЕСТВІЕ

ПО АЗІИ

БИБЛІОТЕКА Н. Е. и В. Н. РОГОЖИНЫХЪ.

ГЛАВА XXVIII.

Китайское Государство: Монголія.

Въ XIII вѣкѣ опустошенія Татаръ навели ужасъ на всю Европу. Потрясши Азію, они покорили Русь и простерли набѣги до Польши, Силезіи и Венгріи.

Для предохраненія западнаго христіанства отъ грознаго бича, Папа отправилъ къ Ханамъ послами и миссіонерами монаховъ Асселена и де-Плано Карпини, а потомъ Французскій Король, Людовикъ Святой, обманутый молвою о принятіи Великимъ Ханомъ христіанской вѣры, послалъ къ нему Рубруквиса, или Рейсбрука, съ другими монахами. Наконецъ Венеціянецъ Марко Поло также посѣтилъ Татарію и проникъ въ Китай и другія Азійскія земли. Разные путешественники слѣдовали за первыми; многія изъ описаній ихъ дошли до насъ; подробности, содержащіяся въ нихъ касательно нравовъ и странъ Татар-

скихъ, вообще согласны съ позднѣйшими извѣстіями, собранными о Монгольскихъ племенахъ.

Многочисленный народъ, называемый теперь Монгольскимъ, и въ средніе вѣка гремѣвшій подъ именемъ Татаръ, искони раздѣлялся на поколѣнія, управляемыя разными владѣтельными домами, изъ которыхъ сильнѣйшіе покоряли себѣ сосѣднія орды и при этомъ обыкновенно сообщали имъ свое имя. Такъ въ X столѣтіи господствовалъ въ томъ краѣ домъ Кидань, или Хитань, а въ XIII домъ Татань, возвеличенный сильнѣйшимъ изъ тамошнихъ владѣтелей, Татань-Монгольскимъ княземъ Темуцзиномъ.

Извѣстно, какое пространство захватила держава Темуцзинова: границами ея были Днѣпръ и Китайская стѣна. Преемники Великаго Хана (Чингисхана) расширили его завоеванія и основали новую династію Юань въ Китаѣ. Въ началѣ XIV вѣка возникли противъ нея мятежи, а въ 1367 году Монголы были выгнаны изъ Китая въ свои степи и управлялись по прежнему многими отдѣльными ханами. Разныя орды хотя и составляли родъ единой державы, но ослабляемыя безпрерывными междоусобіями, наконецъ подпали власти Маньчжуровъ, покорившихъ себѣ Китай.

Съ XVIII вѣка Монголію стали посѣщать и Русскіе. Пятою статьею договора, заключеннаго между Россіею и Китаемъ въ 1727 году, положено было, что Русскіе будутъ занимать въ Пекинѣ тотъ *гуань*, или то подворье, въ которомъ они тогда жили; что при содѣйствіи Китайскаго правительства устроится въ немъ христіанская церковь; что въ гуанѣ помѣстятся Русскіе священники и сверхъ

того четверо молодыхъ студентовъ и двое постарѣе для изученія туземныхъ языковъ; что они будутъ получать продовольствіе на счетъ императора, а по окончаніи ученья, свободны немедленно воротиться во свояси.

Русское духовенство служитъ попеременно въ Срѣтенскомъ монастырѣ, предназначенномъ для миссіи, и въ церкви Успенія Божіей Матери, находящейся въ той же части города, и посѣщаемой, но весьма мало, Китайцами Греко-Россійскаго исповѣданія. Когда въ 1685 году, Маньчжуры овладѣли Албазиномъ, они увели съ собою въ Пекинъ гарнизонъ изо ста казаковъ, составившій потомъ отрядъ гвардіи императорской подъ именемъ *оросъ ширу*. Христіане выпросили у Китайскаго полководца дозволеніе взять съ собою священника ихъ, Максима Леонтьева, равно какъ святыя иконы и утварь церковную. По прибытіи ихъ въ столицу Китайской имперіи, имъ отвели мѣсто для жительства на сѣверовосточномъ углу Пекина. Одинъ Маньчжурскій вельможа уступилъ имъ свою молельню подъ церковь, которая освящена въ 1691 году по благословенію Тобольскаго архипастыря.

Обыкновенному пребыванію Русской миссіи въ Пекинѣ положенъ десятилѣтній срокъ, но переписка между министерствомъ иностранныхъ дѣлъ отъ имени Правительствующаго Сената и между Китайскою палатою внѣшнихъ сношеній такъ медлительна, что миссія всегда почти остается долѣе десяти лѣтъ, а при отбытіи своемъ, замѣняется другою.

Одна такая миссія отправилась изъ Петербурга въ 1819 году, для смѣны своей предмѣстницы, на-

ходившейся въ Пекинѣ съ 10 января 1808 года. Она достигла Иркутска въ февралѣ 1820, а 1 іюля прибыла въ Кяхту. 31 Августа перешла она границу Китайскую и, проѣхавъ часть восточной Монголіи, 2 декабря вступила въ Пекинъ. Она путешествовала подъ руководствомъ Е. Ѳ. Тимковскаго, чиновника министерства иностранныхъ дѣлъ. 15 Маія 1821 года, Г. Тимковскій выѣхалъ изъ Пекина и возвратился въ Кяхту путемъ нѣсколько западнѣе того, которымъ слѣдовалъ прежде. Прибывъ въ Петербургъ, онъ издалъ по-Русски описаніе своего путешествія. Французскій переводъ, явившійся въ Парижѣ въ 1827 году, былъ разсмотрѣнъ Гг. Кларотомъ и Эйріе и дополненъ ихъ примѣчаніями. Вотъ что говорятъ они объ этой книгѣ:

«Всѣ посольства Европейскія, отправлявшіяся въ Пекинъ, оставались весьма недолго въ столицѣ Китайской имперіи и были безпрестанно подъ стѣснительнымъ надзоромъ, который предписываетъ Китайцамъ недовѣріе ихъ къ чужеземнымъ гостямъ. Г. Тимковскій посѣтилъ Пекинъ при гораздо благопріятнѣйшихъ обстоятельствахъ; какъ и всѣ Русскіе, онъ пользовался здѣсь совершенною свободой: могъ посѣтить всѣ части безконечнаго города, осмотрѣть всѣ памятники и примѣчательности. Слѣдственно онъ имѣлъ способъ наблюдать гораздо точнѣе другихъ путешественниковъ, бывшихъ въ Китаѣ до него; сверхъ того при немъ было нѣсколько переводчиковъ, совершенно знакомыхъ съ языками того края; и такъ разсказы его заслуживаютъ гораздо болѣе довѣрія, нежели извѣстія тѣхъ, которые, не зная ни

по-Китайски, ни по-Маньчжурски, не могли бесѣдовать съ туземцами.»

Г. Тимковскій описывалъ Монголію по собственнымъ наблюденіямъ или по извѣстіямъ достовѣрнымъ; къ нему преимущественно будемъ мы прибѣгать, позволяя себѣ дополнять его очерки новѣйшими свѣдѣніями.

Монголія, если приурочимъ къ ней и Хуху-норъ, лежитъ между 33 и 53° сѣверной широты и между 105 и 142° восточной долготы. Занимая бо̀льшую часть обширной средне-Азійской плоскости, она дѣлится на двѣ полосы, сѣверную и южную Китайскую областью Канъ-Су (Гань-Су). Первая, или Монголія, въ тѣсномъ смыслѣ, граничитъ къ сѣверу Сибирью, къ востоку Маньчжуріей, къ югу собственнымъ Китаемъ, къ западу областью Си-юй или Си-уэй; длина ея 900 миль, ширина 350. Другая часть Монголіи, или Хуху-норъ, къ сѣверу и востоку сопредѣльна съ Китаемъ, къ югу съ Тибетомъ, къ западу съ областію Си-уэй. Она имѣетъ 260 миль въ длину отъ востока къ западу, и 110 въ ширину отъ сѣвера къ югу. Поверхность обѣихъ частей вкупѣ можетъ простираться до 250,000 квадратныхъ миль.

Къ сѣверу и сѣверозападу отъ собственной Монголіи лежитъ Алтай, а далѣе Хинь-Ганъ-Тугурикъ, или Яблонный Хребетъ; къ востоку Хинь-Ганъ; на югѣ ея проходитъ Алчжанъ и Гачжаръ, въ срединѣ Хан-гай. Отъ этихъ горъ идутъ отрасли, пересѣкающія другъ друга.

Страна Хуху-норъ граничитъ на югѣ съ хребтами Кулкуномъ и Баинъ-харою; на сѣверъ съ Нанъ-шаномъ,

на сѣверовостокъ съ вѣтвію Хуэнъ-луня. Почти всѣ эти горы весьма высоки, и снѣгъ лежитъ на нихъ бо́льшую часть года; между отрослями ихъ простираются долины, иногда довольно обширныя. Названіе страны происходитъ отъ Хуху-нора, большаго озера, лежащаго на востокѣ и имѣющаго 95 миль въ окружности. Имя его, голубое озеро, дано ему по цвѣту воды; истока оно не имѣетъ. Хуань-хо (Hoang-ho), великая рѣка Китайская, выходитъ изъ Хуху-норской земли. Температура здѣсь довольно холодная.

Собственная Монголія, относительно къ широтѣ своей, также не тепла. Значительная часть поверхности ея занята обширною степью Го́би, или Шамо. Первое изъ этихъ именъ — Монгольское и означаетъ всякую безводную и нагую равнину; на западѣ называется она Шашиномъ. Ее пересѣкаютъ цѣпи горъ и холмовъ; въ восточной части ея есть нѣсколько оазисовъ, орошаемыхъ ручьями; въ другихъ мѣстахъ трава ростетъ лишь по впадинамъ и то при дождливомъ лѣтѣ. Хотя Го́би очень высока и вообще представляетъ равнину, однако-жъ къ востоку есть въ ней углубленіе на семь сотъ футовъ.

Шамо означаетъ песчаное море, и потому названіе это принадлежитъ собственно одной серединѣ Го́би, которая въ самомъ дѣлѣ песчана; прочая поверхность ея покрыта хрящемъ и кругляками, между коими попадаются довольно часто твердые самоцвѣтные камни, каковы агаты, сердолики, халцедоны. Нигдѣ не видно другихъ деревчатыхъ растеній, кромѣ кустовъ, нерѣдко украшенныхъ цвѣтомъ; за неимѣніемъ дровъ употребляютъ *аргалъ*, или сушеный на-

возъ. Впрочемъ и въ лѣсистыхъ мѣстахъ Монголы не топятъ дровами, потому что искры и угольки, отскакивающіе отъ головень, легко могутъ зажечь войлочную юрту, а отъ горящаго аргала не бываетъ этого. Грунтъ подымается иногда непримѣтно до значительной высоты; изъ ребръ такихъ возвышенностей бѣгутъ потоки, которые скоро теряются въ степи, такъ что весь здѣшній край не имѣетъ рѣчекъ, а только мѣстами озера соленыя.

Въ другихъ округахъ Монголіи, горы, пересѣкаясь между собою, образуютъ частныя водохранилища, гдѣ накопившаяся вода ручьями изливается въ тѣ же озера. Въ сѣверной части текутъ рѣки, которыя, соединеніемъ своимъ, питаютъ съ одной стороны начало Енисея, съ другой верховья Сахалинъ-улы.

Сдѣланный нами очеркъ физической географіи Монгольскихъ странъ уже показываетъ, что населеніе ихъ должно преимущественно вести жизнь кочевую. Такова и была жизнь Монголовъ во всѣ извѣстныя времена.

Они раздѣляются нынѣ на нѣсколько десятковъ аймаковъ, или удѣловъ, съ подраздѣленіемъ ихъ на множество *знаменъ* (хошу). «Знамя, говоритъ почтенный авторъ Записокъ о Монголіи, есть слово, принятое Маньчжурами для означенія удѣльнаго владѣнія, въ качествѣ дивизіи военнаго народа. Нынѣ каждый удѣлъ Монгольскій носитъ названіе знамени для единообразія съ политическимъ устройствомъ Маньчжурскаго народа, который раздѣленъ на восемь знаменъ или корпусовъ. Каждымъ Монгольскимъ знаменемъ управляетъ осо-

бый князь.» Титло хановъ оставлено Китайцами однимъ знатнѣйшимъ владѣтелямъ.

Монголія состоитъ изъ трехъ главныхъ частей: Монгу, простирающейся на востокѣ и на югѣ, Халхи на сѣверѣ, и Хуху-нора на югозападѣ. Къ Монгу принадлежатъ аймаки Корцинь, Халхасъ восточный и западный, Сунитъ, Ордосъ, Чахаръ и многіе другіе; къ ней же причисляется западный Ордосъ, или За-Ордосъ, населенный Элётами, или Олотами. Халха состоитъ изъ четырехъ аймаковъ, управляемыхъ каждый своимъ ханомъ. Въ срединѣ простирается степь Шамо.

«По безпечности Монголовъ, говоритъ Г. Тимковскій, хлѣбопашество ихъ находится въ самомъ ничтожномъ положеніи: сѣютъ нѣсколько проса (шара́ буда́), ячменю и пшеницы; но въ столь маломъ количествѣ и съ такимъ нерадѣніемъ, что сего заведенія ихъ въ строгомъ смыслѣ нельзя почесть земледѣліемъ. Скудость степей въ подножномъ кормѣ для стадъ заставляетъ Монголовъ часто перемѣнять мѣста своего пребыванія. Гоняясь, такъ сказать, за травою, они нерѣдко должны переходить лѣтомъ на пастбища, отдаленныя отъ ихъ зимовьевъ и весеннихъ стойбищъ: слѣдственно принуждены надолго отлучаться отъ засѣянныхъ полей. Люди, провождающіе всю жизнь свою, какъ дѣти природы, подъ открытымъ небомъ, на необозримыхъ степяхъ, скитающіеся съ многочисленными стадами изъ одного мѣста въ другое, весьма естественно должны чувствовать отвращеніе отъ осѣдлой жизни. Прибавимъ къ тому наклонность къ бездѣйствію и робкую боязнь труда постояннаго, столь свойственныя дикимъ и кочевымъ

народамъ, тогда легко поймемъ, почему Монголы, подобно Бурятамъ, Калмыкамъ и Киргизамъ, уклоняются отъ неусыпныхъ заботъ о нивахъ; хотя, во время скотскаго падежа, они весьма завидуютъ выгодамъ тѣхъ, кои для пропитанія своего имѣютъ хлѣбъ. Любовь ихъ къ праздности до того простирается, что въ мѣстахъ, изобилующихъ лѣсомъ и травою, какъ напримѣръ между Кяхтой и Ургою, они никогда не дѣлаютъ для скота зимнихъ притоновъ, никогда не заготовляютъ сѣна, не говоря о какихъ нибудь 10 или 20 копнахъ; но во время глубокихъ снѣговъ, въ жестокую стужу и даже въ самомъ болѣзненномъ состояніи скота предоставляютъ пропитываніе и сохраненіе стадъ своихъ произволу судьбы. Отъ такой безпечности и лѣности они часто теряютъ почти все свое достояніе. Напримѣръ, весною 1821 года, въ сѣверной части Халхи, былъ такой сильный падежъ на скотъ, что у многихъ хозяевъ изъ 1000 овецъ осталось не болѣе 80.»

Неимѣніе достовѣрныхъ свѣдѣній касательно населенности Монголіи или лучше затруднительность для иностранца добыть ихъ, лишили Г. Тимковскаго средствъ сказать объ этомъ что-нибудь положительно. Число юртъ полагаютъ до 500,000, а въ каждой юртѣ по четыре души кругомъ; и такъ Монголовъ всего, быть-можетъ, около 2,000,000 человѣкъ, разсѣянныхъ по неизмѣримому и, большею частью, безплодному пространству, гдѣ часто проѣдешь десятки миль, не встрѣчая ни одной юрты.

Физіономія Монголовъ весьма извѣстна, потому что названіе ихъ служитъ именемъ цѣлой породѣ чело-

вѣческой, которую для большей точности слѣдовало бы называть *желтою*. Они средняго роста; лице у нихъ круглое, смугловатое, глаза впалые и наискось, но весьма быстрые; скулы широкія, носъ нѣсколько плоскій, борода очень рѣдкая и черные волосы на головѣ; они подбриваютъ ихъ на лбу и на вискахъ, а на затылкѣ заплетаютъ въ косу, лежащую на спинѣ. Монголъ съ густою бородой бываетъ для земляковъ своихъ предметомъ удивленія. Между Халхинцами и Чахарами Г. Тимковскій встрѣчалъ Монголовъ съ лицемъ бѣлымъ и благообразнымъ. «Но пріятная наружность, говоритъ онъ, и у Монголовъ болѣе принадлежитъ женщинамъ, имѣющимъ свѣжія и румяныя лица, и взглядъ живой, пламенный.» Нѣкоторыя изъ нихъ слыли бы пригожими и у насъ въ Европѣ.

Языкъ Монгольскій дѣлится на три главныя нарѣчія, образуемыя смѣшеніемъ чистаго Монгольскаго на сѣверовостокѣ съ Тунгусскимъ, какъ у Бурятовъ, а на западѣ съ Туркистанскимъ, какъ у Чжуньгарцевъ, или Калмыковъ.

Съ тѣхъ поръ, какъ Монголы приняли буддизмъ и покорились политикѣ Китая, нравы ихъ чрезвычайно смягчились; они вообще гостепріимны, ласковы, услужливы, добродушны и откровенны. Это уже не тѣ свирѣпые Татары, которыхъ одно имя заставляло нашихъ предковъ трепетать отъ ужаса. Воровство и, тѣмъ болѣе, грабежъ между ними порокъ необыкновенный, преслѣдуемый силою народныхъ обычаевъ и неизбѣжною строгостью закона. Чахары, однако-жъ, склонны къ воровству, такъ какъ Калмыки къ грабительству.

Одежда Монголовъ очень проста. «Мужчины, говоритъ Г. Тимковскій, лѣтомъ носятъ длинный кафтанъ, похожій покроемъ на Русскій, изъ китайки или шелковой матеріи, преимущественно синяго цвѣта; верхній уголъ правой полы, застегиваемый на груди, обшиваютъ чернымъ плисомъ. Плащи шьютъ предпочтительно изъ сукна краснаго или чернаго цвѣта. Носятъ кожаный поясъ съ мѣдными или серебряными пряжками, и на немъ непремѣнно ножъ и огниво. Шапка круглая, изъ шелковой матеріи, со стоячимъ околышемъ изъ чернаго плису; назади пришиваютъ къ ней двѣ или три красныхъ ленты, лежащихъ на спинѣ. Рубахи, коихъ иные вовсе не употребляютъ, и нижнее платье носятъ также китайчатыя. Сапоги кожаные, большею частію изъ нашей юфти, съ подошвами необыкновенно толстыми, подобно Китайскимъ. Зимою ходятъ въ овчинныхъ тулупахъ, нагольныхъ или крытыхъ китайкою, и зимнія шапки ихъ бываютъ обложены овчиною, или же мѣхомъ собольимъ, лисьимъ, куньимъ, сурковымъ, смотря по достатку.»

«Богатые, обоего пола, употребляютъ * и шелковое одѣяніе; но какъ они всякую пищу берутъ пальцами, а обтираютъ ихъ объ сапоги или объ полу, то на рѣдкомъ можно видѣть незапачканное платье; а рубаху и портки, надѣвши новыя, обыкновенно до тѣхъ поръ не снимаютъ, пока онѣ сами собою не истлѣютъ отъ пота. Неопрятность, происходящая отъ образа жизни, есть порокъ, общій знатнымъ и простымъ Монголамъ.»

* Записки о Монголіи.

«Духовенство, продолжаетъ Г. Тимковскій, носитъ кафтаны съ косымъ воротникомъ, изъ китайки, тафты или байки, исключительно желтаго и малиноваго цвѣта.

«Женская одежда во многомъ сходствуетъ съ мужскою. Волосы на головѣ раздѣляютъ онѣ на два локона или косы, опущенныя на грудь и украшенныя въ концѣ мелкими кусками серебра съ кораллами, бисеромъ или разноцвѣтными камнями. Кораллы составляютъ у Монголовъ самое лучшее, иногда дорогое украшеніе. У нѣкоторыхъ зажиточныхъ обоего пола бываютъ поясы и сѣдла, унизанныя кораллами и стоящія по нѣскольку тысячь рублей.

«Конская збруя, узды и сѣдла, съ весьма высокою переднею лукою, украшаются мѣднымъ наборомъ; рѣдко на нихъ или на колчанахъ можно видѣть серебро. Лукъ, стрѣлы и короткій тесакъ, вотъ все вооруженіе Монгольскаго воина. Ружья, болѣе винтовки, имѣютъ только охотники, для стрѣльбы дикихъ звѣрей; порохъ, дробь и пули Монголы получаютъ отъ Китайцевъ. Правда, ружья даются тѣмъ Монголамъ, кои причислены собственно къ Маньчжурскому войску.»

Жилища ихъ авторъ Записокъ о Монголіи описываетъ слѣдующимъ образомъ:

«Монголы кочуютъ въ круглыхъ юртахъ, которыя у насъ иначе называютъ кибитками. Сіи кибитки по-Монгольски именуются *гыръ*; состоятъ изъ рѣшетчатыхъ складныхъ стѣнокъ, скрѣпленныхъ, вмѣсто шпиньковъ, сырымъ ремнемъ: съуживая можно повышать ихъ, расширяя — понижать. Полукруглый наметъ,

образующій кровлю, состоитъ изъ двухъ дугъ, къ которымъ лучеобразно прикрѣплены палки, упираемыя въ рѣшетчатыя стѣнки. Сей остовъ облекаютъ войлаками въ одинъ, а зимою въ два и три ряда, и обтягиваютъ шерстяными широкими тесьмами или веревками. Дымовое отверзтіе въ центрѣ намета накрываютъ особливымъ войлокомъ. Дверь состоитъ изъ обшитаго простеганнаго холстомъ войлока, повѣшеннаго въ рамѣ; бываютъ и деревянныя двери въ рамкахъ. Дверное отверзтіе всегда обращено къ юговостоку. Кибитки въ вышину имѣютъ около пяти, а съ наметомъ отъ осьми до десяти, въ поперечникѣ отъ двѣнадцати до двадцати футовъ; свѣтъ проходитъ въ юрту сквозь дымовое отверзтіе или дверь. Впереди, насупротивъ дверей, стоитъ божница съ позолоченными или бронзовыми бурханами *, предъ которыми посрединѣ стола чаша съ коровьимъ масломъ для возжиганія, и блюдце съ пепломъ для постановленія Тибетскихъ курительныхъ свѣчь. По сторонамъ сего блюдца разставлены въ мѣдныхъ чарочкахъ разныя хлѣбныя сѣмяна, вода, вино, чайная вода, и прочая. Посреди юрты стоитъ жаровня съ дровяными углями, а наиболѣе съ горящимъ аргаломъ. Сей огонь служитъ и къ согрѣванію юрты и къ приготовленію пищи. Таково общее расположеніе юрты. Въ юртѣ богатыхъ стѣнки обвѣшаны бываютъ бумажными или шелковыми матеріями, а полъ вкругъ жаровни устланъ войлоками, коврами, тюфяками; подлѣ стѣнокъ стоятъ ящики, покрытые коврами. Для прислуги бываютъ

* Бурханъ по-Монгольски праведникъ.

особыя юрты. Напротивъ въ юртѣ бѣдныхъ нѣтъ ни какихъ украшеній, кромѣ войлоковъ на полу. Въ той же юртѣ они должны помѣщать всю посуду домашнюю, а зимою телятъ, ягнятъ, козлятъ и собакъ. Естественно, что отъ сего бываетъ крайняя нечистота и неопрятность. Число употребляемой посуды очень ограничено. Одинъ или два чугунныхъ котла для варенія, жаровня для жженія аргала, нѣсколько кожаныхъ мѣховъ (тузлуковъ) для воды и молока, нѣсколько плоскихъ блюдъ или грубо выдолбленныхъ корытцевъ для подачи мяса; деревянныя чашки для питья, дойникъ, уполовникъ, желѣзная лопатка, топоръ, ножъ, — вотъ и все: не каждый имѣетъ кадочки и ведра.

«Обыкновенная пища состоитъ изъ кирпичнаго чаю, который варятъ съ небольшимъ количествомъ поджареннаго пшена или пшеничной муки, и приправляютъ солью, коровьимъ масломъ, молокомъ или сметаною. Сей чай наливаютъ каждому въ чашку, изъ которой пьютъ черезъ край. Двѣ или три чашки составляютъ обѣдъ, а чашка вмѣщаетъ не болѣе средняго стакана жидкости. По окончаніи обѣда каждый вылизываетъ свою чашку и кладетъ на полку, въ мѣшокъ или пазуху. Мясо варятъ въ водѣ безъ всякихъ приправъ и даже безъ соли, раскладываютъ въ корытцахъ и ѣдятъ его, отрѣзывая кусками и обмакивая въ соленую воду. Въ пищу употребляютъ всѣхъ домашнихъ животныхъ, исключая свиней. Но какъ скотъ составляетъ все ихъ имущество, то иногда не бросаютъ и упалой скотины, напротивъ бить живую жалѣютъ. Горячее вино гонятъ изъ квашенаго

молока, отчего оно отзывается непріятнымъ молочнымъ вкусомъ. Коровье масло приготовляютъ чисто и наливаютъ въ бараньи брюшины; сыры дѣлаютъ небольшими тонкими кружками желтаго цвѣта. Сыры эти вкусны, но, также какъ сливочные блинцы и сметана, нерѣдко смѣшаны съ шерстью, пепломъ и пылью.»

Отъ такой діэты Монголы довольно слабы въ силахъ, за то необыкновенно проворны и легки. Шестидесятилѣтній старикъ молодцомъ взлетаетъ на лошадь и проскачетъ верстъ двѣсти въ день не уставши. Воду пьютъ Монголы очень рѣдко, замѣняя обыкновенное питье тѣмъ же кирпичнымъ чаемъ, который безпрестанно варится у нихъ на очагѣ.

«Утомленный путешественникъ, говоритъ Г. Тимковскій, смѣло входитъ въ юрту и, по закону степнаго гостепріимства, во всякое время можетъ утолить голодъ и жажду кирпичнымъ чаемъ. Для сего однако употребляетъ онъ собственную деревянную чашку, которую каждый Монголъ имѣетъ при себѣ какъ необходимую принадлежность.» Здѣсь въ великомъ уваженіи чашки, вывозимыя изъ Тибета, по отмѣнной чистотѣ токарной выдѣлки, пріятному виду волнистаго дерева и по святости земли, дающей такое произведеніе. Чашки эти, у богатыхъ, внутри бываютъ выложены чистымъ серебромъ.

«Обыкновенное занятіе мущинъ, * состоитъ въ смотрѣніи за скотомъ и въ исправленіи службы. Но вообще домашнія работы всѣ почти принадлежатъ женщинамъ и невольникамъ Въ началѣ весны

* Записки о Монголіи.

каждый поправляетъ свои воинскія вещи. Послѣ сего князья и Тайцзіи собираютъ своихъ подчиненныхъ въ одно мѣсто, осматриваютъ исправность вооруженія, испытываютъ ихъ въ стрѣляніи изъ лука и потомъ отправляются съ ними къ главному сборному мѣсту, гдѣ владѣтельный князь производитъ общій смотръ подобнымъ же образомъ.

« Лѣтомъ, когда въ изобиліи молоко, приготовляютъ кумызъ (курунгуну-араки) и вино (хара-араки), масло и сыръ. Въ сіе время начинаютъ Монголы свои празднества. Молодые люди, каждый съ своимъ виномъ и баранами, отправляются къ священнымъ *обо* (или курганамъ), при которыхъ поклоняются духамъ, покровителямъ окрестныхъ мѣстъ. Предъ сими обо ламы ставятъ низкіе столики, садятся за оные на тюфякахъ и совершаютъ священнослуженіе подъ открытымъ небомъ. Потомъ сходятъ въ долины, гдѣ празднество ихъ обыкновенно украшается соперничествомъ въ конскихъ ристаніяхъ, въ стрѣляніи изъ лука и въ борьбѣ. Побѣдители получаютъ опредѣленную отъ общества награду. Потомъ начинаютъ домашнія празднества и посѣщаютъ другъ друга. Въ сіе-то время наиболѣе совершаютъ браки. Вареный кирпичный чай, молочное вино, мясо, сыръ и сметана, — вотъ всѣ вещи, въ которыхъ состоитъ угощеніе ихъ. Пѣсни поютъ, сидя въ кругу, но пляски не знаютъ. Изъ музыкальныхъ орудій имѣютъ только свирѣлку и гудокъ. Напѣвъ ихъ тихій, протяжный; онъ пріятенъ, даже трогателенъ, но вообще заунывенъ, и, подобно пустынямъ ихъ, располагаетъ къ задумчивости. Вѣчная пустота безмолвныхъ и угрю-

мыхъ Монгольскихъ степей есть храмъ задумчивости, сооруженный ей природою.»

«Монголы, говоритъ Тимковскій, вступаютъ въ бракъ въ самыхъ молодыхъ лѣтахъ. До того времени сыновья и дочери живутъ вмѣстѣ съ своими родителями. Въ случаѣ женитьбы, новобрачный получаетъ отъ отца нѣсколько скота и особую юрту (гыръ): тогда называется уже онъ *гырте́*, то есть домовитый, или хозяинъ. Невѣста въ приданое за собою приноситъ, кромѣ одежды, домашняго скарба и прочая, извѣстное число овецъ, лошадей. Горячность родителей и взаимная приверженность дѣтей къ нимъ, въ семъ грубомъ народѣ, безпредѣльны, разительны. Сыновья, и по женитьбѣ, большею частію, имѣютъ кочевья свои неразлучно съ отцемъ семейства, сколько то дозволяетъ пространство пастбищъ, необходимыхъ для скотоводства.

«Монголы въ бракахъ своихъ не разбираютъ ни какого родства съ женской стороны, такъ что у нихъ дѣти отъ роднаго брата и сестры могутъ жениться другъ на другѣ; двѣ сестры идутъ за одного мужа, и прочая. Напротивъ того родство въ мужскомъ колѣнѣ столь важно, что не только въ отдаленнѣйшемъ степени онаго, но даже въ самыхъ родахъ или племенахъ ихъ, называемыхъ *ясу* и ведущихъ начало свое отъ одного какого-нибудь предка, бракъ совершенно непозволителенъ, если женихъ и невѣста будутъ одного рода (ясу). По симъ уваженіямъ Монголы ведутъ свою родословную съ такою точностью, что, не смотря на ихъ размноженіе или случайное перемѣщеніе въ другіе роды, они никогда

не теряютъ своего ясу. Второе, не меньше важное препятствіе бракосочетанію, состоитъ въ томъ, что они, по предразсудкамъ и свойственному имъ суевѣрію, разбираютъ посредствомъ книгъ годъ рожденія жениха и невѣсты, то есть, подъ какими зодіаками они родились, дабы знакъ, подъ коимъ родилась невѣста, не могъ вредить женихову или не превышалъ бы его силою, разумѣя чрезъ то, чтобы жена въ семействѣ не взяла преимущества надъ мужемъ.

«Сватовство бываетъ у нихъ чрезъ постороннихъ людей. Получивъ согласіе, отецъ жениха со сватомъ и съ нѣкоторыми изъ ближнихъ родственниковъ отправляются въ домъ невѣсты, для окончательнаго условія. Они привозятъ съ собою по-крайней-мѣрѣ одного барана, сваренаго по частямъ, что называется *туэлей*; нѣсколько кувшиновъ вина и *хадаки* (родъ платковъ). Женихова сторона, объявивъ отцу невѣсты причины своего пріѣзда съ обыкновеннымъ азіятскимъ велерѣчіемъ, полагаетъ передъ бурхановъ на подносѣ голову привезеннаго барана съ нѣкоторыми другими частями мяса и хадакъ, возжигаетъ свѣчи и кладетъ нѣсколько земныхъ поклоновъ передъ кумирами. Потомъ всѣ садятся по мѣстамъ, и пріѣхавшіе начинаютъ угощать остальною бараниною и виномъ родителей и родственниковъ невѣсты; при чемъ должно имъ поднести по одному хадаку, или положить на дно чарки сколько-нибудь мѣдной монеты, которую родители невѣсты, выпивъ вино, оставляютъ у себя. Обрядъ сей называется *такилъ табиху* и подобенъ нашему рукобитью. Главное условіе при семъ случаѣ заключается въ опредѣленіи количества скота,

требуемаго за невѣсту, а особливо между бѣдными людьми, которые выдерживаютъ настояніе свое какъ бы на торгу. Зажиточные не ограничиваютъ числа скота и за честь себѣ поставляютъ не прекословить, полагаясь во всемъ на совѣсть и взаимное довѣріе. У богатыхъ Монголовъ, а особливо у владѣтельныхъ князей, выкупъ за невѣсту конечно долженъ быть великъ; между простолюдинами рѣдкій платитъ болѣе 400 головъ разнаго рода скота. Но какъ почти всегда скотъ отдаютъ въ осеннее время, то каждая самка принимается за двѣ головы; притомъ и уплата бываетъ не вдругъ, но по частямъ, смотря по состоянію жениха, а иногда продолжается лѣтъ шесть и семь. Слѣдовательно родители невѣсты, обязанные на полученный скотъ завести ей новую юрту совсѣми домашними принадлежностями, такъ, чтобы она, какъ говорится, ни за чѣмъ не ходила въ люди, а равно снабдить ее приличнымъ состоянію ея приданымъ и даже лошадью съ сѣдломъ, на которой она должна пріѣхать къ жениху, — принуждены бываютъ изготовлять нѣкоторыя вещи изъ своей собственности.

«Когда выплаченъ будетъ сполна условленный скотъ, за полученіемъ котораго непремѣнно долженъ пріѣзжать отецъ невѣсты, при чемъ женихова сторона угощаетъ его приличнымъ образомъ; то вскорѣ послѣ того женихъ даетъ пиръ родителямъ и родственникамъ невѣсты. Пиръ сей происходитъ въ слѣдующемъ порядкѣ. Женихъ со всѣми своими родными и знакомыми, коихъ число бываетъ иногда до ста человѣкъ, отправляется съ приготовленнымъ изъ

нѣсколькихъ барановъ кушаньемъ (богатые возятъ барановъ по 20) и какъ можно съ бо́льшимъ количествомъ вина и хадаковъ къ названному тестю своему, въ юртѣ коего всѣ гости должны быть уже собраны. Когда учиненъ будетъ такой же обрядъ, какой бываетъ при *такилъ табиху*, то подносятъ тестю, тещѣ и ближнимъ родственникамъ хадаки. Потомъ всѣ гости выходятъ изъ юрты, садятся возлѣ оной въ кружокъ и начинаютъ пиршество, которое состоитъ въ угощеніи виномъ, мясомъ и кирпичнымъ чаемъ. По окончаніи пира, ѣздятъ иногда съ такимъ же угощеніемъ и къ ближайшимъ родственникамъ невѣсты. Это называется *харимъ кургеку* — приношеніе свадебнаго пира. Тутъ дарятъ обыкновенно жениху, а иногда отцу и матери со стороны невѣсты богатыя одежды. Впрочемъ женихъ не имѣетъ удовольствія бесѣдовать съ невѣстою; ибо, по обыкновенію Монголовъ, она, со дня помолвки ея, избѣгаетъ всякаго свиданія не только съ нимъ, но даже и съ родственниками его. На семъ же пиру, по настоянію жениховой матери, назначаютъ въ непродолжительномъ времени и самую свадьбу, избравъ съ обѣихъ сторонъ, по совѣту Ламъ, счастливый день.

«У Монголовъ нѣтъ обыкновенія, чтобы пріѣзжали со стороны жениха за невѣстою, а посылаютъ только на канунѣ свадьбы двухъ человѣкъ освѣдомиться, нѣтъ ли какихъ препятствій или неисправности; посланные тогда же должны возвратиться назадъ. Когда приближается время свадьбы, невѣста посѣщаетъ ближайшихъ своихъ родственниковъ, у коихъ проводитъ, по-крайней-мѣрѣ, по одной ночи въ играхъ и гуляньѣ

съ подругами, съ коими пріѣзжаетъ потомъ къ своимъ родителямъ, и остальное время, ночь или двѣ, проводитъ тоже въ играхъ, въ пѣніи пѣсенъ и въ угощеніи подружекъ и собравшихся родственниковъ и сосѣдей. Наканунѣ и въ день отъѣзда невѣсты, Ламы служатъ по своему обычаю молебствіе.

«Между тѣмъ какъ отсылаютъ юрту ея и прочее приданое, всѣ подруги собираются въ юрту и садятся близъ дверей въ кружокъ съ невѣстою, держась за нее крѣпко. Провожатые съ великимъ трудомъ принуждены бываютъ выталкивать ихъ по одиночкѣ изъ юрты, пока не выручатъ невѣсты, которую, взявъ на плеча, выносятъ вонъ, сажаютъ на лошадь и, покрывъ плащемъ, объѣзжаютъ съ нею три раза вокругъ жертвеннаго огня, потомъ пускаются въ путь въ сопровожденіи ближнихъ родственницъ; а въ слѣдъ за ними отправляется мать и прочіе родственники. Отецъ ея остается дома, если не будетъ прошенъ на канунѣ, и уже на третій день ѣдетъ освѣдомляться о здоровьѣ дочери своей. Похищеніе невѣсты встрѣчаетъ большое сопротивленіе, если случится много взрослыхъ подружекъ, а особливо встрѣчало въ прежнія времена, когда бывало въ обыкновеніи переплетаться веревкою, продергивать ее въ рукава платья и укрѣплять за юрту.

«За полверсты отъ дома своего, женихъ высылаетъ человѣка съ виномъ и мясомъ для встрѣчи невѣсты и всей ея свиты. По пріѣздѣ на мѣсто, невѣста не должна входить ни въ какую юрту, а остается на дворѣ подъ покрываломъ съ провожатыми женщинами, покуда не поставятъ и не уберутъ какъ долж-

но собственной ея юрты. Когда же все будетъ кончено, то вводятъ ее въ оную, сажаютъ на постель, расплетаютъ дѣвичьи косы, коихъ обыкновенно бываетъ много, снимаютъ съ нихъ коралловыя украшенія и составляютъ двѣ косы съ приличнымъ уборомъ; потомъ надѣваютъ платье, присвоенное замужнимъ женщинамъ, и отводятъ въ домъ свекра на поклонъ, гдѣ всѣ родственники и гости жениха находятся въ собраніи. Въ продолженіе чтенія Монгольской обрядной книги, невѣста, съ лицемъ, покрытымъ шапкою, кланяется въ слѣдъ за однимъ мужчиною, ровестникомъ ей по лѣтамъ, сперва огню, потомъ свекру, свекрови и прочимъ ближайшимъ или старшимъ родственникамъ жениха, которые всѣ даютъ ей словесное благословеніе. Въ сіе же время подносятся отъ невѣсты подарки свекру, свекрови и прочимъ родственникамъ, заключающіеся въ разныхъ вещахъ и платьѣ, особливо свекру, который можетъ даже назначать себѣ подарокъ по предварительному условію.

«Послѣ сего невѣста возвращается въ свою юрту. Монголы весьма равнодушны къ удовольствіямъ брака, такъ что иногда молодой не ночуетъ съ женою своей дней шесть и семь, а особливо, покуда гоститъ у него теща, которая должна пробыть у дочери по-крайней-мѣрѣ одну ночь. При отъѣздѣ ея и другихъ ближайшихъ родственниковъ, новобрачной воспрещается не только провожать ихъ, но даже и смотрѣть имъ въ слѣдъ.

«Чрезъ мѣсяцъ послѣ свадьбы, новобрачная, съ мужемъ своимъ или въ сопровожденіи одного изъ

родственниковъ его, ѣздитъ для свиданія съ родителями, а чрезъ нѣсколько мѣсяцевъ или по прошествіи года бываетъ у нихъ вторично. Послѣднее посѣщеніе предпринимаютъ они единственно для полученія въ приданое скота отъ родителей.

«Невѣстка должна воздавать почтеніе свекру, свекрови, мужниным дядямъ и теткамъ слѣдующимъ образомъ. Она не можетъ принимать ихъ въ юртѣ своей или быть у нихъ безъ короткаго верхняго платья, — которое шьется изъ китайки или шелковой матеріи безъ рукавовъ, — называемаго *учжи*, и безъ шапки на головѣ. При входѣ ихъ въ юрту, она тотчасъ встаетъ, а въ присутствіи ихъ должна сидѣть на одномъ колѣнѣ; выходитъ же изъ юрты, не оборачиваясь къ нимъ спиною. Въ юртѣ свекра своего она имѣетъ мѣсто только у дверей и не можетъ проходить въ *хоймо́ръ*, то есть, въ ту часть, которая находится между огнемъ и бурханами. Равнымъ образомъ и свекоръ, будучи въ юртѣ невѣстки, не садится близъ постели ея, обыкновенно находящейся на правой половинѣ.

«Монголамъ не воспрещается имѣть по нѣскольку женъ, изъ коихъ старшей предоставляется управленіе хозяйствомъ и отдается болѣе уваженія.

«Разрывы брака у нихъ дѣло обыкновенное: по неудовольствіямъ которой-нибудь стороны бракъ тотчасъ можетъ разрушиться. Если мужъ, безъ всякихъ законныхъ причинъ, захочетъ развестись съ своею женой, то долженъ дать ей одно лучшее платье и лошадь съ сѣдломъ, на которой могла бы она возвратиться къ родителямъ, а прочее ея приданое удер-

живаетъ у себя, въ зачетъ отданнаго имъ за нее въ выкупъ скота, и теряетъ право на искъ прочихъ своихъ издержекъ. Жена, не терпящая своего мужа, уходитъ украдкою къ своимъ родителямъ, которые однако жъ до трехъ разъ обязаны возвращать ее мужу. Но если она учинитъ побѣгъ въ четвертый разъ, тогда приступаютъ уже къ условіямъ развода, по коимъ все приданое ея предоставляется въ пользу мужа, и сверхъ-того отецъ ея повиненъ возвратить зятю нѣкоторое число скота, какое положено будетъ по суду. Однако такая уплата, которая у самыхъ богатыхъ не превышаетъ 35 штукъ скота, не прежде дѣлается, какъ разведшаяся женщина уже помолвлена будетъ за другаго, если впрочемъ родители ея, изъ любви къ ней и въ избѣжаніе неудовольствій, не отдадутъ требуемаго изъ своего имѣнія. Но какъ сіи разрывы убыточны для родителей бѣжавшей женщины, а равно и для нея самой, то догадливыя изъ нихъ успѣваютъ иногда уносить съ собой украдкою все лучшее платье и головное украшеніе, состоящее изъ коралловъ, лазурика, янтаря, и прочая. Если же она въ томъ по суду будетъ обличена, то обязана все возвратить прежнему мужу, кромѣ лошади, сѣдла съ приборомъ и одного лучшаго убора и платья, полученныхъ ею въ приданое.

«Монголы тѣла умершихъ иногда предаютъ погребенію, иногда оставляютъ на поверхности земли въ гробахъ, или же закладываютъ каменьями, смотря по тому, подъ какимъ знакомъ родился покойникъ, сколько лѣтъ жилъ, въ какой день и часъ онъ умеръ, то есть, въ счастливый или злополучный, и какимъ обра-

зомъ должно его похоронить, на что имѣются у нихъ особыя книги, объясняемыя учеными ламами. Иногда мертвые трупы сжигаютъ или бросаютъ ихъ просто на съѣденіе звѣрямъ и птицамъ; не менѣе господствуетъ у нихъ предразсудокъ, по коему тѣ изъ родителей, у которыхъ скоро умираютъ дѣти, кидаютъ мертвыхъ младенцевъ при дорогахъ въ кожаныхъ мѣшкахъ, положивъ тутъ же нѣсколько съѣстныхъ припасовъ, какъ то, масла и прочая, дабы симъ способомъ отвратить смерть У нихъ бываетъ поминовеніе объ умершихъ, смотря по состоянію и усердію ближнихъ. Самое большое поминовеніе продолжается 49 дней, въ которое время Ламы безпрерывно читаютъ въ домѣ покойника духовныя книги объ очищеніи его души. За труды свои награждаются они, въ видѣ подаянія, разнымъ скотомъ и вещами. Сверхъ того богатые дарятъ много скота по разнымъ капищамъ въ пользу ламъ, дабы они молились объ умершемъ. Но такое поминовеніе продолжается не долго. По прошествіи двухъ или трехъ лѣтъ, вовсе забываютъ о покойникѣ, ибо коса смерти ежедневно открываетъ корыстолюбивымъ Ламамъ новыя занятія, съ щедрымъ воздаяніемъ за ихъ словесный трудъ, который основанъ на ихъ выгодахъ, а не на любви къ умершимъ, и не на чистыхъ понятіяхъ о состояніи ихъ по смерти. Словомъ, безъ платы Ламы никогда не молятся за покойниковъ.

«Однихъ шамановъ погребаетъ не Лама, а такой же шаманъ, который умоляетъ злыхъ духовъ о принятіи души покойника. По мнѣнію Монголовъ, душа шамана не можетъ восходить къ Богу, а должна скитаться по землѣ въ видѣ злаго духа, причиняя лю-

дямъ вредъ, дабы принудить ихъ отдавать ей почтеніе и приносить жертвы. По сему-то суевѣрію, кто бы ни занемогъ неизвѣстною болѣзнію, Монголы тотчасъ прибѣгали къ шаманамъ и искали отъ нихъ объясненія недуга. Шаманъ, для выгоды своей, не затруднялся въ отвѣтахъ и приписывалъ болѣзнь какому-нибудь злому духу, требующему жертвы; самъ назначалъ оную и призывалъ духовъ въ сильномъ изступленіи, дабы они удовольствовались приносимою имъ жертвою и отступили отъ болящаго. Всякой успѣхъ въ семъ случаѣ награждался щедро.

«Вредъ и убытки, причиняемые пронырствомъ шамановъ, почитавшихъ волю свою закономъ, были причиною ихъ паденія. Въ 1819 и 1820 годахъ, одинъ знаменитый Лама возсталъ сильно противъ шамановъ и въ короткое время успѣлъ истребить совершенно шаманскую вѣру во всей Халхѣ. Примѣру Халхинскихъ Монголовъ послѣдовали всѣ Селенгинскіе и частію Хоринскіе Буряты наши, и шаманскія орудія и одежды сожжены безъ остатка. Сказываютъ, что упомянутый Лама для искорененія шаманства употреблялъ освященную имъ землю, которую разсылалъ по всѣмъ шаманамъ, живущимъ въ отдаленности, и что отъ прикосновенія къ сей землѣ злые духи, будто бы, оставляли шамановъ. Вотъ какое сильное дѣйствіе имѣетъ вѣра, даже и ложная въ понятіи грубыхъ язычниковъ!

«Человѣкъ, всегда имѣющій при себѣ лукъ и стрѣлы, привыкшій носиться на быстромъ конѣ, едва ли согласится охотно сѣсть за ткацкимъ станкомъ, взять въ руку пилу или рѣзецъ. Монголы доселѣ сохраня-

ютъ воинственный характеръ предковъ своихъ. У нихъ есть смѣлые наѣздники, мѣткіе стрѣлки изъ лука; они въ упражненіи семъ доходятъ до совершенства, преслѣдуя дикихъ звѣрей; но между ними трудно найдти искуснаго художника, даже простыхъ ремесленниковъ мало. Есть, правда, мастера серебряныхъ дѣлъ; но и сихъ людей, въ весьма немногомъ числѣ находящихся, держатъ при себѣ токмо удѣльные князья для изготовленія небольшихъ вещей, собственно въ Монгольскомъ вкусѣ, составляющихъ предметъ ихъ ограниченной роскоши. Кузнечное и столярное искуство доселѣ въ большомъ несовершенствѣ. Одни только войлоки и волосяныя веревки, необходимыя для окутыванія юртъ, Монголы приготовляютъ сами, а равно выдѣлываютъ дома овчины для зимняго платья.

«Взглянувъ на одежду Монгола, на его скудный домашній скарбъ, на самое сѣдло его, можно удостовѣриться, что все нужное получаетъ онъ изъ рукъ Китайцевъ. Кирпичный чай, табакъ, шелковыя и бумажныя матеріи для одежды, обувь, разныя желѣзныя вещи, въ хозяйственномъ быту необходимыя, все сіе Монголы вымѣниваютъ у Китайскихъ купцовъ на своихъ верблюдовъ, овецъ, быковъ и лошадей. Въ нашу бытность, порядочную лошадь Монголы продавали за 50—60 кирпичей чаю. Каждый кирпичь, или брусокъ, имѣетъ вѣсу не менѣе четырехъ фунтовъ Русскихъ.

«Для такого торга Китайцы ѣздятъ нарочно въ Монголію. Подобно нашимъ мелочнымъ разнощикамъ, отправляющимся для продажи своихъ товаровъ въ

отдаленныя губерніи, Китайскіе торгаши скитаются по степямъ Монгольскимъ, и вымѣниваемый тутъ скотъ, сырыя кожи, масло, и прочая, доставляютъ въ Халганъ, Пекинъ и другіе Китайскіе города. Болѣе же сами Монголы ѣздятъ къ Китайцамъ для мѣны и покупки разныхъ жизненныхъ потребностей на скотъ или на серебро (Монголы не имѣютъ своей монеты), которое однако же самой низкой доброты, такъ что на ихъ собственномъ языкѣ оно извѣстно подъ именемъ *хара монгу*, то есть, чернаго серебра. Для сей мѣны Монголы являются въ Маймачены, или Китайскія торговыя слободы, учрежденныя на Кяхтѣ и близъ Урги; въ первомъ однако мѣстѣ они все нужное для себя покупаютъ изъ вторыхъ рукъ, отъ Китайскихъ торговцевъ. Преимущественно же гоняютъ они свой скотъ въ разные города, лежащіе у Великой стѣны и по сю сторону оной, какъ то, Долонноръ, Халганъ, Куку-хото. Во время моего пребыванія въ Монголіи, хорошій верблюдъ продавался на серебро за 20—30 ланъ (40 и 60 рублей серебромъ); крѣпкая рабочая лошадь за 6, 10, 15 ланъ; тучный баранъ отъ 2 до 3 ланъ. Туда же отправляютъ Монголы на продажу соль, добываемую изъ озеръ. Одна только перевозка Китайскихъ товаровъ изъ Халгана на Кяхту и обратная доставка произведеній, вымѣниваемыхъ въ послѣднемъ мѣстѣ у купцовъ Русскихъ, составляетъ у Монголовъ значительную и выгодную промышленность. Для сего употребляютъ они собственныхъ верблюдовъ, а Чахарскіе Монголы быковъ. Плату получаютъ отъ Китайцевъ серебромъ, но болѣе товарами.»

Что касается до политическаго состоянія Монголіи, орды ея или аймаки раздроблены на множество мелх удѣловъ, управляемыхъ князьями и *тайцзіями*. Первые бываютъ пяти степеней: цинь-ванъ, цзюнь-ванъ, бе́йле, бе́йзе и гунъ; но какой бы степени они ни были, всѣ удѣльные князья, равно какъ и владѣтельные тайцзіи, въ отношеніи къ Китайскому императору, называются чжасаками, то есть управляющими. Безудѣльные князья и тайцзіи составляютъ многочисленный классъ помѣщиковъ, или дворянъ, владѣющихъ по частямъ землями удѣловъ, и людьми, живущими на тѣхъ земляхъ. Послѣдніе не что иное, какъ полусвободные военно-поселяне, обязанные нести и земскія повинности, и военную службу. Сверхъ того у Монголовъ есть еще невольники, или рабы, происходящіе отъ плѣнныхъ, а большею частію отъ преступниковъ, закабаленныхъ въ рабство вмѣсто ссылки. Это настоящіе помѣщичьи крестьяне.

Все политическое устройство Монголіи чисто военное. Каждый удѣлъ составляетъ дивизію или отрядъ, подъ именемъ *хошуна* (знамени); дивизія дѣлится на *чжаланы* (полки), которымъ нѣтъ положеннаго числа, а чжаланъ состоитъ изъ шести *сомуновъ* (эскадроновъ), содержащихъ въ себѣ по полуторусту конныхъ солдатъ каждый.

Послѣ владѣтельнаго князя, первое мѣсто въ знамени по управленію занимаетъ *тусалакци*, или помощникъ. Кромѣ того въ каждомъ знамени есть *хошунъ-чжангинъ*, корпусный генералъ, и два генералъ-лейтенанта, называемые *мейренъ-чжангинъ*. Полками начальствуютъ *чжаланъ-чжангины*, эскадронами со-

мунъ-чжангины, а подъ ними состоятъ еще низшіе чины. Они же завѣдываютъ и гражданскимъ управленіемъ.

« Для внутренней полиціи, говоритъ авторъ Записокъ о Монголіи, надъ каждыми десятью кибитками поставляется одинъ десятникъ, который обязанъ надзирать за поведеніемъ ихъ, и подлежитъ отвѣтственности, ежели въ его десяткѣ откроются преступники. Исключая тусалакція, всѣхъ прочихъ чиновниковъ предоставлено самимъ князьямъ выбирать изъ своихъ тайцзіевъ или изъ простыхъ, и опредѣлять въ должности съ соотвѣтствующимъ чиномъ, безъ отношенія къ высшему начальству.

« Для управленія дѣлами по знамени князь руководствуется уложеніемъ, имѣетъ канцелярію для дѣлопроизводства и печать для утвержденія (бумагъ). Монгольское уложеніе состоитъ изъ двѣнадцати отдѣленій и сокращенно объемлетъ всѣ части кочеваго управленія. Оно сочинено Китайскимъ правительствомъ и, по обстоятельствамъ, пополняется указами, имѣющими силу закона. »

Дѣла незначительныя рѣшаются въ княжеской канцеляріи по уложенію или степнымъ обычаямъ; важныя поступаютъ на разсмотрѣніе окружнаго сейма, состоящаго изъ начальниковъ нѣсколькихъ знаменъ одной округи, и собирающагося каждые три года подъ предсѣдательствомъ чжулга́ниды, или главы, и одного его помощника. Глава назначается Китайскимъ императоромъ изъ князей сейма, которые являются для того лично къ Пекинскому Двору.

Чрезъ каждые три года производится народная перепись по особому указу богдохана. Пекинская Палата иностранныхъ дѣлъ посылаетъ гонцевъ съ вѣстію о томъ къ предсѣдателямъ сеймовъ и другимъ начальствамъ. Каждый хошунъ снабжается заблаговременно бѣлыми тетрадями за государственною печатью, гдѣ отмѣчаются родившіеся и умершіе, подъ строгой отвѣтственностью за малѣйшій пропускъ. Перепись отсылается на ревизію въ Палату иностранныхъ дѣлъ, а въ хошунѣ остается съ нея списокъ.

Смотря по прибыли или убыли людей, обнаруживаемой переписью, составляются новые или, напротивъ, уничтожаются старые сомуны. Солдатъ, если позволяютъ ему силы, долженъ служить отъ осмнадцати до шестидесяти лѣтъ; въ противномъ случаѣ онъ выключается изъ списковъ. На трехъ солдатъ выдается одинъ воинскій снарядъ, такъ, что въ сомунѣ только пятьдесятъ человѣкъ вооруженныхъ; въ случаѣ войны двое должны идти въ походъ, а третій остается на мѣстѣ.

Въ Халхинской области, какъ порубежной съ иностраннымъ государствомъ, учреждено особое управленіе, завѣдывающее пограничными дѣлами. Владѣтельному князю, или вану, назначается для того помощникъ, или амбань. Оба они живутъ въ Ургѣ, и подъ предсѣдательствомъ ихъ состоитъ особый *Ямунъ* или Палата.

Главное управленіе надъ Монголіею ввѣрено Пекинской Палатѣ иностранныхъ дѣлъ, извѣстной у

Монголовъ подъ именемъ Чжурганя, или приказа, а по-Китайски называемой Ли-фань-юань.

Исключая наслѣдныхъ князей, или принцевъ, всѣ прочіе княжескіе сыновья остаются въ достоинствѣ тайцзіевъ, раздѣленныхъ на четыре класса; но если это дѣти князей и тайцзіевъ безудѣльныхъ, то при каждомъ колѣнѣ они понижаются одною степенью до четвертаго класса, въ которомъ остаются навсегда или впредь до повышенія ихъ за заслуги указомъ Китайскаго императора Достоинство какъ удѣльныхъ, такъ и безудѣльныхъ князей и тайцзіевъ наслѣдственно въ мужескомъ колѣнѣ по прямой линіи и по праву первородства.

Трудно сказать что-нибудь положительное о приверженности Монголовъ къ Маньчжурской династіи. Ненависть ихъ къ Китайцамъ кажется неизгладима и находитъ постоянную пищу въ ихъ корыстолюбіи, дозволяющемъ себѣ самыя низкія средства.

Династія Дай-циньская умѣла однако-жъ укротить воинственный духъ Монголовъ. Объявивъ ихъ данниками поднебесной имперіи и всенародно требуя отъ нихъ маловажныхъ пожертвованій скотомъ, Пекинскій Дворъ платитъ имъ вдесятеро за эту жертву. Подъ предлогомъ награды за вѣрность и усердіе, богдоханъ дѣлаетъ князьямъ Монгольскимъ значительные подарки, состоящіе изъ серебра, шелковыхъ тканей, богатыхъ одеждъ съ императорскаго плеча, шапокъ съ павлиньими перьями, и такъ далѣе. Нѣкоторыхъ князей, особенно изъ живущихъ близъ Великой Стѣны, въ восточной Монголіи, онъ умѣлъ привязать къ себѣ, выдавая за нихъ дочерей, сестеръ или племян-

ницъ. Въ свитѣ царевенъ всегда есть нѣсколько Маньчжуръ, душою преданныхъ императору, и они то наблюдаютъ за князьями. Послѣдніе получаютъ большое жалованье и сверхъ-того хорошее приданое за женами, которымъ выдается ежегодно извѣстное количество денегъ, сарацинскаго пшена и шелковыхъ тканей. Подарки эти уменьшаются по мѣрѣ отдаленности родства отъ императорскаго колѣна, а дочери вановъ и гуновъ, принадлежащихъ къ самымъ дальнимъ отраслямъ, пользуются только титломъ принцессъ, не имѣя права на жалованье.

Въ первый зимній мѣсяцъ князья тринадцати хошуновъ, изъ которыхъ выбираются обыкновенно мужья для близкихъ родственницъ императора, обязаны ежегодно доносить въ Палату иностранныхъ дѣлъ о тѣхъ изъ сыновей своихъ или братьевъ, которые, будучи отъ 15 до 20 лѣтъ, отличаются нравственными, умственными и физическими качествами. Родители, о чьихъ дѣтяхъ уже доведено до свѣдѣнія Палаты, въ случаѣ поѣздки своей въ Пекинъ, должны привозить ихъ съ собою. Приказъ, завѣдывающій дѣлами царской фамиліи, вытребовавъ чрезъ Палату иностранныхъ дѣлъ всѣхъ извѣстныхъ ему тайцзіевъ, избираетъ достойнѣйшихъ въ зятья Богдохану и представляетъ ихъ ему на утвержденіе.

Царевны, выданныя за князей Монгольскихъ, не прежде являются съ поздравленіемъ къ богдохану, какъ по прошествіи десяти лѣтъ отъ ихъ замужства. Тогда, во всю бытность свою въ Пекинѣ, имѣютъ они право на казенное содержаніе, соотвѣтственное ихъ сану и степени родства съ домомъ император-

скимъ. Тѣ, которыя пріѣзжаютъ въ столицу по собственнымъ дѣламъ до истеченія срока, живутъ на своемъ иждивеніи. Ни одна не можетъ явиться ко Двору, не испросивъ дозволенія богдоханова черезъ Палату, которая въ правѣ отказать имъ, если найдетъ желаніе ихъ основаннымъ на причинахъ недостаточныхъ. Если царевна пустится въ столицу или какой иной городъ безъ вѣдома родоваго чжасака, онъ обязанъ остановить ее: въ противномъ случаѣ какъ онъ, такъ и царевна съ мужемъ своимъ подвергаются пенѣ.

Княжны могутъ проживать въ Пекинѣ шесть мѣсяцевъ со дня ихъ прибытія. По истеченіи срока, родители должны немедленно отсылать ихъ, увѣдомляя о томъ Палату иностранныхъ дѣлъ, которой чжасаки доносятъ съ своей стороны о возвращеніи царевны. Въ случаѣ болѣзни надлежитъ взять отсрочку изъ Палаты. Если родители и чжасакъ сдѣлаютъ какое-нибудь упущеніе, они также подлежатъ штрафу.

Монгольскіе князья, находя политическія и хозяйственныя выгоды въ приверженности къ правительству, едва ли вздумаютъ искать освобожденія отъ его власти, развѣ изъ личной непріязни къ императору. Народъ, привыкшій слѣпо повиноваться волѣ родоначальниковъ, еще менѣе способенъ противиться ихъ видамъ. Напротивъ каждый Монголъ такъ доволенъ управленіемъ своего властителя и такъ привязанъ къ его особѣ, что готовъ при всякомъ случаѣ доказать вѣрность свою всевозможными пожертвованіями.

Монголы сохранили много древнихъ обычаевъ. Нѣкоторые изъ писанныхъ законовъ ихъ князей восходятъ къ временамъ Чингисхана. Во время присоеди-

ненія Монголіи къ Китайской державѣ, въ 1691 году, уложеніе ихъ было пересмотрѣно въ Пекинѣ и напечатано на Монгольскомъ, Маньчжурскомъ и Китайскомъ языкахъ.

Князья ежегодно должны являться въ столицу для поздравленія богдохана, въ первый день перваго мѣсяца. Всѣ аймаки раздѣлены на четыре очереди, которыя посмѣнно пріѣзжаютъ ко Двору. Каждая приводитъ трехъ верблюдовъ бѣлыхъ и двадцать четыре бѣлыхъ лошади. Приказъ императорскихъ конныхъ заводовъ выбираетъ только половину лошадей, а князья получаютъ за то каждый по большому серебряному чайнику въ 30 ланъ, или около 3 фунтовъ вѣсомъ, по тридцати кусковъ атласу, по семидесяти кусковъ китайки, и другіе подарки.

Тайцзіи, составляющіе нижній классъ дворянства, не имѣютъ права являться съ поздравленіемъ; они присылаютъ въ дань опаренныя туши бараньи, брюшины съ топленымъ масломъ или копченыя туши дикихъ кабановъ, сверхъ-того охотничьихъ ястребовъ и собакъ, орлиныя перья, и такъ далѣе. За все это щедро отдариваетъ ихъ Пекинскій Дворъ.

Въ числѣ уголовныхъ статей Монгольскаго уложенія особенно замѣчательна одна, доказывающая, что гостепріимство у этого кочеваго народа охраняется не только обычаемъ, но и закономъ. «Кто не впуститъ проѣзжаго ночевать, сказано въ уложеніи, и дастъ ему замерзнуть, того штрафовать однимъ девяткомъ скота; если проѣзжій не умретъ, то штрафовать двухлѣтнимъ бычкомъ. Если-жъ кто и впу-

ститъ ночевать проѣзжаго, да украдетъ у него имущество и скотъ, то принудить хозяина къ уплатѣ.»

Запрещено держать при знамени чиновныхъ и простыхъ Монголовъ дурнаго поведенія. Люди эти съ семействомъ, имуществомъ и скотомъ отсылаются въ Китайскія области Хе-нань и Шань-дунъ для употребленія къ труднымъ должностямъ на большихъ дорогахъ.

Изъ исторіи Монголовъ явствуетъ, что еще въ началѣ IV вѣкѣ по Р. Х., подъ владычествомъ дома Гуннъ, буддизмъ имѣлъ ревностныхъ приверженцевъ въ Монголіи. Выше замѣчено, что вѣроученіе это содѣйствовало къ постепенному умягченію ихъ нравовъ, ослабивъ мало-по-малу мнѣніе о безусловномъ правѣ силы, господствующее во всѣхъ варварскихъ умахъ.

Вѣроученіе буддистовъ первоначально было одно и то же въ Китаѣ и въ Монголіи. Въ послѣдствіи разность въ обрядахъ богослуженія и внѣшнемъ образѣ жизни постепенно произвела росколъ на двѣ секты,— Фоистовъ въ Китаѣ и Ламаитовъ въ Тибетѣ и Монголіи. Такой росколъ существовалъ уже въ XI вѣкѣ.

Послѣ бурхановъ, то есть, изображеній Будды и другихъ угодниковъ, въ Монголіи наиболѣе уважаются священныя книги. Когда Монголъ, свѣтскій или духовный, держитъ въ рукѣ кумиръ или книгу священную, это сей часъ замѣтно по его торжественному лицу, выражающему отрѣшеніе отъ всего земнаго.

По словамъ отца Іакинѳа, «Монгольскіе храмы имѣютъ входъ съ южной стороны, и сей самый входъ составляетъ лицевую сторону ихъ. Эти храмы вообще мрачны; весьма слабый просвѣтъ сквозь дверь и

огонь лампы освѣщаютъ ихъ внутренность. Впереди, на возвышенномъ пьедесталѣ, поставлены три огромные кумира, изъ которыхъ средній есть Сегцзя-Мони или Шагя-Муни, котораго признаютъ начальникомъ буддійской вѣры и величайшимъ праведникомъ. Бога изображаютъ однимъ сіяніемъ, озаряющимъ міръ; прочихъ же своихъ праведниковъ имѣютъ или изваянныхъ или писанныхъ на холстѣ и атласѣ красками, иногда въ золотыхъ вѣнцахъ вкругъ головы. Монголы называютъ ихъ Бурхань, Индѣйцы—Буда, Китайцы—Фо, или Фоэ. На длинномъ столѣ передъ бурханами ставятъ приношенія, состоящія въ различныхъ масляныхъ сахарныхъ хлѣбцахъ и въ прекрасныхъ искусственныхъ цвѣтахъ, дѣлаемыхъ изъ сала. Зимою ставятъ и цѣлыхъ барановъ замороженныхъ. Въ одной чашѣ на столѣ горитъ неугасаемо коровье масло, а въ другую, наполненную чистымъ пепломъ, приходящіе для поклоненія втыкаютъ зажженныя Тибетскія курительныя свѣчи; послѣ чего, прикладывая сложенныя руки по лбу, дѣлаютъ нѣсколько земныхъ поклоновъ. Впрочемъ здѣсь нѣтъ обыкновенія, чтобы народъ присутствовалъ въ храмахъ во время богослуженія. Равнымъ образомъ и ламы не завѣдываютъ народомъ непосредственно.

«У Монголовъ общее имя духовныхъ есть *хуаракъ*, а ламами называется собственно только высшее духовенство; но нынѣ изъ учтивости названіе сіе всѣмъ присвоено.

«Ламы здѣсь почитаются грамотѣями, знающими писаніе: они же суть лекари и ворожеи. Особенно хвастаются дѣйствіемъ своихъ заклинаній или свя-

щенныхъ наговоровъ, писанныхъ на Индѣйскомъ (Санскритскомъ) языкѣ. Почему простые люди оказываютъ великое уваженіе ламамъ и долгомъ набожности считаютъ принимать благословеніе отъ нихъ. Ламы благословляютъ возложеніемъ руки на темя, а для принятія благословенія подходятъ къ нимъ съ открытою головою. Но какъ богослуженіе въ Монголіи совершается не на отечественномъ, а на Тибетскомъ языкѣ, то самая большая часть Монгольскихъ ламъ погружена въ грубѣйшее невѣжество. Вся ихъ ученость состоитъ въ буквальномъ чтеніи богослужебныхъ книгъ и въ знаніи обрядовъ, съ суевѣрными понятіями объ оныхъ. Только ламы, образовавшіеся въ Хлассѣ, показываютъ довольно свѣдѣній въ догматахъ своей вѣры, также въ магіи, астрономіи (или скорѣе астрологіи) и медицинѣ. Въ исходѣ прошедшаго столѣтія хотя всѣ священныя Тибетскія книги (между прочими и Ганжуръ) переведены въ Пекинѣ на Монгольскій языкъ; но совершать богослуженіе на семъ языкѣ дозволено только одному, находящемуся въ Пекинѣ монастырю Махагала-суме. Сіе запрещеніе будетъ содержать Монголію во всегдашней (нравственной) зависимости отъ Тибета: немаловажное обстоятельство для спокойствія Китайской имперіи.

«Почитая Далай-ламу и прочихъ хутухтъ (то есть, первосвященниковъ или, въ буквальномъ смыслѣ, *перерожденцевъ*) очищенными и усовершенными чрезъ перерожденіе до высочайшей степени святости, Монголы имѣютъ безпредѣльное къ нимъ почтеніе. Посѣщеніе, сдѣланное хутухтою какой-либо высокой осо-

бѣ, почитается рѣдкимъ счастіемъ. Перерожденіе хутухтъ зависитъ не отъ ихъ назначенія, ниже отъ выбора ламъ; но отъ воли Китайскаго Двора, который по своимъ видамъ указываетъ страну и домъ, гдѣ душа скончавшагося хутухты имѣетъ снова воплотиться.

«Въ правилахъ Ламской духовной жизни положены: созерцательное сидѣніе, или умственная молитва ночная въ общемъ собраніи всей братіи, разныя добровольныя, но мучительнѣйшія изнуренія плоти, — сидѣніе на гвоздяхъ, ношеніе цѣпей, долговременное стояніе съ поднятыми вверхъ руками, затворничество въ столпахъ, отшельничество въ пещерахъ, строгій постъ, въ которомъ всѣ даже пряныя вещи, какъ то: лукъ, чеснокъ и прочія, имѣющія возбудительную силу, запрещены. Но странно то, что ламы, какъ въ Монголіи, такъ и въ Тибетѣ, вѣруя переселенію душъ, употребляютъ въ пищу всѣхъ снѣдныхъ животныхъ, исключая лошадей, свиней и рыбы.»

Поелику каждый отецъ семейства считаетъ обязанностію посвятить одного изъ сыновей духовному званію, то число ламъ весьма велико. Въ одномъ Ургинскомъ капищѣ, 15 числа каждаго мѣсяца, собирается ихъ на молитву около 4,000 человѣкъ, а въ нѣкоторые большіе праздники до 14,000. Избавленные отъ воинской службы, они, въ случаѣ нужды, обязаны, по назначенію хошунныхъ начальниковъ, исполнять земскія повинности лично и скотомъ. Впрочемъ они занимаются домашнимъ хозяйствомъ и даже торговлею. Они не разъ навязывали Г. Тимковскому верблюдовъ, лошадей и разные товары.

При отъѣздѣ изъ Кяхты, Русская миссія состояла изъ десяти человѣкъ духовныхъ и свѣтскихъ, ѣхавшихъ въ крытыхъ тѣлежкахъ, и пяти человѣкъ верховыхъ, въ сопровожденіи тридцати казаковъ. Послѣдніе прикрывали обозъ, гдѣ было восемьдесятъ четыре верблюда, сто сорокъ девять лошадей и двадцать пять быковъ. Едва миссія перешла Русскіе предѣлы, она вступила подъ защиту Китайскаго правительства. Пять чиновниковъ изъ Китайцевъ и два Монгола сопровождали ее, имѣя подъ начальствомъ своимъ отрядъ Монгольской конницы, вооруженной луками и стрѣлами. Двое изъ Китайскихъ чиновниковъ ѣхали за ними въ крытыхъ одноколкахъ, съ окошечками по сторонамъ.

2 Сентября, выѣхавъ изъ лощины, путешественники поворотили направо, мимо двухъ холмовъ, внизъ по лугу, омываемому рѣкою Иро, и черезъ нѣсколько верстъ прибыли къ перевозу. Множество Монголовъ, большею частію, ламскихъ причетниковъ, были собраны на берегахъ рѣки для переправы Миссіи. Отъ постоянныхъ лѣтнихъ дождей рѣка Иро разлилась саженъ на сорокъ и сдѣлалась весьма быстра. Важнѣйшую кладь перевозили на *батахъ* *, или *комягахъ*, то есть сосновыхъ бревнахъ, выдолбленныхъ внутри на подобіе лодокъ и потомъ сплоченныхъ по два вмѣстѣ. Верблюды съ тяжестями, не боявшимися подмочки, перешли рѣку въ бродъ, нѣсколько выше (Л. XIV — 1). Иро или Юро, по-Монгольски, значитъ благотворная. По словамъ туземцевъ, около вершинъ

* Батъ, по-Монгольски, лодка.

ея много минеральныхъ ключей. Она вытекаетъ миль за пятьдесятъ и впадаетъ въ Орхонъ; обѣ орошаютъ тучныя пажити. На лугахъ паслись многочисленныя стада бѣлыхъ безрогихъ овецъ, съ длинными ушами и курдюкомъ, и табуны рослыхъ и тучныхъ лошадей, но вообще некрасивыхъ. Европейскіе географы ошибались, принимая Иро за озеро.

Коегдѣ на вершинахъ холмовъ и горъ видѣли огромные камни и священные памятники. Вечеромъ, останавливаясь на ночлегъ въ юртахъ, путешественники получали посѣщенія со стороны знатныхъ Монголовъ и подчивали ихъ чаемъ, водкою, сушеными плодами. Единоземцы ихъ, приставленные къ обозу Миссіи, ночью дѣлали объѣзды, подавая сигналы крикомъ, подобнымъ вою горнаго вѣтра.

15 Сентября прибыли въ Ургу, отстоящую на 307 верстъ (74 мили) отъ Кяхты. Урга, или Курень, главный городъ Халхинской орды, лежитъ на лѣвомъ берегу Толы. Всѣ обыватели живутъ въ юртахъ, разставленныхъ порознь или по нѣскольку вмѣстѣ на дворахъ, осѣненныхъ ивами и окруженныхъ частоколомъ; но есть и Китайскіе домы. Соединеніе ихъ образуетъ улицы такія тѣсныя, что трудно проѣхать рядомъ двумъ верховымъ.

Еще до прибытія въ Ургу миссія получила извѣстіе о кончинѣ Китайскаго императора, постигшей его 25 августа на шестьдесятъ первомъ году жизни. «Вѣсть сія, говоритъ Г. Тимковскій, была принята мною съ немалымъ смущеніемъ; ибо смерть государя легко

могла воспрепятствовать продолженію нашего пути. Мы замѣтили, что на чиновникахъ Китайскихъ и Монгольскихъ шапки были уже безъ шариковъ и кистей; даже служители сняли свои кисти. Чиновники должны сверхъ того надѣть бѣлую одежду и, равно какъ и простой народъ, не брить волосъ на головѣ. Въ семъ состоитъ ихъ трауръ, продолжающійся сто дней.»

Въ Ургѣ, весьма вѣжливо пригласили Русскихъ отдохнуть, сколько имъ будетъ угодно: Китайцы выжидали возвращенія гонца, отправленнаго въ Пекинъ за наказомъ, какъ имъ вести себя въ настоящемъ случаѣ. Однако-жъ Ванъ, по единодушному мнѣнію членовъ приказа, нѣсколько дней спустя дозволилъ миссіи продолжать свой путь. Такое рѣшеніе крайне оскорбило гордость двухъ главныхъ Китайскихъ чиновниковъ, которые сопровождали Русскихъ.

Отъ Урги въ четырехъ верстахъ вверхъ по Толѣ находится Маймаченъ, или торговая слобода, гораздо болѣе Кяхтинской; только все строеніе въ ней деревянное и довольно ветхое. Широкія, но грязныя улицы обставлены множествомъ лавочекъ съ мелочнымъ товаромъ.

Урга есть мѣсто пребыванія хутухты, одного изъ десяти первосвященниковъ, занимающихъ второе мѣсто послѣ Далай-Ламы и Бань-циня, которые не иное что, какъ владѣтельные Хутухты въ Тибетѣ. Ургинскаго Монголы называютъ *хутухту-гегенъ*. Молодой хутухта, въ которомъ, по всѣмъ признакамъ, воплотилась душа его предмѣстника, только что явился въ Ургу. Окрестность была покрыта палатками Монголовъ, стек-

шихся къ нему на поклоненіе, и толпа вѣрныхъ безпрестанно увеличивалась. Многіе изъ Халхинскихъ вельможъ подносили ему значительные подарки; готовились праздновать торжество его перерожденія, какъ внезапная вѣсть о кончинѣ богдохана прекратила всѣ сборы.

Тимковскій и его сопутники не были представлены хутухтѣ за тѣмъ, какъ говорили имъ провожатые, что онъ неопытный ребенокъ, притомъ усталъ отъ дальняго пути и оттого, что благословлялъ болѣе ста тысячъ поклонниковъ. Русскіе путешественники удовольствовались посѣщеніемъ его чертоговъ и капищъ. Они расположены отъ юга на сѣверъ и отличаются зелеными крышками; на верху одной изъ нихъ горитъ ярко-вызолоченная рѣшетка. Передъ южными, главными вратами капищъ есть небольшое пространство, окруженное деревянною балюстрадой, гдѣ совершаются ламайскіе обряды. На особомъ деревянномъ обрубѣ ламы поютъ въ праздники молитвы и жгутъ благовонныя вещества.

По обычаю степныхъ обитателей, хутухта занимаетъ особую юрту въ срединѣ ограды, которою обведены всѣ эти зданія. Поодаль отъ капищъ стоитъ огромный деревянный домъ, — школа, гдѣ ламы учатся чтенію Тибетскихъ книгъ и игрѣ на духовыхъ инструментахъ. Позади школы находятся кухни для *хуараковъ*, или ламскихъ учениковъ и причетниковъ, которыхъ живетъ здѣсь болѣе тысячи на иждивеніи гегена. Къ сѣверовостоку отъ капищъ стоятъ нѣсколько юртъ, занимаемыхъ *шанцзабомъ*, или ключникомъ, а подлѣ нихъ зданіе, гдѣ хранится казна хутухты: оно

съ земляною кровлей и болѣе похоже на крестьянскую избу. На сѣверозападной сторонѣ — кладовыя для припасовъ; у воротъ коновязь, куда сгоняютъ верблюдовъ, лошадей, овецъ и прочій скотъ, приводимый отъ усердныхъ поклонниковъ въ даръ хутухтѣ.

Противъ капищъ, на лѣвомъ берегу Толы, возвышается громадная Хань-ôла, то есть, Царь-гора. На одномъ утесѣ ея выложены огромными буквами изъ бѣлаго камня, на Маньчжурскомъ, Китайскомъ, Тибетскомъ и Монгольскомъ языкахъ, слова: *небесная радость*, выражающія чувства Халхинцевъ по случаю возрожденія хутухты. Размѣромъ самыхъ буквъ хотѣли показать великость событія, и дѣйствительно ихъ видно издалека. Вершина горы покрыта лѣсомъ; въ ущельяхъ разставлены сторожевыя юрты, дабы никто не дерзалъ приближаться къ мѣстамъ, освященнымъ особою гегена. Здѣсь царствуетъ вѣчная тишина; дикія козы бродятъ безтревожно многочисленными стадами.

25 Сентября, Русская миссія выступила изъ Урги и ѣхала по безплоднымъ и печальнымъ степямъ Монголіи, индѣ пересѣкаемымъ высотами. 21 Октября, Халхинскіе проводники смѣнились Сунитами, а на другой день миссія вступила въ Гоби, гдѣ не было уже предѣловъ зрѣнію; мѣста, отдаленныя болѣе чѣмъ на пятьдесятъ верстъ, синѣются подобно волнующемуся морю; на пути лежитъ нѣсколько соляныхъ озеръ; кусты золотарнику и будургуны покрываютъ значительныя пространства и чернѣются изъ-дали въ видѣ дубовыхъ перелѣсковъ: ихъ съ пользою можно бъ

было употреблять вмѣсто дровъ. И люди, и вьючный скотъ много страдали отъ холода; лошади и верблюды особенно истомились.

Проѣхавъ Сунитскій аймакъ, путешественники прибыли къ Чахарцамъ, слывущимъ порядочными ворами. 8 Ноября выступили изъ предѣловъ Гоби. Отъ самой Кяхты, Русскіе часто встрѣчали значительные караваны съ чаемъ, которые туда шли; одинъ состоялъ изъ двухъ сотъ тѣлежекъ, въ другихъ было отъ сотни до двухъ сотъ пятидесяти верблюдовъ Они попадались еще чаще по мѣрѣ приближенія миссіи къ Китаю; другія шли въ разныя мѣста Монголіи или возвращались оттуда. Обширное пространство Гоби, при помощи терпѣливыхъ верблюдовъ, ни мало не затрудняетъ торговыхъ дѣлъ.

9 Ноября, переѣхали черезъ низкій валъ, который, по словамъ жителей, отдѣлялъ нѣкогда независимую Монголію отъ Китая; далѣе еще одинъ древній валъ пересѣкалъ дорогу въ направленіи отъ востока къ западу; между обоими тянулись гористыя мѣста, и наконецъ открылся третій, послѣдній валъ, который былъ ниже первыхъ. Не укрѣпленія ли это въ родѣ тѣхъ, какими въ старыя времена и Русь ограждала себя отъ набѣговъ хищныхъ сосѣдей?

Ноября 16, съ восхожденіемъ солнца, термометръ показывалъ 17 градусовъ морозу, и въ десятомъ часу утра поднялась жестокая метель. «Луга и горы, говоритъ г. Тимковскій, почти не были примѣтны отъ снѣга, носившагося въ воздухѣ; даже за полверсты ничего не можно было видѣть. Вдругъ насыпало высокіе сугробы. Утомленный скотъ нашъ едва могъ

тащить повозки. Стужа отъ вѣтра сдѣлалась сильнѣе, такъ, что идучи пѣшкомъ, не можно было совершенно согрѣться.

«Отъ капища прошедъ версты четыре, поворотили мы влѣво, и по тѣсному ущелію поднимались болѣе четырехъ верстъ въ гору. Верблюды, упряжныя и верховыя лошади то падали, идучи по скользкимъ косогорамъ, то утопали въ снѣжныхъ сугробахъ. Проѣхавъ означенное пространство, спустились мы въ лощину, гдѣ стоитъ Монгольскій пикетъ изъ нѣсколькихъ юртъ. Не могли мы не замѣтить здѣсь особеннаго движенія, производимаго и оживляемаго сосѣдствомъ торговаго мѣста. Безпрестанно встрѣчались намъ караваны и телѣги, идущія изъ Халгана (Калгана), или обгоняли насъ ѣдущіе туда верхомъ на лошадяхъ и верблюдахъ (Л. XIV—2).

«Еще версты двѣ пробирались мы по оврагамъ между горами и наконецъ достигли до рубежа, отдѣляющаго Монголію отъ Китая. По хребту (Синьханъ-Дабахань) насыпанъ изъ камня валъ. Въ извѣстномъ разстояніи одна отъ другой стоятъ высокія четыреугольныя башни, сложенныя изъ кирпича; онѣ имѣютъ въ основаніи около трехъ саженъ квадратныхъ, а вышины до девяти саженъ. Съ сего мѣста открывается Китай въ самомъ грозномъ видѣ. На югъ, на востокъ и западъ весь горизонтъ не представляетъ ни чего болѣе, кромѣ горъ, коихъ черные хребты, прикрытые снѣгомъ, досягаютъ до облаковъ. Отъ рубежа до Китайской деревни Нор-дянь, ѣхали мы верстъ пять, примѣтно спускаясь внизъ по самой тѣсной и скользкой дорогѣ. Съ правой стороны по высотамъ

идетъ упомянутый валъ, а съ лѣвой пропасть, всегда готовая поглотить неосторожнаго ѣздока. За нею на востокъ подымается громада высокихъ горъ, коихъ торчащіе утесы имѣютъ видъ угрюмой дикости. Вотъ извѣстный спускъ съ высокихъ Монгольскихъ степей въ *глубокій* Китай!

«Наконецъ, проѣхавъ около сорока верстъ, мы прибыли въ первую Китайскую деревню. Съ чувствами неизъяснимой радости вступили мы въ жилища Китайцевъ, не видѣвъ отъ самой Урги, на пространствѣ около тысячи верстъ, ни какихъ признаковъ устроеннаго хозяйства. Деревня состоитъ домовъ изъ двадцати; расположена на косогорѣ высокаго хребта. Къ востоку за нею, въ глубокомъ оврагѣ, также есть селенія, но всѣ чрезвычайно стѣснены. Мѣстами примѣтны воздѣланныя нивы.

«Для миссіи Чахары приготовили квартиру въ одномъ изъ постоялыхъ домовъ, послѣднемъ на лѣвой сторонѣ при выѣздѣ въ Халганъ. Избы, а равно всѣ службы, сдѣланы изъ глины, то есть, это мазанки, крытыя соломой. Китайскіе селяне собрались во множествѣ въ постоялый домъ, чтобы посмотрѣть на Русскихъ.»

Отъ Нор-дяна до Чжанъ-цзя-кхёу, или Калгана, считается верстъ около двадцати. Дорога идетъ сначала по крутымъ и тѣснымъ спускамъ. Переѣздъ не мало затрудняютъ частыя встрѣчи огромныхъ Китайскихъ таратаекъ, запряженныхъ въ четыре и пять лошадей такимъ образомъ, что одна только идетъ въ оглобляхъ, а прочія впереди везутъ рядомъ за веревочныя постромки. Лошади здѣсь весьма сильныя, но,

по большой части, вмѣсто ихъ употребляютъ муловъ и ословъ.

«Версты черезъ три, продолжаетъ г. Тимковскій, наконецъ вышли мы на ровную дорогу, которая имѣетъ большую покатость къ Халгану. По косогорамъ расположены Китайскія деревни съ капищами. Нѣкоторые домы высѣчены въ крутыхъ скалахъ или придѣланы къ нимъ, подобно гнѣздамъ птицъ; много деревьевъ и пашень на глинистой почвѣ. Болѣе всего поразила насъ смѣлость Китайскихъ земледѣльцевъ, вынужденная впрочемъ недостаткомъ земель: вершины высочайшихъ горъ обращены въ прекрасныя нивы. Не льзя не изумляться, какимъ образомъ умѣли воздѣлать сіи каменистыя и почти неприступныя скалы.

«Отсюда дорога до Халгана, верстъ двѣнадцать, извивается между высочайшими каменистыми утесами, висящими надъ головою путешественника. Поверхность дороги есть шоссе, устроенное самою природой. Мелкіе камни, смѣшавшись съ хрящемъ и глиною, слеглись весьма плотно отъ дождей и безпрестаннаго проѣзда; стоило бы хоть слегка приложить руку искусства, и сія дорога конечно не уступила бы въ совершенствѣ дорогѣ Симплонской, ведущей изъ Швейцаріи въ Италію чрезъ горы Симплонъ и Монсени. Горный потокъ, на самой дорогѣ текущій и орошающій послѣ части Халгана, своими льдяными накипнями не мало затруднялъ проѣздъ нашихъ повозокъ.

«Мы примѣтили Халганъ не прежде, какъ подъѣхавъ къ великой, полуразвалившейся стѣнѣ онаго,

сложенной изъ кирпича между двумя крутыми скалами, недалеко отстоящими одна отъ другой. Великое множество народа собралось смотрѣть на путешествующихъ Россіянъ. Въ числѣ прочихъ, выѣхалъ на встрѣчу намъ одинъ изъ здѣшнихъ чиновниковъ съ золотымъ шарикомъ на шапкѣ. Когда же перебрались чрезъ обвалъ въ стѣнѣ и приближились къ огромнымъ городскимъ воротамъ, то (сопровождавшій миссію) Битхеши, просилъ всѣхъ насъ пройдти черезъ ворота пѣшкомъ, какъ при первомъ входѣ въ свѣтлѣйшую Дацинскую имперію. Удаляясь отъ всякихъ, а тѣмъ болѣе безполезныхъ споровъ съ иностранцами, мы удовлетворили ихъ требованію. Потомъ сѣли на лошадей, а члены миссіи въ свои повозки, и пустились прямо по большой улицѣ, между купеческими лавками. Выѣхавъ на большую площадь, гдѣ на лѣвой сторонѣ видѣнъ домъ Гузай Амбаня, генералъ-инспектора войскъ Цахарскихъ (Чахарскихъ), мы проѣхали черезъ площадь прямо на постоялый дворъ, отведенный Халганскимъ начальствомъ для миссіи.

«Скажемъ нѣсколько словъ о Халганѣ вообще. Городъ сей названъ такъ отъ Монгольскаго слова *Ха́лга*, означающаго ворота или заставу. Извѣстно, что жители, ближайшіе къ какому либо городу, обыкновенно не называютъ онаго по имени, а просто городомъ. Такимъ образомъ Русскіе, часто слыша отъ Монголовъ слово *Халга*, превратили сіе нарицательное имя въ собственное. У Китайцевъ Халганъ извѣстенъ подъ именемъ Чжань-цзя-кхёу. Онъ раздѣляется на верхнюю и нижнюю часть по теченію рѣки (Цзинь-хой-хо). Верхняя лежитъ при выѣздѣ за гра-

ницу въ Монголію и ограждена воротами, построенными въ Великой стѣнѣ, на горы взведенной. Отъ сихъ воротъ на западъ, древняя Великая стѣна видна только по одному валу изъ камней и зеленымъ буграмъ, оставшимся послѣ развалившихся башень. Нижняя часть Халгана лежитъ съ южнаго пріѣзда и имѣетъ небольшую крѣпость съ гарнизономъ. Городъ не обширенъ, въ немъ нѣтъ великолѣпныхъ зданій, но онъ многолюденъ. Халганъ есть ключъ торговли Китайской съ Россіею, и отчасти съ Монголіею. По сей причинѣ бываетъ здѣсь многочисленное стеченіе купцовъ.»

По замѣчанію отца Іакинѳа, чай въ Халганѣ въ половину дешевле противъ Кяхтинскаго; но лучшій черный чай скорѣе можно найдти на Кяхтѣ, нежели въ Пекинѣ и Халганѣ. Китайцы очень рѣдко употребляютъ черный чай, и потому хорошихъ сортовъ его въ Пекинъ привозятъ весьма немного, а въ Халганѣ даже и не раскупориваютъ. Халганъ служитъ исключительнымъ складочнымъ мѣстомъ для всѣхъ отпускаемыхъ въ Кяхту и провозимыхъ оттуда товаровъ, съ которыхъ и пошлина собирается въ здѣшней таможнѣ, а не въ Маймаченѣ.

24 Ноября миссія выступила изъ Халгана при ясной и довольно теплой погодѣ.

«Версты двѣ, говоритъ Г. Тимковскій, пробирались мы по тѣснымъ и худо вымощеннымъ улицамъ. По обѣимъ сторонамъ много лавокъ съ разными товарами, въ томъ числѣ и пушными. Въ самомъ концѣ города переѣхали мы черезъ каменный мостъ, устроенный на рѣчкѣ, вытекающей изъ горъ выше Халгана.

Нѣсколько гранитныхъ перилъ свалились въ рѣку и мѣсто ихъ ни чѣмъ не закрыто, — безпечность полиціи, могущая имѣть для проѣзжихъ вредныя послѣдствія.

«За мостомъ дорога принимаетъ направленіе по равнинѣ къ западу. Отсюда только можно примѣтить, что Халганъ выстроенъ подъ самымъ хребтомъ высокихъ горъ длинною полосой по правому берегу вышесказанной рѣчки (Цзинь-хой-хо). Домы изрядной архитектуры и обсажены ивами. Вся равнина, по сю сторону рѣчки, есть богатая, воздѣланная нива. Вершины горъ бѣлѣются подъ снѣгомъ, когда на поляхъ его вовсе не видно. Почва земли глинистая, перемѣшанная со щебнемъ: густыя облака пыли вились кругомъ насъ во весь переѣздъ. Самая дорога углублена аршина на два или на три ниже полей: скотъ, идущій по ней, лишенъ возможности портить засѣянныя нивы. На поляхъ видно много сельскихъ домиковъ.

«Но дорога болѣе всего служитъ доказательствомъ промышленности и многолюдства въ Китаѣ: на каждомъ шагу встрѣчались мы съ людьми, ѣхавшими верхомъ, везшими солому, и прочее, на мулахъ и ослахъ. Чрезъ каждыя пять *ли*, или $2\frac{1}{2}$ нашихъ версты, находятся караульни, похожія на каланчи нашихъ съѣзжихъ. Подлѣ караулень стоятъ по пяти каменныхъ столбиковъ, въ видѣ толстыхъ конусовъ, на коихъ показано число *ли*. На стѣнахъ караульнаго двора изображены красками, довольно искусно, лошади, ружья, луки и колчаны со стрѣлами. Караульни служатъ вмѣсто телеграфовъ: въ случаѣ какихъ либо безпокойствъ на

сѣверной границѣ Китая, вдругъ передается вѣсть о томъ въ Пекинъ, и войска немедленно должны быть въ готовности для встрѣчи непріятеля. Въ каждой караульнѣ живетъ по нѣскольку солдатъ *зеленаго знамени*, или собственно Китайскаго корпуса. Сіи, какъ и всѣ Китайскіе солдаты, исключая Маньчжуровъ, болѣе суть земледѣльцы, освобожденные отъ повинностей поселянъ, но, вмѣсто того, обязанные, въ извѣстныхъ случаяхъ, отправлять военную службу.»

Путешествія чрезъ Монгольскую степь отъ Кяхты до Пекина были нѣсколько разъ совершаемы повѣренными Россійскаго правительства. Исбрандъ Идесъ, путешествовавшій въ 1692, 1693 и 1694 годахъ, издалъ свои дорожныя записки, равно какъ и товарищъ его Адамъ Брандъ. Напечатаны также описанія четырехъ поѣздокъ въ Пекинъ находившагося въ Русской службѣ Стокгольмца, Лаврентія Ланге (1715 — 1737), и путешествія іезуита Жербиліона, который, въ качествѣ переводчика, сопровождалъ Китайскихъ пословъ, отправленныхъ для заключенія Нерчинскаго договора, состоялъ потомъ при особѣ богдохана, выѣзжавшаго на охоту въ Монголію, былъ свидѣтелемъ войны противъ Элётовъ, или Олотовъ, и наконецъ ѣздилъ съ тремя Китайскими вельможами, назначенными предсѣдательствовать въ сеймахъ Халхинскихъ Монголовъ, при новомъ ихъ образованіи.

ГЛАВА XXIX.

Китайское Государство: Си-юй, то есть, Чжуньгарія и Китайскій Туркистанъ.

Китайцы наименовали Си-юемъ, или западнымъ краемъ, страну, которая объемлетъ прежнюю Чжуньгарію и часть Туркистана къ востоку отъ Болорскихъ горъ. Эти двѣ области, лежащія на западъ отъ Монголіи, вошли въ составъ Поднебесной Имперіи только съ XVIII вѣка. Первая, которой имя Чжунь-гаръ, или Цзунгаръ, означаетъ восточное крыло, искони занята была отраслью Монгольскаго племени, раздѣлявшеюся, подобно прочимъ, на аймаки. Ойратскій аймакъ былъ извѣстенъ еще до Чингисхана. Въ послѣдствіи онъ усилился, и въ XV-мъ вѣкѣ мы видимъ союзъ Чжунгарскихъ аймаковъ подъ общимъ именемъ Дурбань-Ойратъ, то есть, четыре Ойрата. Чжуньгары нерѣдко тревожили Китай. Наконецъ, по случаю раздоровъ, возникшихъ между ихъ ханами, или тайцзіями, императоръ Китайскій, принявъ одного изъ нихъ въ свое подданство, послалъ на другаго многочисленное войско, и послѣ упорной борьбы, погубившей около милліона Чжуньгаровъ, въ 1760 году они были вынуждены покориться Китаю. Тогда же послѣдовало раздѣленіе земель ихъ на пять округовъ, изъ которыхъ три наиболѣе обезлюженные войной, заселены Китайскими выходцами и состоятъ подъ не-

посредственнымъ управленіемъ Китайскаго начальства. Чжуньгары болѣе извѣстны въ Европѣ подъ именемъ Калмыковъ, или точнѣе Каламаковъ, которое получили они отъ своихъ Туркинстанскихъ сосѣдей.

Китайскій, или Восточный Туркистанъ, несправедливо называемый въ Европѣ Малою Бухаріей или Турфаномъ, былъ всегда заселенъ племенами Турецкаго корня, которыя, при частыхъ междоусобіяхъ, были безпрерывно покоряемы сосѣдними народами,— сперва ордами могущественныхъ тогда Монголовъ, потомъ Чжуньгарами, наконецъ Маньчжурами и Китайцами, въ половинѣ минувшаго вѣка. Туркистанцы взбунтовались въ 1816 году, но, послѣ многихъ неудачныхъ стычекъ, пришли снова въ повиновеніе.

Китайцы называютъ Чжуньгарію Тхянъ-шанъ-пе-лу, а Восточный Туркистанъ — Тхянъ-шанъ-нанъ-лу, по положенію этихъ странъ къ сѣверу и югу отъ Тхянъ-шана, большаго снѣжнаго хребта, идущаго отъ запада къ востоку и почти служащаго имъ границею.

Первая лежитъ между 41° 50′ и 48° 41′ сѣверной широты и между 92° и 108° восточной долготы. Къ сѣверу граничитъ она съ Россійскою имперіей, къ востоку съ Монголіей, къ востоку и югу съ областью Гань-су, къ югу съ Тхянъ-шанъ-нанъ-лу. Къ западу обѣ смежны съ Туркистаномъ. Тхянъ-шанъ-нанъ-лу къ востоку сопредѣленъ съ Гань-су и Хухунорскими Монголами, а къ югу съ Тибетомъ. Длина его отъ востока къ западу простирается до 450 миль, ширина до 200, а поверхность до 66,000 миль квадрат-

ныхъ. Онъ лежитъ между 35° и 44° сѣверной широты и между 69° и 93° восточной долготы.

Длина Тхянъ-шанъ-пе-лу содержитъ въ себѣ 300 миль, средняя ширина его 125, поверхность около 23,000 миль квадратныхъ. Китайцы раздѣляютъ его на три военные округа: Хуръ-хара-усу, Тарбагатай и Или.

Округъ Хуръ-хара-усу, порубежный съ Монголіей, объемлетъ почти всю систему рѣкъ, текущихъ въ озеро Балхаси-норъ, несправедливо называемое еще Халтаръ-уйге-норомъ и на нѣкоторыхъ картахъ Бараталою *. Оно принимаетъ въ себя между прочимъ рѣку Хуръ (Хуръ-гола), текущую изъ горъ Малхайскихъ, и заимствуетъ названіе свое отъ снѣговъ, которыми одѣты ихъ вершины. Крѣпость и вмѣстѣ военное поселеніе Хуръ-хара-усу (по-Китайски, Суйчень-пху), основанная въ 1762 году на правомъ берегу Хура, считается главнымъ мѣстомъ въ округѣ. На рѣчкѣ Дрини находится еще одно укрѣпленіе Фунь-ченъ-пху.

Округъ Тарбагтай лежитъ къ западу отъ предъидущаго, а къ сѣверу сопредѣленъ съ Сибирью. Имя его происходитъ отъ Тарбагтай-óлы, высокаго горнаго хребта, простертаго между озерами Цзайсаномъ и Балхаси-норомъ. Киргизы называютъ его Ташъ-дева, то есть, утесами. Тарбагтай-óла значитъ сурочьи горы; въ нихъ водится множество этихъ звѣрьковъ. Сѣверныя и восточныя части округа пересѣкаются отраслями Алтая. Одна изъ нихъ, подъ назва-

* По Китайскимъ извѣстіямъ, Боротала есть рѣчка, текущая, въ двухъ стахъ верстъ на юго-востокъ отъ города Или.

ніемъ Эрцисъ-óла, даетъ начало рѣкѣ Эрцису или по-Русски Иртышу, которая, принявъ въ себя множество потоковъ, проходитъ чрезъ озеро Цзайсанъ. Нѣсколько другихъ озеръ разсѣяно по поверхности края; они также принимаютъ въ себя рѣки, но истоковъ не имѣютъ.

Сѣверная часть весьма холодна. Городъ Тарбагтай, или Чугучакъ, построенный въ 1767 году, окруженъ землянымъ валомъ. Населеніе смѣшанное: есть много Киргизовъ, Элётовъ (Олотовъ) и Торготовъ, есть также Маньчжуры и Китайцы, которые, въ качествѣ военныхъ поселянъ, составляютъ гарнизонъ и занимаются хлѣбопашествомъ.

Округъ Или содержитъ въ себѣ югозападную часть прежней Чжуньгаріи, прислоненную съ южной стороны къ снѣговому хребту Тхянъ-шанъ, котораго вѣтви простираются по всему краю. На востокъ лежитъ безплодная степь. Главныя озера въ Илійскомъ округѣ—Ала-куль (Алакъ-тугюль-норъ) на сѣверозападѣ, Балхаси и Темурту, или Исси-куль, на западѣ. Названія эти на языкахъ окрестныхъ племенъ означаютъ горячую, соленую и желѣзную воду.

Въ 28 миляхъ къ востоку отъ Исси-куля, замѣчательны горы Пе-шань (Бѣлая) или Го-шань и Агіé (Огненная). Послѣдняя безпрерывно извергаетъ дымъ и пламя. Поверхность лавы, когда она остынетъ и окрѣпнетъ, покрывается соляными частицами, которыя употребляются жителями въ видѣ лекарства: это просто нашатырная соль. Тамъ собираютъ еще и сѣру. Гора эта называется нынѣ Халаръ. Имя Пе-шань, то есть, Бѣлая гора, означаетъ цвѣтъ вершины, покрытой солью, пемзою и волканическимъ пепломъ. По

разсказамъ Бухарцевъ, которые привозятъ нашатырную соль въ Сибирь, ея такъ много собирается въ окрестностяхъ, что жители часто платятъ ею дань богдохану.

Впрочемъ волканическія явленія весьма обыкновенны въ Тхянъ-шанѣ. Въ 240 миляхъ далѣе къ востоку, на южной покатости этого хребта, извѣстенъ волканъ Го-чеу, или Турпанскій. По словамъ Китайскихъ писателей, изъ него постоянно идетъ дымъ столбомъ и въ сумракѣ свѣтитъ какъ факелъ. Птицы, освѣщаемые его заревомъ, кажутся краснаго цвѣта. Люди, отправляющіеся за нашатыремъ, надѣваютъ деревянную обувь, потому что кожаныя подошвы скоро перегараютъ. Въ рытвинахъ собираютъ еще зеленоватую жидкость, которую кипятятъ и вывариваютъ; такимъ образомъ получается самая бѣлая и чистая нашатырная соль.

Къ сѣверу отъ Тхянъ-шана, близъ Урумци, есть пространство болѣе десяти миль въ окружности, покрытое летучимъ пепломъ. Если бросить туда какую-нибудь вещь, тотчасъ появится пламя и вещь сгараетъ въ одно мгновеніе. Если бросить камень, то подымется черный дымъ. Зимою снѣгъ здѣсь не держится. Птицы не смѣютъ пролетать надъ этимъ мѣстомъ, которое обыкновенно зовутъ огненнымъ.

На межѣ Илійскаго округа съ Урумційскимъ существуетъ пропасть миль на девять въ окружности. Изъ-дали кажется она покрытою снѣгомъ; земля, похожая на солончакъ, послѣ дождя обыкновенно отвердѣваетъ. Если бросить туда камень, слышенъ звукъ дерева, ударяющагося о желѣзо. Если люди или скотъ зайдутъ туда ошибкою, они навсегда по-

гружаются въ пропасть. Это мѣсто извѣстно подъ именемъ пепельной ямы и часто покрывается нашатырными испареніями.

Къ западу отъ Урумци идетъ горный песчаный хребетъ, весьма обильный каменнымъ углемъ.

На островѣ озера Ала-куля есть горѣлая сопка Аралъ-тубе, прежде извергавшая пламя.

«Пе-шань и волканъ Го-чеу, говоритъ Г. Гумбольдтъ, раздѣлены пространствомъ 105 географическихъ миль въ направленіи отъ востока на западъ. Около 30 миль къ западу отъ Го-чеу, у подошвы величественной Богда-ôлы, находится большое Урумційское жерло; въ 45 миляхъ къ сѣверо-западу отсюда, на равнинѣ, прилежащей къ берегамъ Хобока, который течетъ въ малое озеро Дарлай, возвышается холмъ съ разсѣлинами, весьма горячими, однако жъ не издающими дыма (видимыхъ паровъ). Нашатырь скопляется въ этихъ щеляхъ такою твердой корою, что надобно разбивать камни для отдѣленія его.

«Пе-шань, Го-чеу, Урумци и Хобокъ, эти четыре мѣста, донынѣ единственныя, гдѣ открыты явные волканическіе признаки въ средней Азіи, удалены на 75 или 80 географическихъ миль къ югу отъ того мѣста Китайской Чжуньгаріи, гдѣ мнѣ случилось быть въ началѣ 1829 года. При первомъ взглядѣ на хорошую карту Азіи, видно, что Аралъ-тубе, горѣлая сопка на островѣ Ала-куля, извергавшая пламя еще въ историческія времена и упоминаемая въ путевыхъ запискахъ, собранныхъ въ Семипалатинскѣ, находится на волканическомъ грунтѣ того края. Эта островская гора лежитъ къ западу отъ нашатырной пропасти

въ Хобокѣ и къ сѣверу отъ Пе-шани, которая мечетъ еще огонь, а прежде извергала и лаву; отъ обѣихъ отстоитъ она на 45 миль. Отъ Ала-куля до Цзайсана, гдѣ по снисходительности мандариновъ, Русскіе казаки пользуются правомъ рыбной ловли, считается 38 миль. Тарбагатай, подъ которымъ лежитъ городъ Чугучакъ, и куда, въ 1825 году, тщетно старался простереть изслѣдованія свои ученый и неутомимый товарищъ Г. Ледебура, докторъ Мейеръ, Тарбагатай идетъ на югозападъ отъ Цзайсана къ Ала-кулю.

«И такъ внутри Азіи извѣстно намъ волканическое пространство, котораго поверхность объемлетъ болѣе пятисотъ географическихъ квадратныхъ миль, и которое въ трехъ или четырехъ стахъ миль отъ моря. Оно занимаетъ половину продольной лощины между Алтайскою и Тхянъ-шаньскою горными системами; главное гнѣздо волканической дѣятельности находится повидимому въ послѣдней.»

Между горъ Илійскаго округа лежатъ плодоносныя равнины и самые тучные луга: здѣсь собираютъ пшеницу, просо, ячмень, конопель. Лошади, разводимыя на берегахъ Или, славились искони: дичи тамъ бездна. Солончаки занимаютъ значительное пространство; въ горахъ находятъ золото и желѣзо, каменную соль и нашатырь.

Или, иначе большая Гулчжа *, прежняя резиденція хана Чжуньгарскаго, лежитъ на правомъ берегу рѣки

* По Китайскимъ извѣстіямъ, этотъ городъ неправильно называютъ Гулчжею; настоящая Гулчжа, городъ Туркистанскій, лежитъ на 65 или далѣе къ востоку.

Или, у подножія горы. Императоръ Цянь-лунь пожаловалъ ей почетное имя Хой-юани (Хой-юань-ченъ). Этотъ весьма торговый городъ защищается цитаделью. Его можно почитать главнымъ мѣстомъ въ обѣихъ западныхъ областяхъ имперіи. Здѣсь живетъ главнокомандующій, имѣя подъ начальствомъ нѣсколько генераловъ и Монгольскихъ старшинъ. По всему краю разсѣяны военные посты; ежегодно отправляется туда немалое число Маньчжуръ цѣлыми семействами. Туда же ссылаютъ изъ Китая преступниковъ.

Значительная часть населенія состоитъ изъ кочевыхъ племенъ. Между ними много Элётовъ. Торготы, одна изъ четырехъ ордъ этого Монгольскаго племени, въ началѣ XVIII столѣтія оставили Китайскую державу. Россія дала имъ убѣжище въ степяхъ между Волгою и Яикомъ (Ураломъ) неподалеку отъ Каспійскаго моря. Императоръ Кань-си, огорченный такимъ побѣгомъ, послалъ къ хану ихъ мандарина съ увѣреніемъ въ своемъ покровительствѣ, если онъ согласится перейти опять въ Китайскія предѣлы. Попытка осталась безъ дѣйствія.

Между-тѣмъ, Элётамъ не слюбилось въ Россіи: правительство требовало ихъ на службу; Русскіе шутили надъ ихъ обрядами; у хана Убаши взяли сына въ заложники. Тогда они рѣшились воротиться въ Китай, гдѣ имъ было привольнѣе и гдѣ буддійское богослуженіе находилось въ чести.

Въ началѣ одиннадцатой луны 1770 года, Убаши и всѣ подвластные ему Торготы, съ женами и дѣтьми, съ имуществомъ и оружіемъ, покинули берега Волги, прошли чрезъ степи, лежащія къ сѣверу отъ Китай-

скаго моря и, совершивъ тысячемильный путь въ теченіе осьми мѣсяцевъ, прибыли, въ началѣ Августа 1771 года, на берега Или въ числѣ пятидесяти тысячь семей, не смотря на стычки, выдержанныя ими дорогою. Такой дальный и многотрудный путь разумѣется истомилъ ихъ и привелъ въ крайнюю бѣдность. Императоръ Цянъ-лунь велѣлъ снабдить новопришельцевъ хлѣбомъ на годъ, и кромѣ того юртами, скотомъ, одеждою, земледѣльческими орудіями, даже ланами * серебра для удовлетворенія прочихъ потребностей.

Убаши, приглашенный ко двору съ знатнѣйшими изъ своего народа, былъ осыпанъ ласками, почестями и дарами. Всѣ возведены были въ достоинства, соотвѣтственныя тѣмъ, какія они имѣли до переселенія.

Тхянъ-шань-нанъ-лу окруженъ почти со всѣхъ сторонъ высокими горами: къ западу Цунь-линь отдѣляетъ его отъ Туркистана, принимая въ высшихъ частяхъ своихъ названіе Болорскихъ горъ; къ югу тянется Куэнъ-лунъ или Кулкунъ, къ сѣверу хребетъ Тхянъ-шаньскій. По поверхности края, не дающаго начала ни одному источнику, разсѣяны озера, каковы Лобъ-норъ, принимающее рѣку Эргюль (Таримъ?); Бостанъ, въ которое течетъ Хайду **; Махбахесетканъ, Ешиль и Иникуль, куда впадаютъ рѣки менѣе значительныя.

Эргюль происходитъ отъ соединенія пяти большихъ рѣкъ Куча-дярьи, Аксу-дярьи, Кашгаръ-дярьи,

* Ланъ около 9 золотниковъ.

** По Китайскимъ извѣстіямъ, Хайду течетъ изъ Бостана и впадаетъ въ Лобъ-норъ.

Яркянь-ёстана и Хотанъ-дярьи, и, впадая съ западной стороны въ Лобъ-норъ, составляетъ, по мнѣнію Китайскихъ географовъ, первоначальное верховье знаменитой Желтой рѣки—Хуань-хё (Hoang-Ho).

Лобъ-норъ имѣетъ въ длину пятьдесятъ, въ ширину двадцать пять миль. Названіе его, означающее «звѣздное озеро», происходитъ отъ того, что оно окружено безчисленнымъ множествомъ родниковъ, которые изъ дали и съ высоты представляются свѣтлыми звѣздами. Ключи бьютъ изъ глубины съ великой силою,—признакъ большаго водоскопа подъ землею и вмѣстѣ хорошій доводъ въ пользу того мнѣнія, что здѣсь истинное начало Хуань-хё. Воды озера просачиваются подземными ходами и опять выступаютъ на поверхность далѣе къ югу, гдѣ подъ именемъ Альтанъ-голы образуютъ верховье рѣки Желтой.

Съ самыхъ давнихъ поръ Китайскій Туркистанъ заключаетъ въ себѣ города, раздѣляемые довольно большими песчаными степями.

Климатъ умѣренный; вѣтры бываютъ весьма часто весною и лѣтомъ; но они не слишкомъ сильны, не вздымаютъ песку и не вырываютъ деревьевъ, разумѣется, за нѣкоторыми мѣстными изъятіями. Только лишь настанутъ вѣтры, плодовыя деревья покрываются цвѣтомъ, и скоро созрѣваютъ плоды; другія деревья зеленѣютъ и простираютъ тѣнь свою по равнинѣ. По прекращеніи вѣтровъ, наступаютъ туманы и увлажаютъ землю благотворною росой. Дожди рѣдки, но пагубны даже и въ самомъ маломъ количествѣ: цвѣтъ на деревьяхъ отъ нихъ вянетъ. Если же дождь оби-

ленъ, деревья покрываются какъ будто масломъ и не даютъ хорошихъ плодовъ.

Почва тучная и теплая. Осенью сѣятъ много пшеницы, а потомъ пускаютъ воду въ поля, что́ называется поливкою. Если зимою и весною шли дожди, засѣваютъ ранѣе. Здѣсь произрастаетъ хлѣбъ всякаго рода, овощи, дыни и хлопчатая бумага. Хлѣбныя поля не выпалываются: плевелы, по мнѣнію Туркистанцевъ, поддерживаютъ жниво въ надлежащей свѣжести.

Весенніе холода гибельны: они замедляютъ таяніе снѣговъ, отчего вода орошаетъ пашни только послѣ засѣва. Жужубовъ (Китайскихъ финиковъ) здѣсь очень много; изъ нихъ гонятъ родъ водки. Держи-дерево (тогуракъ?) покрываетъ песчаныя степи и служитъ топливомъ. Дыни вкусны до чрезвычайности.

Вездѣ, на горахъ и въ степи, видны стада лошадей и быковъ, верблюдовъ, ословъ и муловъ. Мяса дикихъ барановъ нельзя ѣсть, но шкуры ихъ даютъ очень теплую одежду. Шакалы весьма обыкновенны въ горахъ; есть много змѣй, крупныхъ пауковъ и скорпіоновъ.

Туркистанцы, подобно всѣмъ народамъ Турецкаго племени, держатся исламизма; они не отращиваютъ волосъ на головѣ, но отпускаютъ бороду. Кафтаны у нихъ съ большимъ воротомъ и узкими рукавами; колпаки зимою съ мѣховымъ верхомъ, а лѣтомъ изъ атласа или сукна съ бархатнымъ околышемъ, заостреннымъ спереди и сзади; колпакъ, пяти или шести дюймовъ въ вышину, на верху украшенъ золотою кистью.

*

Обувь красная кожаная съ деревянными коблуками. Женщины носятъ башмаки или туфли безъ задниковъ; лѣтомъ онѣ ходятъ босикомъ; зимою на головѣ у нихъ мѣховые колпаки, украшенные перышкомъ спереди. Платья вообще распашныя; подъ ними двѣ сорочки, одна короче, другая длиннѣй (Л. XIV — 4).

Населеніе Тхянь-шань-нанъ-лу полагаютъ до полутора милліона. Весь край раздѣленъ на десять княжествъ, или акимъ-бекствъ, называемыхъ по имени главнаго города. Города управляются чиновникомъ, по назначенію Китайскаго правительства; однако шесть изъ нихъ сохранили право имѣть туземнаго бека.

Аксу, на западѣ, при рѣкѣ того же имени, близъ отрога Тхянь-шанъ-мусура, есть мѣсто пребыванія Китайскаго командира, начальника всѣхъ войскъ и блюстителя благочинія въ цѣломъ округѣ. Здѣсь находится таможня. Городъ лежитъ на большой дорогѣ и посѣщается множествомъ купцовъ Китайскихъ, Индѣйскихъ, Кашмирскихъ, Туркистанскихъ и Киргизскихъ. Жители вообще достаточны. Они выдѣлываютъ много бумажныхъ тканей; замшаныя сѣдла и узды ихъ работы пользуются большою извѣстностью; яшму шлифуютъ съ удивительнымъ совершенствомъ.

Турпанъ, по-Китайски Турфань, близъ Тхянъ-шана, городъ довольно многолюдный. Лѣтомъ здѣсь чрезвычайные жары, небо какъ будто пышитъ пламенемъ. Между произведеніями земли примѣчателенъ виноградъ отмѣннаго вкуса. На юговостокъ простираются песчаныя горы, совершенно безплодныя.

Комулъ, по-Китайски Ха́ми, далѣе къ востоку, небольшой, но хорошо населенный городокъ. Особенно славятся его дыни.

Кашгаръ, въ западной части Туркистана, на рѣкѣ того же имени и неподалеку отъ границы, — значительный городъ. Тамъ выдѣлывается золотая и серебряная канитель, парчи, атласы и другія шелковыя и бумажныя ткани. Торговля въ цвѣтущемъ состояніи, и иноземныхъ купцовъ съѣзжается очень много. Здѣсь считаютъ до 16,000 жителей, платящихъ подать. Они любятъ разгульную жизнь и слывутъ грубыми въ обращеніи.

Яркянь (Яркендъ), лежащій далѣе къ югу на большой рѣкѣ того же имени, былъ нѣкогда столицею Восточнаго Туркистана. Число податныхъ жителей простирается до 32,000 человѣкъ; но полагаютъ, что только осьмая часть населенія значится по ревизскимъ сказкамъ. Городъ ведетъ цвѣтущій торгъ; Китайскіе купцы пріѣзжаютъ по дѣламъ изъ восточныхъ областей, не смотря на большое разстояніе; бываютъ многіе и изо всѣхъ другихъ странъ Азіи. Въ торговые дни обширный базаръ всегда наполненъ людьми и товарами.

Окрестность Яркяни составляетъ пространную равнину. Здѣсь, въ рѣкѣ Юрункашѣ, добываютъ *ю*, или восточную яшму, весьма дорого цѣнимую Китайцами. Случается, что одинъ кусокъ вѣситъ отъ трехъ-до четырехъ-сотъ гиновъ *.

«Въ 230 ли отъ Яркяни, говоритъ Китайскій географъ, переведенный отцемъ Іакинѳомъ, есть гора

* Гинъ около полутора фунта.

Мирчжай, которая вся состоитъ изъ разноцвѣтной яшмы, но иная въ корѣ, а другая содержитъ внутри себя частицы кварца. Кто желаетъ достать яшму чистую, безъ всякой примѣси и притомъ до 10,000 гиновъ вѣсомъ, тотъ долженъ идти на высшія вершины горы, на которыя и природнымъ жителямъ трудно подниматься. Здѣсь есть волы, привыкшіе ходить по горамъ. Туркистанецъ съ орудіями подымается на такомъ волѣ на гору, и отсѣкаетъ каменья, которые сами собою скатываются внизъ. Сія яшма называется горною. Яркянь ежегодно, весною и осенью, отправляетъ отъ 7 до 10,000 гиновъ сей яшмы ко двору.»

Въ семи стахъ ли къ юговостоку отъ Яркяни и въ пяти стахъ къ сѣверу отъ Тибета лежитъ на рѣкѣ Хотанъ-дярьѣ городъ Хотанъ, иначе Ильци. Здѣсь выдѣлываютъ ткани шелковыя и шерстяныя, льняныя и бумажныя. Шелку получается весьма много отъ дикихъ червей; въ плодоносныхъ частяхъ края много шелковичныхъ плантацій. Въ нѣкоторомъ разстояніи къ западу простираются высокія горы; къ востоку лежатъ степи песчаныя и совсѣмъ необитаемыя, хотя и снабженныя многими ключами.

ГЛАВА XXX.

Китайское государство: Тибетъ.

Всѣ народы, исповѣдующіе буддизмъ, почитаютъ Тибетъ святой землею, потому что въ Хлассѣ, столицѣ того края, живетъ далай-лама, въ которомъ они чтутъ воплощеніе Боддисатвы.

Подобно брахманской религіи, буддизмъ основанъ на томъ началѣ, что единый духъ животворитъ вселенную. Въ самомъ себѣ, этотъ духъ есть выспренняя пустота, какъ отсутствіе всякаго явленія, но обнаруживаясь и облекаясь въ вещество, которое есть не настоящее бытіе его, а только призракъ, или кажущееся, онъ производитъ облики разнообразные до безконечности. Этотъ духъ называется по-Санскритски Будда, то есть знаніе или мудрость, но чаще разумѣютъ подъ именемъ Будды не первобытную мудрость въ отвлеченномъ смыслѣ, а божество, являющееся по временамъ въ созданныхъ имъ обликахъ и преимущественно въ образѣ человѣческомъ.

По вѣрѣ буддистовъ, каждое живое существо есть духъ, ниспавшій изъ страны чистаго свѣта въ дольную область измѣнчиваго вещества; смерть, по ученію ихъ, не освобождаетъ души отъ оковъ плоти; несовершенные духи скитаются по землѣ въ разныхъ обликахъ до тѣхъ поръ, пока заслужатъ себѣ полную свободу; тогда возвращаются они къ источнику своему, духу перво-

начальному, и, будучи совершенно вольны, могутъ или слиться съ нимъ въ первобытное единство, или оставаться въ области творчества и откровенной силы, одни для утвержденія въ мірѣ новыхъ догматовъ, другіе для распространенія прежнихъ словомъ и примѣромъ. Первые суть истинные Будды; они являются однажды, и потомъ навѣки сливаются съ своимъ первообразомъ. Послѣдніе для отличія названы Боддисатвами; они-то, по мнѣнію буддистовъ, воплощаются или возрождаются въ особѣ далай-ламъ, хутухтъ, великихъ государей, и даже, хотя очень рѣдко, въ лицѣ простыхъ священнослужителей и мірянъ. Въ числѣ ихъ есть такіе угодники, которые, по мнѣнію буддистовъ, подвизаются съ особеннымъ усердіемъ въ дѣлѣ духоосвобожденія; останки ихъ, живописныя изображенія и статуи составляютъ предметъ поклоненія и религіозныхъ обрядовъ.

Настоящіе Будды являются въ эпохи обновленія вселенной, и каждый управляетъ извѣстнымъ ея періодомъ. По мнѣнію буддистовъ, на свѣтѣ было уже трое Буддъ. Четвертый, котораго ученіе господствуетъ теперь въ большей части восточной Азіи, родился въ Индіи, въ 1019 году до Р. Х. Достигнувъ семидесяти-девятилѣтняго возраста, онъ совлекся смертной оболочки для возвращенія въ бездну всемірной души, которой самъ онъ вѣчное начало. Земная душа его перешла къ одному изъ его учениковъ, имъ назначенному. Преемники его не остались въ мѣстахъ, освященныхъ его житіемъ: въ V вѣкѣ нашей эры подверглись они гоненію за нѣкоторыя существенныя перемѣны, введенныя ими во многихъ обрядахъ, и вслѣдствіе того

перешли въ Китай, потомъ въ Монголію, и наконецъ, въ XIII вѣкѣ, водворились въ Тибетѣ. Нынѣшній Будда называется по-Индѣйски Шагкямуни, по-Тибетски Санджай, по-Монгольски Бурханъ, по-Китайски Фо, а за Гангомъ Гоутама или Годама.

Будда явился въ Индіи; первые патріархи, наслѣдовавшіе душу его, жили при дворѣ тамошнихъ царей, какъ духовные ихъ совѣтники. Божество возрождалось то въ кастѣ брахмановъ или ратниковъ, то между купцевъ или земледѣловъ, согласно съ первоначальнымъ своимъ намѣреніемъ уничтожить различіе кастъ. Первосвященники, достигнувъ преклонныхъ лѣтъ, по большей части сами полагали конецъ недугамъ старости и ускоряли минуту своего перерожденія возшествіемъ на костеръ. Въ наше время, великіе ламы не сожигаются заживо, а предаются огню только по смерти.

Когда далай-лама захочетъ покинуть міръ сей, что́, по мнѣнію его поклонниковъ, случается въ тотъ день, въ тотъ часъ и при тѣхъ самыхъ обстоятельствахъ, какія онъ опредѣлитъ, онъ всегда оставляетъ духовную съ назначеніемъ преемника; онъ пишетъ ее самъ и полагаетъ въ потаенное мѣсто около своего престола съ тѣмъ, чтобы она была найдена только по переселеніи его души. Въ этой граматѣ опредѣляетъ онъ званіе, родъ, лѣта и другіе признаки, по которымъ долженъ быть открытъ преемникъ его, когда придется его отыскивать. Духовную ищутъ немедленно по переселеніи далай-ламы; она вскрывается храмовымъ викаріемъ въ присутствіи священнѣйшихъ хутухтъ (перерожденныхъ) и высшаго духовен-

ства. По отысканіи назначеннаго преемника, его посвящаютъ съ торжествомъ и обрядами, предписанными уставомъ. Останки предмѣстника его сберегаютъ тщательнѣйшимъ образомъ, употребивъ часть ихъ на приготовленіе стекловидныхъ шариковъ, чтимыхъ за великую святыню.

Далай-лама, подобно другимъ ламамъ, когда они въ полномъ облаченіи, надѣваетъ желтую рясу и родъ плаща, называемаго *губеръ*. Шапка на немъ того же цвѣта, остроконечная, съ спусками по краямъ, прикрывающими уши. Прибывъ въ храмъ, онъ помѣщается, поджавши ноги, на сѣдалище, сложенное изъ подушекъ на алтарѣ и покрытое балдахиномъ. Вѣрующіе подходятъ со страхомъ, поклоняются и принимаютъ его благословеніе. Онъ даетъ его рукою только высшимъ государственнымъ сановникомъ. Прочихъ мірянъ благословляетъ позлащеннымъ жезломъ, длиною въ локоть, изъ краснаго благовоннаго дерева. На одномъ концѣ жезла рукоятка, на другомъ изображеніе цвѣтка кувшинки, изъ котораго въ срединѣ выходитъ желтая шелковая ленточка, длиною дюйма въ два; ею связаны три шелковыя разноцвѣтныя лопасти съ бахрамой, въ длину не болѣе четверти. Этой кистью далай-лама касается головы тѣхъ, кто преклонитъ передъ нимъ колѣна; если число ихъ весьма значительно, нѣсколько заслуженныхъ ламъ становятся подлѣ престола и поддерживаютъ правую руку первосвященника (Л. XVI—1).

Міряне, имѣющіе званіе ламскихъ учениковъ (docteurs), молятся прежде другимъ бурханамъ, потомъ кладутъ земные поклоны передъ далай-ламою, сколько вну-

шитъ имъ набожность; напослѣдокъ становятся на колѣна и, съ поникшею головой и закрывъ лице руками, смиренно принимаютъ благословеніе, послѣ чего опять кладутъ земные поклоны. Что касается до тѣхъ міранъ, которые не имѣютъ ученическаго званія, они приходятъ и прямо поклоняются божественному первосвященнику.

Ламы увѣряютъ народъ и разсказываютъ безъ всякихъ шутокъ, что когда много людей вмѣстѣ творятъ поклоненіе далай-ламѣ, онъ является каждому изъ нихъ въ различномъ видѣ. Одному кажется онъ молодымъ, другому средняго возраста; каждый мечтаетъ обратить на себя исключительно взоры воплощеннаго божества, и гдѣ проходитъ далай-лама, тамъ вездѣ, по словамъ его усердныхъ чтителей, распространяется дивное благовоніе. Велитъ онъ, и среди сухихъ степей брызжутъ чистѣйшіе водометы, возникаютъ рощи и совершаются многоразличныя чудеса. Суевѣріе въ Тибетѣ, какъ и вездѣ, готово на всякую небывальщину.

Все духовенство Тибетское дѣлится на наслѣдственное по перерожденію и на избирательное по заслугамъ. Члены перваго называются по-Тибетски общимъ именемъ *поксба* или *пагба* (святой), по-Монгольски *хутухта*, или перерожденный.

Первое мѣсто между наслѣдственными хутухтами занимаетъ *цьзябгунь-римбуци*, по-Монгольски далай-лама. Вторая степень принадлежитъ *баньцинъ* или *баньчень-римбуци*, пребывающему въ Таши-люмбо (Чжесси-люмбо), въ южномъ Тибетѣ; третія—Хутухтѣ Ургинскому, о которомъ мы уже имѣли случай гово-

рить. Всѣ хутухты по перерожденіи, но до торжественнаго посвященія въ санъ свой, называются по-Тибетски янси-римбуци, по-Монгольски хубилханъ.

Само собою разумѣется, что хутухты только во мнѣніи народномъ слывутъ наслѣдственными по перерожденію, а на дѣлѣ избраніе ихъ зависитъ вполнѣ отъ тайныхъ указаній Китайскаго Двора. Вотъ какъ совершается это избраніе по словамъ отца Іакинѳа.

«По смерти далай-ламы престолъ его два года бываетъ празденъ. Въ продолженіе сего времени происходятъ тайныя сношенія о новомъ далай-ламѣ, и распоряжаютъ симъ дѣломъ не хутухты, а два Китайскіе генерала, живущіе въ Хлассѣ. Когда они на свое представленіе о назначаемомъ получатъ утвержденіе богдохана, то банцинь пріѣзжаетъ въ Хлассу и, вмѣстѣ съ Китайскими, генералами, отправляется въ жилище хубилханя, чтобы препроводить его въ Будалу *. Здѣсь первые три года онъ учится грамотѣ подъ именемъ янси-римбуція или хубилханя. Послѣ сего генералы снова представляютъ богдохану о посвященіи новорожденнаго. По полученіи указа изъ Пекина, банцинь вторично пріѣзжаетъ въ Хлассу для совершенія посвященія, и съ сего времени хубилханъ начинаетъ именоваться далай-ламою, а родители его получаютъ пожизненное княжеское достоинство. При семъ странномъ и новомъ образѣ избранія наблюдаютъ знаменитость фамиліи и дальность мѣсторожденія. Иногда по недостатку въ чужихъ фамиліяхъ обстоятельствъ и качествъ, нужныхъ для перерожденія, умершему

* Монастырь, занимаемый далай-ламою. См. ниже.

хутухтѣ дозволяютъ переселиться и въ родственника своего, только бы сей родился около времени кончины его.»

Что касается до избирательнато духовенства, оно дѣлится на пять степеней. Самую низшую занимаетъ гениинъ, по-Монгольски обуши. Онъ отличается отъ мірянъ только краснымъ поясомъ и болѣе строгимъ наблюденіемъ закона. Баньдій, или ученикъ, воспитанный въ монастырѣ, носитъ желтую одежду, а послѣ посвященія красную перевязь черезъ плечо и ходитъ въ храмъ на служеніе: въ собственномъ смыслѣ это первая степень духовенства. Далѣе слѣдуетъ гецулъ, который сверхъ обыкновенной одежды во время торжественнаго служенія надѣваетъ запонъ. Санъ гелуна соотвѣтствуетъ званію священника. Гелунъ, сверхъ запона, носитъ епанчу въ видѣ шали, и при совершеніи службы такъ же отличается первенствомъ мѣста отъ гецула, какъ гецулъ отъ бандія. Высшую степень избирательнаго духовенства составляетъ *камбу* или *кяньбу*, санъ, равняющійся епископскому. Камбу принимаетъ посвященіе отъ хутухты и самъ властенъ посвящать въ три вышепомянутыя степени. Во время служенія, онъ, подобно хутухтамъ, сидитъ на престолѣ, облаченный въ *губеръ*, лицемъ къ божествамъ.

Хутухты благословляютъ народъ правою рукой, обвернутой шелковою тканью; простые священники берутъ четки и прикасаются ими къ темени вѣрующаго, который становится для того на колѣна.

Духовенство буддійское живетъ общинами въ обширныхъ монастыряхъ подъ управленіемъ настоятеля.

Около большаго храма каждый лама имѣетъ свой домикъ съ маленькимъ капищемъ и держитъ при себѣ одного или нѣсколькихъ учениковъ, которые считаются духовными дѣтьми его и, когда онъ умираетъ, наслѣдуютъ домъ его и имѣніе. Одежду ламъ въ Тибетѣ составляетъ обыкновенно желтая ряса и красная епанча изъ шерстяной ткани; на головѣ у нихъ шапка, съ острымъ или круглымъ верхомъ, почти четыреугольная (Л. XVIII — 1). Четки носятъ они съ боку на поясѣ или держатъ ихъ въ рукахъ и перебираютъ зерна, читая молитвы. У однихъ шапки желтыя, у другихъ красныя, — отличіе двухъ нѣкогда враждебныхъ сектъ, которыя нынѣ примирились. Далай-лама и банчинь-римбоци носятъ шапки желтаго цвѣта. Верховные ламы носятъ въ торжественныхъ обрядахъ родъ посоха (клюки), у котораго верхній конецъ загнутъ и изукрашенъ (Л. XVIII — 1).

«Ламы, говоритъ отецъ Іакинѳъ, видѣвшій обряды ихъ въ Пекинѣ, совершаютъ богослуженіе три раза въ день: утреннее и полуденное на голосахъ, при чемъ между разстановками бьютъ въ литавры, а вечернее на духовыхъ музыкальныхъ орудіяхъ. Зовъ къ богослуженію производится трубнымъ звукомъ въ большія морскія раковины. Ламы, собравшись въ храмъ, садятся на тюфяки, по полу разложенные на правой и лѣвой сторонѣ. Они сидятъ лицемъ другъ къ другу и читаютъ на распѣвъ однотоннымъ голосомъ священныя книги, лежащія предъ ними на длинныхъ низкихъ столахъ. Здѣсь не бываетъ предсѣдательствующаго лица, кромѣ *кёзгуя*, надзирающаго за благочиніемъ. Во время первосвященническаго слу-

женія главное лице сидитъ у дверей храма на престолѣ въ богатомъ губерѣ, имѣя лице обращенное къ кумирамъ. Служащіе ламы стоятъ предъ нимъ по сторонамъ въ рядъ, въ мантіяхъ, съ кадилами въ рукахъ, а иногда въ однихъ спанчахъ на подобіе губера, и читаютъ нараспѣвъ. Главное лице, которое бываетъ обыкновенно хутухта или камбу, читаетъ возгласы и начинаетъ пѣніе, позванивая серебрянымъ въ рукахъ своихъ колокольчикомъ. Прочіе ламы сидятъ, позади служащихъ, на полу безъ всякаго дѣйствія, и только нѣкоторые, при извѣстныхъ разстановкахъ, бьютъ въ бубны и тарелки. По окончаніи служенія, главное лице снимаетъ губеръ, сходитъ съ престола и удаляется. Симъ оканчивается служеніе, если нѣтъ ни какихъ постороннихъ обрядовъ или процессій.»

Храмы украшены изображеніями Будды и множествомъ другихъ кумировъ. Въ извѣстные праздники совершаютъ съ ними торжественные ходы около храмовъ и далѣе. Во время служенія горятъ свѣчи и курится ладанъ.

Міряне входятъ въ храмы только поклониться истуканамъ и принять благословеніе отъ ламъ. За небольшую денежную дачу послѣдніе льютъ имъ на руку нѣсколько капель освященной воды, смѣшанной съ шафраномъ и съ сахаромъ: ее пьютъ для очищенія души и укрѣпленія тѣла.

Дни поста и молитвы установлены въ началѣ весны, лѣта и зимы. Всѣ ламы собираются для торжественныхъ молитвъ въ февралѣ мѣсяцѣ на осмнадцать дней, въ маѣ на двадцать, въ ноябрѣ на цѣ-

лый лунный мѣсяцъ съ двумя днями. Въ это время воздерживаются отъ мяса и пряныхъ зелій. Девятое, 19 и 29 число каждой луны особенно посвящены молитвѣ. Тутъ цѣлые сонмы ламъ, иногда до трехъ тысячъ и болѣе, собираются при каждомъ большомъ храмѣ. Далай-лама и прочіе первосвященники въ эти дни обыкновенно не бываютъ при богослуженіи.

Напротивъ, они обязаны служить и давать благословеніе въ четыре великіе праздника, то есть въ первый день первой луны февраля, или новаго года, въ пятый день второй луны іюня, въ шестнадцатый день луны іюля и въ двадцать пятый ноября. Всѣ обряды богослужебные отправляются съ великой пышностью.

Между многими народными праздниками въ особенности замѣчательно торжество прогнанія сатаны. Тутъ одинъ изъ ламъ представляетъ лице далай-ламы, а кто-нибудь изъ простолюдиновъ лагунъ-гябу, или діавола. У послѣдняго привязаны длинныя зеленыя уши, лѣвая щека намазана бѣлой, правая черною краской; въ лѣвой рукѣ держитъ онъ короткую палку, а въ правой коровій хвостъ. Мнимый далай-лама, послѣ торжественнаго служенія на площади, звуками бубновъ и раковинъ вызываетъ діавола. Тотъ является, подступаетъ къ нему съ разными ужимками и прыжками и начинаетъ съ нимъ споръ, рѣшаемый наконецъ игрою въ кости. Далай-лама обыгрываетъ сатану, и бѣднякъ обращается въ бѣгство. Ламы, въ видѣ духовъ, и народъ съ луками, стрѣлами, ружьями и пушками (?) преслѣдуютъ чорта, пока онъ скроется въ горахъ. Тутъ ожидаетъ его славная закуска,

кромѣ платы, которая ему слѣдуетъ, потому что хлопотливую должность чорта исправляетъ онъ по найму.

Въ исходѣ второй луны или въ началѣ третьей, въ большомъ Хлассинскомъ монастырѣ, Хлассей-ціоканѣ, выставляютъ на показъ всѣ драгоцѣнности. На Будалѣ вывѣшиваютъ изображенія бурхановъ, набранныя изъ разныхъ шелковыхъ лоскутовъ. Ламы, наряженные ангелами и демонами, людьми всякаго званія, тиграми, носорогами, слонами и другими животными, трижды обходятъ монастырь и, остановясь предъ главнымъ божествомъ, молятся, пляшутъ, и поютъ гимны. Подобное торжество совершается и въ другихъ большихъ монастыряхъ: отецъ Іакинѳъ видѣлъ его нѣсколько разъ въ окрестностяхъ Пекина.

Когда родится ребенокъ, зовутъ ламу, который благословляетъ сосудъ воды, смѣшанной съ молокомъ, дуетъ на него съ молитвами и погружаетъ туда младенца. Потомъ даетъ ему имя какое вздумаетъ или по указанію книгъ, съ которыми иногда справляется; всѣ эти имена принадлежатъ буддійскимъ святымъ. За тѣмъ слѣдуетъ обыкновенно угощеніе ламамъ и знакомымъ.

При бракосочетаніи, ламы назначаютъ благопріятный день для совершенія обряда, справляясь съ священными книгами и замѣтивъ годъ, мѣсяцъ и день рожденія будущихъ супруговъ. Они обращаютъ особенное вниманіе на день, благополучный для невѣсты, хотя бы онъ и не былъ выгоденъ для жениха. Поелику на каждаго приходится не помногу такихъ счастливыхъ дней, то въ случаѣ, если они уже про-

шли, влюбленные должны отсрочить свадьбу до слѣдующаго года.

Въ день брака, женихъ, въ сопровожденіи друзей, но безъ отца и безъ матери, пріѣзжаетъ за невѣстою; когда всѣ они отправятся домой, родственники невѣстины, или по крайней мѣрѣ одинъ изъ нихъ пристаетъ къ поѣзду, если женихъ живетъ далеко. По прибытіи, лама окуриваетъ домъ благовоніями и взываетъ къ покровительнымъ божествамъ; потомъ освящаетъ молитвами сосудъ съ молочною водою; новобрачные умываютъ изъ него лице; лама благословляетъ бракъ, полагая имъ на голову священную книгу, и, въ заключеніе, молитъ Бога ниспослать имъ благодать и многоплодность. По окончаніи обрядовъ, молодыхъ отводятъ въ особый покой и оставляютъ наединѣ, а общество между-тѣмъ потѣшается пляскою, пѣснями, музыкой или другими забавами, которыя у богатыхъ продолжаются часто до пяти и даже до десяти дней. Невѣсты получаютъ приданое, а женихъ не платитъ ничего тестю, какъ то водится у другихъ Азіатскихъ народовъ.

Когда кто занеможетъ, надъ нимъ читаютъ установленныя молитвы, прося исцѣленія свыше. Если болѣзнь сдѣлается опасною, страждующаго напутствуютъ къ смерти расказами о переселеніи души и молитвами, которыя повторяются тѣми изъ присутствующихъ, у кого есть четки.

Тѣла усопшихъ обвертываютъ въ бумажную или въ шелковую ткань, смотря по достатку, а тамъ поступаютъ съ ними, какъ у Монголовъ, по указанію

священныхъ книгъ. Ламы, читавшіе надъ тѣломъ приличныя молитвы, сопровождаютъ его при погребеніи, возглашая гимны похоронные; предъ заключеніемъ всего обряда возсылаются молитвы къ геніямъ-хранителямъ объ устраненіи отъ души усопшаго всѣхъ мытарствъ, могущихъ возмутить ея спокойствіе. По возвращеніи домой, какъ ламы, такъ и всѣ бывшіе при погребеніи угощаются обильною трапезой.

Лама читаетъ молитвы о спасеніи души покойнаго въ теченіи десяти дней, по-крайней-мѣрѣ, если не воспрепятствуетъ тому бѣдность семейства. У богатыхъ поминовеніе продолжается нѣсколько мѣсяцевъ и даже иногда круглый годъ. Въ такомъ случаѣ, ламы переѣзжаютъ въ домъ къ усопшему, получая за трудъ подарки и вещами, и деньгами. Кромѣ того, сзываютъ множество ламъ для отправленія панихиды въ сорокъ девятый день и въ годовщину. Отъ воли родственниковъ зависитъ, повторять послѣднюю ежегодно, или нѣтъ.

Каждый годъ, въ концѣ октября, совершается поминовеніе по усопшихъ. Кровли храмовъ, монастырей и частныхъ домовъ всѣ уставляются фонарями. Безмолвіе ночи прерывается звономъ колоколовъ, громомъ музыкальныхъ орудій и пѣніемъ гимновъ; люди богатые и достаточные одѣляютъ бѣдныхъ пищею и подаяніемъ: каждый увѣренъ, что эти добрыя дѣла пріобрѣтаютъ новую цѣну отъ случая, при какомъ совершаются.

Ламы считаютъ себя обязаными славословить Бога какъ можно громче и скорѣе. То, что другому покажется страннымъ или даже смѣшнымъ, служитъ у

нихъ доказательствомъ ревности и усердія. Кромѣ торжественныхъ службъ, отправляемыхъ во храмѣ, совершаются еще особыя молебствія въ оградахъ монастырей и другихъ мѣстахъ. Они всегда сопровождаются музыкой.

При каждомъ изъявленіи набожности у буддистовъ не сходятъ съ языка слова *Ом-мани-падме-хумъ*; они повторяютъ ихъ, перебирая четки и поклоняясь кумирамъ. Эти таинственныя слова, взятыя съ Санскритскаго, имѣютъ для нихъ великую важность: они выкладываются рельефомъ на лопостяхъ, прикрѣпляемыхъ къ пикамъ, которыя втыкаютъ на камняхъ, горныхъ утесахъ, на стѣнахъ и вездѣ; они пишутся на листахъ бумаги столько разъ, сколько можно умѣстить ихъ, и листы вкладываются въ деревянные валы, вертящіеся на желѣзномъ прутѣ. Валы бываютъ разной величины: одни маленькіе, ручные, другіе, поболѣе, утверждаются на скобахъ по дорогамъ; третьи ставятся въ храмахъ. Чѣмъ скорѣе вертятся они, тѣмъ лучше содѣйствуютъ къ душеспасенію. Ихъ устроиваютъ даже подлѣ рѣкъ, гдѣ они обращаются водою (Л. XV — 2). У богатыхъ дѣлаются они золотые или золоченые, вѣшаются на стѣны, подобно часамъ, и, будучи заводимы, безпрестанно вертятся. По-Тибетски называются они *корло*, по-Монгольски *курдé*.

Не справедливо было бы судить о буддизмѣ по мелочамъ, которыя впрочемъ не заключаютъ въ себѣ ничего дурнаго. Правила этой вѣры заслуживаютъ уваженіе всякаго благомыслящаго человѣка по нравственному достоинству, которое въ нихъ господствуетъ.

«Не столь напитанные варварскимъ суевѣріемъ, какъ брахманы, говоритъ Абель-Ремюза, буддисты конечно допустили употребленіе мясной пищи, но они воззвали человѣка къ достоинству, полученному имъ отъ его Творца; они соблюдали менѣе уваженія къ коровамъ и копчикамъ, но явили болѣе сострадательности къ ремесленникамъ и земледѣльцамъ. За предѣлами страны, орошаемой святыми рѣками, у брахмановъ, нѣтъ спасенія человѣку, и, по мнѣнію ихъ, даже напрасно о немъ заботиться, но въ этихъ именно краяхъ, отчужденныхъ небеснаго наитія, вѣроученіе Будды распространило благотворныя начала, примѣнимыя ко всѣмъ народамъ и ко всѣмъ землямъ. Оно-то образовало Тибетскихъ пастуховъ и умягчило нравы кочевыхъ племенъ Татаріи. Его проповѣдники первые дерзнули говорить о нравственности, о долгѣ, о справедливости, строптивымъ завоевателямъ, передъ тѣмъ только опустошавшимъ Азію.»

Обширное твореніе, именуемое по-Тибетски *Ганьчжуръ*, заключаетъ въ себѣ весь канонъ буддизма. Оно переведено на главнѣйшіе языки восточной Азіи и состоитъ изо ста осьми толстыхъ томовъ. Ганьчжуръ первоначально писанъ по-Санскритски, равно какъ и прочія вѣроучительныя книги, которыхъ весьма много и которыя почитаются у буддистовъ откровенными. Книги эти очень пространны, что впрочемъ и не удивительно, если принять въ расчетъ, что онѣ, по большой части, состоятъ изъ предлинныхъ литаній, заклинаній, молитвъ и возгласовъ, повторяемыхъ по многу разъ сряду безъ всякой перемѣны и даже безъ всякаго смысла постижимаго. «Не должно забывать

притомъ, продолжаетъ вышепомянутый ученый, что три отрасли буддійскаго ученія составляютъ систему философіи такую полную, какой только можно ожидать отъ созерцательности Гиндусовъ, и что онѣ содержатъ въ себѣ начала нравственности, космогоническія басни и описанія міра дѣйствительнаго и фантастическаго, бездну аллегорическихъ и миѳическихъ преданій и въ особенности метафизику недосягаемой глубины. Не боюсь изобличенія въ ошибкѣ, утверждая, что кто не читалъ нѣкоторыхъ буддійскихъ книгъ, тотъ не знаетъ, до чего можетъ простираться сумасбродство человѣческое, и не постигаетъ вполнѣ той нелѣпости, до какой можетъ довести злоупотребленіе умствованій безъ цѣли и неправильное приложеніе отвлеченностей къ предметамъ, непостижимымъ для ума. Быть-можетъ, мнѣ скорѣе повѣрятъ, если я прибавлю, что между этихъ грезъ часто попадаются остроумныя иносказанія, и что изъ нѣдръ такой мрачной метафизики порою сверкаютъ геніальныя искры, способныя возбудить любопытство и изумить воображеніе.»

Не удивительно, что въ религіи, которая постоянно направлена къ созерцательности, люди, ищущіе совершенства, удаляются на отшельническую жизнь въ горы и пещеры, избѣгая всѣхъ сношеній съ прочими людьми и воздерживаясь отъ всякой животной пищи. Другіе соединяются общинами въ пустыняхъ и посылаютъ братію въ города и села для сбора подаяній.

Въ каждомъ монастырѣ есть по одному или по два прорицателя или *гурденя*, на которыхъ въ извѣстные

дни нисходитъ небесный духъ, *цюцзюнъ*. Гурдени бываютъ изъ ламъ и изъ женатыхъ. «Во 2-й и 16-й день каждаго мѣсяца, говоритъ переводчикъ описанія Тибета, гурдень, одѣвшись въ воинскіе доспѣхи, входитъ въ храмъ, сопровождаемый двадцатью или тридцатью ламами, которые совершаютъ священнослуженіе. По окончаніи сего, гурдень приходитъ въ изступленіе, — знакъ, что духъ съ неба сошелъ въ плоть его. Онъ выходитъ на паперть и велитъ всѣмъ предстоящимъ предлагать ему вопросы, на которые дѣлаетъ прорицанія. Отвѣты всегда бываютъ столь двусмысленны и остроумны, что вопрошающіе всегда остаются убѣжденными въ истинѣ пророчества.»

У буддистовъ есть и монахини, живущія въ монастыряхъ; одинъ изъ нихъ состоитъ подъ начальствомъ хутухтиссы. Платье ихъ похоже на одѣяніе прочихъ женщинъ, только оно одного цвѣта съ ламскимъ, и шапки у нихъ такія же. Черезъ правое плечо носятъ онѣ красную перевязь; волосъ не стригутъ, а заплетаютъ ихъ въ двѣ косы съ каждой стороны, тогда какъ у другихъ женщинъ бываетъ лишь по одной косичкѣ за ушами. Нѣкоторыя изъ монахинь живутъ въ мірѣ, съ семействами.

Тибетъ находится между 27° и 25° сѣверной широты и между 92° и 122° восточной долготы. Къ сѣверу граничитъ онъ съ Си-юемъ и Монголіей; къ востоку и юговостоку съ собственнымъ Китаемъ, къ югу съ Бутаномъ и Гиндустаномъ, къ западу съ Непаломъ и Гиндустаномъ. Онъ имѣетъ около 600 миль въ длину и 200 миль поперечнику въ самомъ

широкомъ мѣстѣ, а поверхность его простирается до 10,000 квадратныхъ миль.

Отъ Гиндустана отдѣляется онъ Гималайею, которой верхи достигаютъ 4000 тоазовъ вышины и которая покрыта вѣчными снѣгами. На западѣ, Каракорамъ и Нари примыкаютъ къ этому исполинскому хребту; Куэнлунскія или Кулкумскія горы простираются на сѣверѣ и представляютъ вершины, не уступающія Гималайскимъ. Вѣтви ихъ расходятся по всему Тибету и часто содержатъ въ себѣ огромные ледники. На сѣверовостокѣ замѣчательна цѣпь Баянъхара, а на востокѣ Юнь-линъ: обѣ онѣ покрыты снѣгомъ.

Въ южной части, озеро Манасъ-сароваръ течетъ рукавомъ въ Храванрадъ, * другое озеро, изъ котораго выходитъ Сетледжъ, пересѣкающій цѣпь Гималайскую и орошающій потомъ Гиндустанъ. Немного далѣе къ западу, гора Параласа отдѣляетъ этотъ бассейнъ отъ системы Инда, который течетъ сперва къ сѣверу, а потомъ обращается на югъ къ той странѣ, которая обязана ему именемъ. Къ востоку отъ Манасъ-саровара, хребетъ Гандзири (Гантеси) даетъ начало Яро-дзанго-чу, большой рѣкѣ, принимающей далѣе имя Иравадди и впадающей въ Бенгальскій Заливъ. Наконецъ Янь-цзе-кіань, величайшая изъ рѣкъ Китайскихъ, образуется рѣками восточнаго Тибета. Между многочисленными озерами всѣхъ замѣчательнѣе Пальте (Ямчжукъ-юмцо), окружающее водами своими, какъ кольцомъ, гористый островъ, котораго поверх-

* Муркрофтъ утверждаетъ, что озера эти не имѣютъ сообщенія.

ность гораздо значительнѣе той, какую занимаетъ вода.

Климатъ суровый и холодный — естественное слѣдствіе снѣжныхъ горъ и возвышенности края надъ морскою поверхностью. Здѣсь встрѣчаются тучные луга и плодоносныя долины; въ умѣреннѣйшихъ полосахъ можно разводить виноградъ и сѣять сарацинское пшено. Многія горы совершенно наги, и въ дровахъ не вездѣ избытокъ.

Въ числѣ сосцепитающихъ должно упомянуть объ якѣ, или конехвостомъ быкѣ, который ростомъ и видомъ похожъ на нашихъ, но существенно разнится отъ нихъ длиною и густою волной: бедра, спина и задъ покрыты у него обильнымъ пухомъ; шерсть на бокахъ и на брюхѣ очень пряма и доходитъ до колѣнъ, а у нѣкоторыхъ доморощенныхъ яковъ даже до-земи. Середь груди торчитъ клокъ волосъ, длиннѣе прочихъ. Самая обыкновенная масть черная. Якъ не мычитъ, а хрюкаетъ весьма тихо и то изрѣдка. Взглядъ у него мрачный, нравъ дикій и свирѣпый.

Онъ обитаетъ въ самыхъ холодныхъ краяхъ Тибета, гдѣ щиплетъ мелкую траву горъ и равнинъ, лежащихъ между этой страною и Бутаномъ. Онъ составляетъ богатство кочевыхъ Дукбъ, давая имъ пищу, одежду, и служа для перевозки тяжестей; ноги у него чрезвычайно крѣпки и шагъ вѣренъ. Изъ шерсти его дѣлаютъ веревки и юрты, а изъ кожи балахоны и шапки. Въ земледѣліи онъ не употребляется.

На всемъ Востокѣ въ особенномъ уваженіи хвостъ яка, какъ украшеніе и предметъ роскоши: въ Тибетѣ

и Гиндустанѣ изъ него дѣлаютъ махалки отъ мухъ; у Турковъ и у Персіянъ служитъ онъ знакомъ военнаго сана, извѣстнымъ подъ названіемъ бунчуга; у Китайцевъ, которые придаютъ ему красный цвѣтъ, украшаетъ онъ лѣтнія шапки. Есть такіе хвосты въ три съ половиной фута длиною (Л. XV — 3).

Но главная польза, пріобрѣтаемая Дукбами отъ яка, состоитъ въ обильномъ запасѣ молока, изъ котораго приготовляется отличное масло. Они скопляютъ его въ мѣхахъ и такимъ образомъ сберегаютъ среди холодныхъ горъ иногда цѣлые годы. Накопивъ достаточный запасъ, они везутъ его на якахъ до ближайшаго рынка, откуда оно расходится по всѣмъ округамъ этой возвышенной страны. Масло составляетъ одну изъ первыхъ статей торговли.

Другая, гораздо важнѣйшая, есть козій пухъ, изъ котораго ткутъ Кашмирскія шали. Въ Тибетѣ есть также дикія лошади, — домашняя порода прекрасна; водятся еще серны, и собаки, великорослыя, смѣлыя и сильныя, съ большою головой и длинной шерстью. Главное богатство края суть минеральныя произведенія. Во многихъ мѣстахъ находится чистѣйшее золото; руда принадлежитъ правительству, которое допускаетъ разработку въ одномъ только рудникѣ разомъ. Киновари много вездѣ, но, за неимѣніемъ достаточнаго количества дровъ, нельзя выжигать изъ нея ртути. На днѣ нѣкоторыхъ озеръ осаждается бура. Горы заключаютъ въ себѣ каменную соль; селитра изобилуетъ по равнинамъ.

Страну свою сами Тибетцы называютъ Ботъ или Ботба; у Китайцевъ извѣстна она подъ именемъ Цзана

и Си-Цзана (западнаго Цзана); у Монголовъ подъ именемъ Барунъ-талы и Тубота. Барунъ-тала значитъ западный край, а Туботъ вѣроятно было прежде частное названіе какого-нибудь племени или округа, впослѣдствіи жъ послужило основою Европейскому наименованію всего Тибета вообще.

Тибетъ раздѣляется на четыре области: Нгари, или Нёри, на западѣ, Цзанъ, Юй (Уэй) и Камъ, или Кхамъ.

Мало Европейскихъ путешественниковъ посѣщало Тибетъ: миссіонеры Римской церкви и потомъ Англичане проникали туда въ разныя времена; въ наше время Венгерецъ, Г. Кёрёшъ, пылая истиннымъ рвеніемъ къ наукѣ, заперся на нѣсколько лѣтъ въ одинъ изъ тамошнихъ монастырей для изученія языка и литературы того края. Пріѣхавъ потомъ въ Калькутту, онъ издалъ грамматику и словарь Тибетскаго нарѣчія.

Нгари соотвѣтствуетъ тому, что долго означали именами Балти и Малаго Тибета. Отецъ Андрада былъ тамъ въ 1625, Муркрофтъ въ 1812 году. Оба поднялись на хребетъ Гималайскій немного на востокъ отъ верховьевъ Ганга, оба на пути между этихъ снѣжныхъ громадъ были поражены величіемъ зрѣлища, являвшагося ихъ взорамъ. Отецъ Андрада имѣлъ въ виду одну цѣль, — распространеніе Слова Божія среди невѣрныхъ. Муркрофтъ хотѣлъ узнать физическое состояніе края. Первый округъ, куда онъ пріѣхалъ, былъ Ундесъ или Урнадесса. Тамъ водятся козы, доставляющія драгоцѣнный пухъ для шалей,

который называютъ *тузъ*. Гертокъ или Гортопъ, главный окружный городъ, лежитъ на высокой и холодной равнинѣ, покрытой безчисленными стадами козъ, овецъ и яковъ. Муркрофтъ полагаетъ, что онъ видѣлъ ихъ до 40,000 головъ; число лошадей было относительно малозначаще. Гертокъ не что иное, какъ собраніе юртъ изъ чернаго войлока и грубой ткани. Надъ каждою развѣвались шелковые и суконные флюгера разныхъ цвѣтовъ.

Вотъ что пишетъ Муркрофтъ 20 іюля 1812 года. «Пастухи начинаютъ теперь стричь козъ и овецъ. Купцы изъ различныхъ мѣстъ Гиндустана закупаютъ овечью шерсть, изъ которой ткутъ узкія сукна и одѣяла; а пухъ для выдѣлки шалей собираютъ вездѣ Ладахцы: хотя козы, дающія этотъ дорогой пухъ, водятся и въ ихъ собственномъ краѣ, но его у нихъ слишкомъ недостаточно для снабженія Кашмирскаго рынка; да и климатъ ихъ равнинъ не такъ холоденъ, какъ далѣе къ востоку, гдѣ горы выше и остаются долѣе въ снѣгу. На нѣкоторыхъ онъ даже и совсѣмъ не таетъ.»

Прибывъ, черезъ нѣсколько дней, въ Майсаръ, на берегахъ Манасъ-саровара, Муркрофтъ, 31 іюля, имѣлъ случай видѣть ледъ образовавшійся наканунѣ ночью; онъ нашелъ его въ четверть дюйма толщиной. Измѣненія температуры такъ часты и внезапны, что жители ходятъ обыкновенно въ четырехъ или пяти платьяхъ. Заботливая природа предохранила млекопитающихъ отъ неудобствъ столь суровой и непостоянной погоды, надѣливъ ихъ шерстью щедрѣе,

нежели гдѣ-нибудь. Волна на овцахъ густа и косматa; у козьей породы длинные волосы снабжены въ корню чрезвычайно тонкимъ пушкомъ; у коровъ есть также пуховый подшерстокъ; заячій волосъ отмѣнно длиненъ и густъ; даже на собакѣ есть пушь, кромѣ той обыкновенной шерсти, какою одѣта она и въ нашихъ климатахъ.

Ладахцы овладѣли повидимому монополіею туза. Они перепродаютъ большую часть его на чистыя деньги въ Кашмиръ; тамошніе жители кажется не имѣютъ возможности покупать его въ Ундесѣ сами; остальное количество берутъ Пенджабскіе купцы. Деба, или начальникъ другаго здѣшняго города, Дабы, расказывалъ Муркрофту, что многочисленные Русскіе караваны приходили черезъ Яркянь въ Гортопъ и навезли туда коральковыхъ ожерельевъ, кожи и шерстяныхъ тканей.

Лехъ или Ладакъ управляется раджею, платящимъ дань далай-ламѣ. Этотъ городъ, лежащій близъ береговъ Инда, выстроенъ изъ камня и кирпича, и наполненъ домами въ три и четыре яруса. Ежегодно 800 конскихъ вьюковъ съ тузомъ отправляются отсюда въ Кашмиръ.

Торговый путь между Ладакомъ и Яркянью весьма многотруденъ, хотя и часто посѣщается. Путешественникъ, выѣхавшій изъ Ладака въ мартѣ, прибылъ въ Яркянь не ранѣе шестидесяти дней, тогда какъ можно было бы достигнуть ея въ двадцать восемь; но одинъ переходъ чрезъ невысокія Кара-корамскія

горы отнялъ у него цѣлую недѣлю. Сѣверный вѣтеръ дулъ съ такою силою и поднялъ такую страшную мятель, что караванъ въ теченіе нѣсколькихъ дней почти не двигался съ мѣста. Не смотря на свою относительно малую возвышенность, хребетъ Каракорамъ, лежащій только на восемь дней пути отъ Ладака, долженъ быть въ значительной высотѣ надъ морскимъ уровнемъ, потому что при переѣздѣ его путешественникъ чувствуетъ одышку, тошноту, головокруженіе и потерю аппетита. Чай почитаютъ вѣрнымъ способомъ противъ всѣхъ этихъ неудобствъ. Когда выюга затихла, путешественники могли продолжать свое странствіе, но на бѣду у нихъ пало восемь лошадей; да и всему каравану вскорѣ пришлось бы погибнуть: вьючный скотъ выѣлъ всю солому изъ сѣделъ и подушекъ, прежде чѣмъ успѣли достигнуть обитаемыхъ земель, начинавшихся въ семнадцати дняхъ пути отъ Ладака. Тутъ нашли нѣсколько избъ, гдѣ живутъ Уаханцы; путешественники взяли у нихъ съѣстныхъ припасовъ для себя и для лошадей своихъ. На семнадцатый день прибыли они въ тѣснину Енги-дабейянъ, около шести миль длиною; она была покрыта льдомъ, и надлежало вырубить въ немъ лѣстницу для проложенія дороги; на возвратномъ пути къ Ладаку, въ іюнѣ мѣсяцѣ, ледъ уже исчезъ. На югъ отъ Кара-корама всѣ воды текутъ къ Инду, на сѣверѣ — въ рѣку Яркянь. За Хиластанскимъ ущельемъ дорога свободна отъ всѣхъ препятствій. Бо́льшая часть здѣшняго края посѣщается одними Киргизами, которые пасутъ въ немъ стада; дикихъ лошадей множество; о разбояхъ не слышно.

Въ Нгари добываютъ золото; Муркрофтъ видѣлъ пригорки съ рудами этого металла. Другіе Тибетскіе округи обладаютъ подобнымъ богатствомъ.

Цзанъ, къ западу отъ Нгари, пересѣкается отъ востока къ западу рѣкою Цзань-бо. Неподалеку на югъ отъ праваго ея берега лежитъ Сикацзе, или Жигацзе, областной городъ, съ укрѣпленіемъ; онъ на гребнѣ скалы и господствуетъ надъ горною тѣсниной.

Немного далѣе на западъ находится Таши-люибо или Лябрунь, обычное мѣстопребываніе банчинь-римбоци. Это, собственно говоря, обширнѣйшій монастырь, содержащій въ себѣ около четырехъ сотъ зданій, занимаемыхъ гелунями и выстроенныхъ изъ камня въ горной пади, отверзтой на югъ. Каждое изъ нихъ по-крайней-мѣрѣ въ два яруса; плоскія крыши снабжены насыпью изъ земли и хворосту; нижніе края ихъ выдаются наружу и образуютъ карнизъ одѣтый камнемъ и покрытый темною краской, что употребительно здѣсь вообще для отличія храмовыхъ зданій; краска эта, рѣзко оттѣняясь на бѣлыхъ стѣнахъ, производитъ весьма пріятное впечатлѣніе.

Въ здѣшней обители есть нѣсколько храмовъ, мавзолеевъ, и кромѣ того дворецъ банчинь-римбоци или банчинь-эрдени, занимаемый всѣми духовными и свѣтскими сановниками, которые состоятъ при его особѣ. Въ сѣверовосточномъ концѣ монастыря возвышается палата главнаго ламы (Л. XVI—2). Всѣ домы съ окнами, изъ коихъ самое большое посреди фасада и образуетъ довольно выпуклый балконъ; они закрываются не ставнями и не рамами, а занавѣсами изъ

черной объяри. Главные покои во второмъ ярусѣ; сверху подъемная дверь, отворяемая и затворяемая по произволенію, впускаетъ свѣтъ и воздухъ, когда это нужно.

На мощеномъ дворѣ, окруженномъ съ трехъ сторонъ перистилемъ съ колоннами, вызолоченными по красному грунту, возвышается мавзолей банчиня-эрдени, который, бывъ вызванъ въ Пекинъ богдоханомъ, *перемѣнилъ мѣсто жительства*, то есть, умеръ тамъ въ 1780 году. Надъ входомъ въ мавзолей, окруженный перилами, видѣнъ трофей, довольно схожій съ налатникомъ. Изваянія эти, равно какъ и другія, покрыты богатою позолотой. Двери, крашенныя киноварью съ позолотой, отворяясь обнаруживаютъ великолѣпную пирамиду, обитую листовымъ серебромъ; уступы, образуемые ею при постепенномъ возвышеніи, служатъ хранилищемъ для разныхъ рѣдкихъ и дорогихъ предметовъ, поднесенныхъ ламѣ вѣрующими во время его жизни: тутъ есть табакерки и другія галантерейныя вещи, серебряныя вазы, богатые фарфоры, большія Японскія вазы прекраснаго голубаго цвѣта, огромные куски лазурика, бурханы и музыкальныя орудія.

Съ каждой стороны подвѣшены къ потолку атласы и другія шелковыя ткани. У самой пирамиды видите два куска чернаго бархату, шитаго жемчугомъ въ рѣшетку, съ жемчужною каймою въ одинъ рядъ. Куски прекрасной Англійской и узорчатой Бенаресской парчи дополняютъ это великолѣпное собраніе дорогихъ тканей. На стѣнахъ сверху до низу написаны молящіеся ламы.

У подножія пирамиды покоится тѣло банчиня-эрдени въ гробѣ изъ литаго золота, сдѣланномъ въ Пекинѣ по приказанію императора Цянъ-Луня. Золотая статуя первосвященника помѣщена на верху пирамиды. Онъ представленъ сидящимъ на подушкахъ въ глубокомъ, набожномъ размышленіи; ноги его скрещены такимъ образомъ, что подъемъ опирается на лядвею, а подошва вывернута наружу. Верхъ правой кисти также упертъ въ лядвею, а большой палецъ пригнутъ къ ладони. Лѣвая рука изгибомъ у самаго туловища, кисть отверста, и большой палецъ, образуя съ другими прямой уголъ, касается вершины плеча. Такое положеніе, обычное ламамъ, постоянно изображается въ кумирахъ Будды. Глаза, опущенные внизъ и полузакрытые, показываютъ не только пресѣченіе всѣхъ дѣйствій тѣлесныхъ, но и отчужденіе внѣшнему міру душевныхъ способностей, вполнѣ поглощенныхъ созерцаніемъ.

Ликъ ламы поставленъ подъ огромною раковиной; струи ея покрыты одна краснымъ, другая бѣлымъ, а загнутые края образуютъ балдахинъ. По оконечностямъ развѣшены симметрически и со вкусомъ четки, служившія первосвященнику и, по большой части, весьма дорогія. Нѣкоторыя изъ нихъ жемчужныя, изумрудныя, рубиновыя, сапфирныя, коралловыя, янтарныя, кристалловыя, лазуриковыя, другія просто изъ косточекъ канны.

Направо отъ пирамиды, другая статуя банчиня-эрдени, во весь ростъ, изъ литаго серебра; онъ сидитъ въ креслахъ подъ шелковымъ балдахиномъ, отверстая книга передъ нимъ.

Противъ пирамиды, жертвенникъ, покрытый синимъ сукномъ, уставленъ негасимыми лампадами, благовонными свѣчами, курильницами съ ладаномъ, и ежедневными приношеніями, состоящими изъ цвѣтовъ, плодовъ, сѣмянъ и разнаго масла.

На помостѣ сложены книги, касающіяся религіи. Вѣрующіе, допускаемые въ святилище, съ глубокимъ смиреніемъ кладутъ передъ гробомъ ламы по девяти земныхъ поклоновъ. На паперти всегда стоятъ ламы, которые посмѣнно приходятъ туда молиться, и смотрятъ, чтобъ не угасъ священный огонь.

Раковина, покрывающая пирамиду, чрезвычайно велика, и, въ нѣкоторомъ разстояніи, производитъ прекрасный эффектъ. Она утверждена въ ребрѣ большаго утеса и возвышается надъ большею частью монастыря, такъ что ее видно весьма издалека. Внѣшняя часть мавзолея изъ простаго тесанаго камня; зданіе это, болѣе простирающееся въ ширину чѣмъ въ глубину, чрезвычайно высоко; стѣны убываютъ въ толщинѣ по мѣрѣ подъема, что придаетъ имъ ощутительную косвенность. Въ срединѣ зданія надъ портикомъ есть окно, съ занавѣсами изъ черной объяри. Поверхность стѣнъ представляетъ золотыя изображенія солнца и луны въ ея различныхъ видоизмѣненіяхъ; темноцвѣтная кайма обвиваетъ весь мавзолей пониже окошка; надъ нею доска съ надписью золотыми буквами—Ом-мани-пад-ме-хумъ. Выше идетъ пробѣлъ, а надъ нимъ вся остальная часть фасада, футовъ двѣнадцать въ вышину, покрыта краснымъ, фризъ и карнизъ бѣлымъ.

Блистательнѣйшая и самая видная часть памятника— великолѣпно вызолоченный куполъ, возвышающійся надъ внутреннею пирамидой. Онъ поддерживается легкими колоннами; края его изящно приподняты; верхъ украшенъ бронзовыми драконами; вокругъ развѣшено множество колокольчиковъ, которые, вмѣстѣ съ другими, унизывающими всѣ выступы зданія, громко звенятъ, колышимые вѣтромъ (Л. XVII — 1).

Этими подробностями обязаны мы Самуилу Тёрнеру (Turner), офицеру Англійской пѣхоты, посланному въ 1783 году Остъ-Индскимъ генералъ-губернаторомъ для поздравленія банчинь-римбоци съ возрожденіемъ его въ тѣлѣ малаго ребенка. 17 Сентября онъ прибылъ въ Таши-люнбо, получивъ пропускъ въ Тибетъ только съ тѣмъ условіемъ, что при немъ будетъ не болѣе одного изъ его соотечественниковъ. Ему бы весьма хотѣлось быть при обрядѣ торжественнаго посвященія ново-возрожденнаго, — по этому случаю явился въ Таши-люнбо самъ далай-лама,—но надобно было ограничить любопытство тѣмъ, что разсказали ему потомъ сопутники его, буддисты. Вѣроятно, повѣренные Китайскаго императора, долженствовавшіе быть свидѣтелями величественнаго обряда, сочли бы допускъ Европейцевъ неприличнымъ въ этомъ случаѣ.

Тёрнера помѣстили въ прекрасномъ отдѣленіи монастырскихъ покоевъ; онъ обозрѣвалъ окрестности и посѣтилъ Жигацзе. Равнина Таши-люнбская совершенно плоска и окружена каменистыми горами; она простирается отъ сѣвера къ югу на пятнадцать миль въ длину; южный конецъ ея около шести миль шириною, а сѣверный у́же. Здѣсь-то находится монастырь,

занимающій ее во всю глубину, такъ что между имъ и горами, лежащими къ востоку, остается одна тѣснина, чрезъ которую течетъ рѣка Пайпомчіэу, далѣе впадающая въ Цзаньбо.

Крутизна горъ, облегающихъ Таши-люнбо, истинно чрезмѣрна; онѣ стоятъ почти на отвѣсъ; каменная порода цвѣтомъ какъ ржавое желѣзо. Она истрескалась отъ страшныхъ холодовъ, и вѣтры часто отдѣляютъ отъ нея куски, которые, скопляясь у подошвы, образуютъ родъ довольно гладкой насыпи. Горы показались Тёрнеру вовсе лишенными зелени, что впрочемъ онъ приписываетъ времени года.

Съ октября мѣсяца по майй, вихри часто вздымаютъ въ здѣшнихъ узкихъ долинахъ огромные столбы пыли, которые, достигнувъ вершины горъ, разсѣваются въ воздухѣ. Одно это возмущаетъ чистоту атмосферы; обыкновенно ни малѣйшее облако не наводитъ тѣни на небосклонъ.

Утесъ Таши-люнбо самый высокій изъ всѣхъ въ окрестности; мѣстами, гдѣ наиболѣе благопріятствуетъ положеніе, Тёрнеръ замѣчалъ остатокъ зеленѣющей травы; нѣсколько сернъ прыгало въ рѣдкомъ кустарникѣ.

«Я пытался взойдти на верхъ утеса, но, поднявшись, увидѣлъ себя обманутымъ въ ожиданіи. Со всѣхъ сторонъ представлялись узкія, безплодныя ложбины, и выси совершенно нагія; жестокій холодъ убѣдилъ меня самымъ ощутительнымъ образомъ, что это необитаемая пустыня. Быть-можетъ, въ другое время года, я нашелъ бы что-нибудь лучшее; но тогда весь Тибетъ отзывался наступленіемъ зимы: деревья стоя-

ли безъ листьевъ, высокія горы одѣты были снѣгомъ, вся природа являла видъ грустнаго омертвенія.

«Съ вершины Таши-лонбскаго утеса, взору широкій разгулъ по другимъ горамъ. Хотя я зналъ навѣрное, что тутъ есть значительныя селенія и много народу, однако не могъ открыть ни малѣйшаго признака обитаемости. Кто водворяется на покатостяхъ здѣшнихъ горъ, тотъ избираетъ самыя благопріятныя и наилучше укрытыя полосы.»

Обративъ глаза на сѣверъ, Тёрнеръ съ наслажденіемъ разсматривалъ рѣку Цзаньбо, текущую широкимъ русломъ. Всюду, гдѣ неровность грунта препятствуетъ ея бѣгу, она отверзла себѣ по нѣскольку протоковъ и образовала множество островов. Путешественника увѣряли на мѣстѣ, что главное русло ея довольно узко, но что ни въ какую пору нельзя перейдти его въ бродъ.

Правитель, принявшій Тёрнера, весьма дружески, долженъ былъ отлучиться на мѣсяцъ. Возвратившись, онъ опять далъ аудіенцію Англійскому путешественнику. «Онъ говорилъ со мною очень ласково, продолжаетъ послѣдній, о легкомъ болѣзненномъ припадкѣ, который меня постигъ; изъ рѣчей его было видно, что онъ зналъ подробно обо всемъ, что происходило здѣсь въ его отсутствіе. Онъ изъявилъ удовольствіе свое насчетъ скорости моего выздоровленія; потомъ расказывалъ, какъ холодно было въ округахъ, откуда онъ пріѣхалъ: несмотря на привычность свою къ климату, онъ долженъ былъ одѣваться теплѣе обыкновеннаго.»

БИБЛІОТЕКА
П. Е. и В. Н. РОГОЖИНЫХЪ.

30 Ноября, Тёрнеръ имѣлъ у него отпускную аудіенцію и получилъ депеши къ Остъ-Индскому генералъ-губернатору. 2 Декабря, онъ пустился обратно въ Бенгалъ. До выхода изъ дворца онъ долженъ былъ, слѣдуя обычаю, навязать по бѣлому атласному кушаку на капители каждой изъ четырехъ колоннъ въ своей комнатѣ; Тёрнеръ не знаетъ основанія такого обряда, но онъ показался ему трогательнымъ, какъ изъявленіе благодарности или знакъ воспоминанія.

Тёрнеръ прибылъ 3 числа въ Терпалиньскій монастырь, построенный вновь для молодаго ламы, который долженствовалъ жить въ немъ до тѣхъ лѣтъ, когда ему можно будетъ принять бразды правленія въ Таши-люнбо. Путешественникъ былъ на другой же день представленъ возрожденному первосвященнику. Послѣдній сидѣлъ на грудѣ подушекъ, покрытой шитымъ шелковымъ ковромъ; по бокамъ висѣли разноцвѣтныя ткани. Тронъ помѣщался въ нѣкоторомъ родѣ альковы, окруженной горящими свѣчами; родители первосвященника стояли влѣво, а по правую руку лама, назначенный служить ему.

Тёрнеръ поднесъ ему дасакъ и ожерелье изъ жемчуга и коралловъ; юный первосвященникъ принялъ ихъ собственною рукой, остальные подарки были сложены къ ногамъ его. Тёрнеръ съ товарищемъ получили дозволеніе сѣсть по правую руку трона; имъ подали чай. Многіе входили и падали ницъ передъ банчинь-римбоци, который казался довольнымъ такою почестью. Онъ почти не сводилъ глазъ съ обоихъ Англичанъ; на лицѣ его выразилось неудовольствіе, когда вторично подали имъ чай не довольно скоро;

онъ взялъ золотую чашу съ конфектами и, вынявъ изъ нея два куска леденцу, послалъ имъ съ двумя чиновниками.

Тёрнеръ произнесъ рѣчь предъ молодымъ банчинемъ для изъявленія радости, какую возрожденіе его причинило генералъ-губернатору; въ заключеніе онъ присовокупилъ просьбу о продолженіи милостей его къ Англичанамъ. Перерожденный, которому было не болѣе полутора года, былъ не въ состояніи отвѣчать; «но, покамѣстъ я говорилъ, прибавляетъ путешественникъ, онъ смотрѣлъ на меня внимательно, и нѣсколько разъ кивалъ головою какъ бы въ знакъ того, что понимаетъ и одобряетъ слова мои; покойный и молчаливый, онъ держалъ себя съ удивительнымъ приличіемъ и достоинствомъ; всѣ тѣлодвиженія его обнаруживали необыкновенную смышленость. Лице было у него смугловатаго, но живаго цвѣта; черты правильныя, глаза черные, физіономія счастливая; словомъ, это былъ прекрасный ребенокъ.

«Мать и отецъ смотрѣли на него съ нѣжнѣйшимъ участіемъ и казались въ восхищеніи отъ его поступковъ; мать, женщина лѣтъ двадцати пяти, мала ростомъ, но не дурна собой, несмотря на Монгольскій обликъ и на то, что она смуглѣе сына. Едва можно было разсмотрѣть ея волосы: до такой степени закрывались они жемчугомъ, рубинами, изумрудами, коралломъ; серги ея были жемчужныя пополамъ съ золотомъ и рубинами. Коралловыя, рубиновыя, лазуриковыя и янтарныя ожерелья спускались въ нѣсколько рядовъ до самаго пояса, застегнутаго золотою пряжкою съ огромнымъ рубиномъ. Шаль гранатнаго цвѣ-

та съ бѣлыми звѣздами дополняла нарядъ ея. Платье доходило у ней не ниже колѣнъ; на ногахъ были красные сафьянные сапожки. Отецъ юнаго банчиня былъ въ кафтанѣ изъ желтаго атласа съ золотомъ и изображеніемъ богдоханскаго дракона.»

На послѣдней аудіенціи, Тёрнеръ получилъ грамоты отъ первосвященника, а родители его вручили послу два куска атласу для Остъ-Индскаго генералъ-губернатора и подарили самому Тёрнеру фуфайку на овчинѣ.

Буддисты приходили толпами на поклоненіе къ банчиню-римбоци, но допускались къ нему весьма немногіе; они почитали себя счастливыми, только увидѣвъ его въ окно или успѣвъ положить предъ нимъ земной поклонъ до уноса его изъ пріемной. Въ числѣ вѣрующихъ, на площади передъ дворцемъ, были и Калмыки; они стояли безъ шапокъ, поднявъ сложенныя руки до лица и устремивъ глаза на чертоги ламы съ видомъ примѣтнаго безпокойства. Наконецъ имъ показали банчиня,—такъ по-крайней-мѣрѣ полагаетъ раскащикъ, ибо они подняли сжатыя руки выше головы, понизили ихъ опять къ лицу и потомъ опустили къ груди; наконецъ распростерши ихъ, они пали на колѣна и били лбомъ обземь, повторяя это сряду девять разъ. Напослѣдокъ они выступили впередъ для поднесенія подарковъ, состоявшихъ изъ нѣсколька слитковъ золота и серебра и разныхъ произведеній ихъ края. Все это было передано придворному чиновнику, и Калмыки отправились домой съ знаками живѣйшаго удовольствія. Тёрнеру сказывали послѣ, что приношенія даровъ часто повторяются и

составляютъ одинъ изъ главныхъ источниковъ богатства Тибетскихъ ламъ.

Юй, или Уэй, находится къ востоку отъ Цзана; въ этой области главный городъ Хласса, столица всего Тибета; рѣка Цзанъ-ціу, омывающая Хлассу, впадаетъ въ Цзаньбо, миль на пятнадцать далѣе къ югозападу. На Марбори, одной изъ вершинъ горы Будала, къ западу отъ Хлассы, возвышается дворецъ или, точнѣе, монастырь, гдѣ далай-лама имѣетъ свое пребываніе. Зданіе это красное; крыша увѣнчана золоченымъ куполомъ со множествомъ шпицовъ, обитыхъ листовымъ золотомъ и серебромъ. Храмъ или главное строеніе дворца въ 367 футовъ вышиною. Въ чертогахъ считается до 10,000 комнатъ, украшенныхъ множествомъ идоловъ изъ драгоцѣннаго металла. Хласса опоясывалась прежде стѣною; она разрушена въ 1722 году и замѣнена плотиной дикаго камня, которая отъ подножія горы Лань-лу простирается до Цзягъ-ри-бидуня и имѣетъ около трехъ миль въ длину. Она окружаетъ Будалу и защищаетъ ее отъ сильнаго напора рѣки Цзанъ-ціу, почему Тибетцы называютъ ее священною плотиною. Въ первый мѣсяцъ новаго года, ламы сходятся со всѣхъ сторонъ для торжествованія праздниковъ въ Хлассей-ціо-канѣ; они носятъ камни на плотину, набрасываютъ земли и мостятъ ее; правительству остается только поддерживать ихъ работу.

«Свѣтлыя воды рѣки, говоритъ одинъ Китайскій географъ, отличаются здѣсь блестящимъ изумруднымъ цвѣтомъ, то раздробляясь въ брызги летучею радугой, то крутя огромные камни, вымываемые волнами изъ илова-

тыхъ береговъ. Въ рѣкѣ много мелкихъ камешковъ, продаваемыхъ на украшенія.

«Въ пяти миляхъ къ востоку отъ Будалы, возвышается капище Хлассей-ціо-канъ, блистающее золотомъ и разноцвѣтными камнями; рядомъ стоитъ другой великолѣпный храмъ; отъ него въ семи миляхъ къ сѣверу находится городъ Таши, занятый Китайскимъ гарнизономъ. Сера, Бгребунъ или Бебунъ, Самье и Голданъ (Гантень) всѣ — обширные монастыри, вблизи удивляющіе совершенствомъ отдѣлки, изъ дали чарующіе красотой; но сады Цзун-кіо (Цзун-цзіо), Кацзи (Кацзиравы) и Шусьіогана превосходятъ все прочее и лежатъ неподалеку одинъ отъ другаго. Здѣсь отдыхаетъ далай-лама, пользуясь досужнымъ мгновеніемъ. Весною, эти сады осѣнены персиковыми деревьями зимою — и кипарисами кедромъ. Лучезарные дворцы ни въ чемъ не уступаютъ чертогамъ Срединнаго края (то есть, Китая), и по истинѣ можно сказать, что это—царство радости на западѣ.»

Чертежъ Хлассы (Л. XV-1) представляетъ всѣ ея достопамятности; онъ сдѣланъ въ маломъ размѣрѣ по подлинному рисунку, снятому въ Тибетѣ.

Хласса—средоточіе важныхъ торговыхъ дѣлъ; купцы Китайскіе, Гиндустанскіе, Непальскіе, Кашмирскіе, Бухарскіе и Бутанскіе съѣзжаются сюда толпами; базаръ обширенъ и богатъ товарами; тамъ найдете туземный сырецъ, тонкую шерсть, болѣе или менѣе тонкія шерстяныя ткани, курительныя палочки полотно и шелковыя издѣлія, драгоцѣнные камни, выхухоль, буру, сѣмяна и плоды.

Камъ, четвертая область Тибетская, на востокъ отъ Юя и Цзана, загромождена горами, отчасти покрытыми вѣчнымъ снѣгомъ, и изрыта глубокими долинами, гдѣ бѣгутъ нѣсколько рѣкъ; направляя теченіе далѣе къ югу, онѣ орошаютъ другія земли. Зима здѣсь очень сурова и продолжительна; когда по волѣ богдохана банчинь-римбоци отправился, въ 1780 году, изъ Тибета въ Пекинъ, снѣгъ, наполнявшій долины, задержалъ его болѣе четырехъ мѣсяцевъ.

Однако-же изъ числа этихъ долинъ есть мѣстами и плодоносныя; въ самыхъ глухихъ округахъ ростетъ множество ревеню. Нѣкоторые изъ здѣшнихъ городовъ были присоединены къ собственному Китаю.

Китайцы прозвали общимъ именемъ Мяо-це разныя племена, обитающія въ этомъ гористомъ краѣ; большая часть изъ нихъ, по свидѣтельству миссіонеровъ, разнятся другъ отъ друга только нѣкоторыми обычаями и небольшой отмѣною въ языкѣ. Клапротъ полагаетъ однако, что наименованіе Мяо прилично только части горцевъ, живущихъ на западномъ рубежѣ Китая; другіе, по мнѣнію его, суть Фаны, или настоящіе Тибетцы, а горные жители южныхъ областей приближаются нарѣчіемъ къ народамъ странъ сопредѣльныхъ.

Нѣкоторые писатели почитали Мяо-це западныхъ областей принадлежащими отчасти къ одной семьѣ съ древними Китайцами. Они обвертываютъ голову лоскутомъ полотна и носятъ только родъ фуфайки, да порты (Л. XVII — 3). Нѣкоторые изъ этихъ Мяо-це покорились Китайскому императору; одни признавали

власть Китайскихъ мандариновъ, другіе повиновались своимъ наслѣдственнымъ князьямъ.

Прочіе Мяо-це сохранили первобытную независимость; Китайцы, которые, подъ видомъ презрѣнія, скрывали дѣйствительно боязнь, выстроили крѣпости на рубежѣ округовъ, обитаемыхъ этими горцами, иногда спускавшимися въ равнину для мѣноваго торга. Мяо держатъ много коровъ, овецъ и свиней, и занимаются землепашествомъ; выдѣлываютъ шелковые ковры гладкіе и въ малую клѣтку; приготовляютъ также родъ ковровъ изъ пеньки; но главная статья торговли ихъ заключается въ лѣсѣ, мѣняемомъ на скотъ и особенно на буйволовъ, которыхъ кожу употребляютъ они для выдѣлки кирасъ, обивая ихъ для прочности желѣзными и мѣдными бляшками. Они дорожатъ славою лихихъ всадниковъ, и лошади ихъ, покупаемыя очень дорого, извѣстны своею быстротой.

У Мяо-це постоянно были вооруженныя войска, и начальники ихъ часто дрались между собой; но всегда соединялись для вторженія въ Китайскую имперію. Эти непріязненные набѣги вызывались иногда притѣсненіями со стороны начальства Китайскихъ гарнизоновъ, которое, наскучивъ бездѣйствіемъ, искало средствъ къ отличію въ войнѣ. Оно жаловалось на опустошенія, производимыя Горцами, и описывало грабежи ихъ высшимъ мандаринамъ въ преувеличенномъ видѣ.

Въ 1775 году, предводители Мяо-це получили приказъ прекратить свои набѣги и положить оружіе; не думая повиноваться, они напротивъ составили союзъ и возобновили свои разбои въ надеждѣ, что, охраняя нѣсколько ущельевъ, они останутся неодолимыми въ

горахъ. Всѣ дѣланныя имъ увѣщанія были напрасны; они рвали письма императорскія. Выслали на нихъ войско; но безплодность и крутизна утесовъ, гдѣ они жили, замедляла и затрудняла дѣйствія; храбро сражались Мяо-це; женщины взяли оружіе; успѣхъ долго колебался; наконецъ Китайскій генералъ, стѣснивъ главнаго начальника въ его столицѣ, предложилъ ему сдаться, увѣряя его, что подъ такимъ условіемъ онъ получитъ прощеніе и будетъ по-прежнему управлять своимъ народомъ, но въ другомъ мѣстѣ. Предложенія эти были отринуты; черезъ три недѣли Китайцы овладѣли городомъ; начальникъ Мяо-це, отправленный въ Пекинъ вмѣстѣ съ семьей и частію главнѣйшихъ сообщниковъ, былъ приговоренъ съ многими изъ нихъ къ смертной казни.

Однако-жъ Мяо-це не были уничтожены, какъ извѣщала императорская Пекинская газета. Въ 1832 году они снова возстали, и мятежъ мало по малу распространился въ горахъ до Ліу-чеу, города, лежащаго въ хребтѣ Нан-линь, къ сѣверозападу отъ Кантона. Предводитель бунтощиковъ принялъ прозвище Золотаго Дракона и желтую одежду, отличія богдоханскія. Мятежники объявляли, что ведутъ войну съ однимъ правительствомъ; они имѣли успѣхъ и разбили посланные на нихъ полки; въ другихъ мѣстахъ сами претерпѣли пораженія и значительный уронъ въ людяхъ; нѣкоторые начальники ихъ попали въ плѣнъ. Пекинскій дворъ воспользовался обстоятельствами; онъ распространилъ слухъ, что многочисленныя войска готовы напасть на Мяо-це, а императорскіе коммиссары предлагали имъ между тѣмъ прекратить

враждебныя дѣйствія на условіяхъ довольно сносныхъ. Положено, имъ остаться въ горахъ, а Китайцамъ не тревожить ихъ предѣловъ; такъ и понынѣ живутъ они въ независимости.

Нѣкоторые миссіонеры Римской церкви, каковы Груберъ и д'Орвиль въ 1661 году, Дезидери и Фрейре въ 1715, Горацій де Пеннавилья (Pennabilla) въ 1719 и 1742, достигали Хлассы совершенно различными путями; описанія ихъ содержатъ въ себѣ любопытныя извѣстія объ этомъ городѣ и о Тибетѣ. Отецъ Горацій былъ такъ глубоко убѣжденъ въ дѣйствительности своей проповѣди, что въ одномъ изъ писемъ къ Папѣ похваляется почти совершеннымъ обращеніемъ короля и далай ламы въ христіанскую вѣру. Конечно, добрый капуцинъ имѣлъ слабость часто судить ошибочно. Англичане многократно старались водвориться въ Тибетѣ; донынѣ попытки ихъ оставались тщетными. Въ 1828 году, я видѣлъ у покойнаго Абель-Ремюза, въ Парижѣ, Англичанина, г. Томаса Мяннинга, который хорошо говорилъ по Китайски и находился при посольствѣ лорда Амгерста въ 1816 году. Г. Мяннингъ, бывъ потомъ Бенгалѣ, вздумалъ посмотрѣть Тибетскую область; онъ переѣхалъ горы и достигъ Хлассы. Послѣ четырехъмѣсячнаго пребыванія его въ столицѣ, мѣстныя начальства получили изъ Пекина приказъ немедленно выслать Англичанина, который никогда не получалъ дозволенія проживать у нихъ въ городѣ.

Г. Мяннингъ, въ бесѣдахъ съ Абель-Ремюза, Клапротомъ и со мною, сообщилъ намъ касательно Тибета много любопытныхъ подробностей, которыя во-

обще подтверждали или исправляли то, что намъ было уже извѣстно. Г. Мяннингъ имѣлъ честь неоднократно приближаться къ особѣ далай-ламы; онъ описывалъ его человѣкомъ весьма нѣжнаго сложенія, кроткаго нравомъ и въ обхожденіи. Къ сожалѣнію Англичанинъ этотъ былъ беззаботенъ до того, что и не думалъ записывать наблюденій своихъ въ такомъ краѣ, о которомъ еще все можетъ быть для насъ ново.

Населеніе Тибета простираеття до 7,000,000, и состоитъ изъ двухъ отдѣльныхъ породъ. *Хозы* или *Согбу*, на сѣверѣ и сѣверозападѣ, походятъ на Монголовъ,—прозвище Согбу, означающее *кочевые*, дано имъ потому, что они бродятъ съ стадами между горъ; *Богды*, занимающіе остальную часть края и гораздо многочисленнѣйшіе, напоминаютъ чертами своими Цзынгаровъ, или Цыганъ, почитаемыхъ урожденцами сѣвернаго Гиндустана. Г. Мяннингъ увѣрялъ насъ, что есть большое сходство между Тибетскимъ обликомъ и Жидовскимъ.

У Тибетцевъ свой собственный языкъ и своя грамота; буквы пишутся отъ лѣвой руки къ правой; языкъ дѣлится на нѣсколько нарѣчій. Санскритскій употребляется для всякаго рода заклинаній и литаній; это богослужебный языкъ всего ламства. Тибетскіе ламы прилежно учатся священному слову, которымъ само ихъ божество удостоило вѣщать роду человѣческому. Литература здѣшняго края есть литература буддизма вообще: буддійское богословіе служитъ ей основой; содержаніе ея многорѣчивые трактаты по части нравоученія, метафизики и космологіи, ро-

маны историческіе и миѳологическіе, служебники и молитвы; сверхъ-того многія частныя преданія, народныя легенды и житія знаменитѣйшихъ туземныхъ героевъ и святыхъ. Въ разныхъ мѣстахъ Тибета есть типографіи.

Городовъ здѣсь немного, и тѣ состоятъ вообще изъ соединенія нѣсколькихъ слободъ, строимыхъ около монастырей или храмовъ. Одинъ изъ самыхъ значительныхъ Жига-гунъгаръ, находящійся въ области Юй или Уэй, въ 14 миляхъ къ югозападу отъ Хлассы; жителей въ немъ до 20,000 семей. «Деревни, говоритъ Тёрнеръ, незавидныя; избы худо выстроены, точно печи для обжиганія известки; онѣ только сложены изъ камня безъ всякаго цементу. Для свѣта оставляютъ въ нихъ три или четыре дирки; кровля образуетъ террасу, окруженную поручнемъ въ два или три фута вышины; тутъ ставится или флагъ, или сукъ древесный, или наконецъ шестъ съ веревкою, унизанною лоскутками бумаги или бѣлаго полотна, какъ хвостъ летучаго змѣя. Веревка, протянутая отъ одного дома къ другому, слыветъ лучшею изъ всѣхъ чаръ противъ могущества злыхъ геніевъ.»

Тибетскій народъ можно раздѣлить на два класса: одинъ совершенно посвящаетъ себя дѣламъ небеснымъ, другой занимается мірскими. Тибетцы добры, человѣколюбивы, гостепріимны, весьма умѣренны въ страстяхъ; но, говорятъ, чрезвычайно неопрятны. лѣтнее платье ихъ составляетъ кафтанъ изъ шерстяной матеріи, зимнее—тулупъ овчинный или лисій. Шапки у нихъ на мѣху. Люди, принадлежащіе къ высшему сословію или вообще тѣ, кто побогаче, носятъ

шелковыя платья и самыя дорогіе мѣха. Женщины сверхъ платья съ короткими рукавами надѣваютъ стамедный или шелковый фартукъ; плеча прикрыты у нихъ маленькой шалью; онѣ большія охотницы до перстней, запястьевъ и ожерельевъ. Волосы причесываютъ съ большимъ тщаніемъ; у богатыхъ большія шляпы, нерѣдко украшенныя жемчугомъ. Обыкновенная одежда ламъ длинный подрясникъ, сверху родъ рясы покороче и потомъ еще короткій плащъ, который доходитъ до бедръ, не далѣе. Ламы низшаго разряда не стригутъ волосъ, такъ какъ и міряне (Л. XV—2).

Въ бо́льшей части Азіи, мужчина присвоиваетъ себѣ право имѣть многихъ женъ или наложницъ. Въ Тибетѣ существуетъ обычай, который долженъ казаться намъ еще страннѣе. «Тамъ столь мало уважаютъ союзъ супружеской, что если большой братъ женится, то подъ нимъ два или три брата не женившіеся, но на возрастѣ, вольны пользоваться женою большаго брата, и это не токмо не ставится въ зазоръ, но еще всѣ сосѣди похваляютъ, что одна женщина можетъ угодить тремъ или четыремъ братьямъ. Когда второй и третій братъ женятся, старшій такимъ же образомъ имѣетъ право пользоваться ихъ женами, и никогда не оказываютъ за сіе ни ревности, ни неудовольствія. Безъ сомнѣнія, сіе распутное обыкновеніе подало иностранцамъ поводъ писать, что въ Тибетѣ три или четыре брата берутъ одну жену.» * Тибетцы вообще почтительны къ женщинамъ. Онѣ не только совершенно свободны, но и полныя хозяй-

* Описаніе Тибета. Перев. съ Китайскаго. Стр. 157.

ки у себя въ домѣ. Братья подѣляютъ между собою дѣтей, прижитыхъ съ одной женою.

Тибетцы не лишены способности къ искусствамъ: они высѣкаютъ изъ камня, рѣжутъ изъ дерева и обдѣлываютъ металлы съ утонченностью, примѣчательной въ народѣ, можно-сказать, полудикомъ. Муркрофтъ находитъ много пріятности въ рисункѣ ихъ миѳологическихъ фигуръ; драпировка ихъ, по словамъ его, набросана съ большимъ вкусомъ. Близъ каждаго монастыря есть рабочія, гдѣ дѣлаются статуи Будды и другіе идолы всякаго размѣра. Храмы и частныя жилища украшены множествомъ картинъ.

По Тибетскимъ преданіямъ, край этотъ занимали нѣкогда разныя варварскія племена; около V вѣка нашей эры, одинъ Индѣйскій царевичь или князь перенесъ къ нимъ первыя сѣмена образованности. Семь сотъ лѣтъ спустя, буддійское вѣроученіе довершило эти начатки. Въ послѣдствіи, государи Тибетскіе находились въ дружескихъ сношеніяхъ съ Китайскими, которые иногда выдавали за нихъ княженъ своего двора. Они дѣлали даже завоеванія, но величіе ихъ было кратковременно, и въ XIII вѣкѣ они были вынуждены признать себя вассалами Монголо-Китайской династіи, основанной Хубилаемъ. Для ослабленія ихъ, этотъ ханъ раздѣлилъ верховную власть между далай-ламою и свѣтскими правителями, изъ котырыхъ одинъ принималъ иногда титулъ короля. Безпрерывные внутренніе раздоры наконецъ вынудили императора Кханъ-си торжественно признать далай-ламу главою Тибетскаго государства (1720). Свѣтскіе правители нетерпѣливо сносили его

первенство и частые мятежи ихъ прекратились только въ 1750 году, когда императоръ Цянъ-лунь совсѣмъ уничтожилъ королевское достоинство и посадилъ на мѣсто туземныхъ князей двухъ Китайскихъ правителей, которые рѣшаютъ всѣ дѣла обще съ далай-ламою.

Духовный государь ежегодно отправляетъ въ Пекинъ посольство съ подарками императору и его братьямъ, министрамъ и другимъ придворнымъ вельможамъ. Доходы его оцѣниваютъ въ 8,000,000 унцій серебра.

Число войскъ полагаютъ до 64,000; большая часть состоитъ изъ конницы. Кромѣ этихъ регулярныхъ полковъ есть еще милиція, называемая *ула*; она обязана снабжать вожатыми и носильщиками людей, путешествующихъ на счетъ правительства. Для этой службы, отъ которой не изъемлетъ ни какое уваженіе, берутъ съ каждыхъ пяти или десяти душъ по одному. Солдаты вооружены тесаками или кортиками, ружьями, пиками, лукомъ и щитомъ изъ дерева или тростнику.

Законы чрезвычайно строги и жестоки; но съ тѣхъ поръ, какъ Китайцы занимаютъ Тибетъ, они нѣсколько смягчили суровость уголовнаго уложенія.

Подать взимается натурою. Пени и пошлины со ввоза въ города и посады употребляются на общественные расходы и на поддержаніе храмовъ и ламъ. По ревизіи считается слишкомъ 3,000 храмовъ и болѣе 84,000 ламъ, что вовсе неудивительно, ибо значительная часть дѣтей обоихъ половъ посвящается духовному званію. По замѣчанію одного Китайскаго

писателя, это главная причина скудости населенія въ Тибетѣ.

Обыкновенная пища Тибетцевъ состоитъ въ говядинѣ и баранинѣ, которую вообще ѣдятъ сырую, молокѣ, сырѣ и преимущественно въ *цзаньбѣ*. «Цзаньба есть поджареная мука изъ арнаутки; видомъ очень походитъ на толокно. Берутъ ее въ горсть или въ чашку, подбавляютъ чаю, густо мѣсятъ на подобіе толокнянаго тѣста и ѣдятъ, запивая чаемъ. Я опишу пиръ, видѣнный мною у Тибетцевъ, бывшихъ въ Пекинѣ при посольствѣ въ 1818 году. Въ покоѣ съ четырехъ сторонъ въ квадратѣ поставлены были длинные низкіе столы, и на каждомъ столѣ по кожаному мѣшку, вѣсомъ около полупуда, цзаньбы. За столами на полу постланы тюфяки и войлоки. Гости пришли и, по старшинству, сѣли по-Азіатски, то есть, поджавъ ноги подъ себя. По приходѣ каждаго гостя въ началѣ подносили ему блюдо съ цзаньбою, въ которую воткнуто нѣсколько продолговатыхъ кусочковъ коровьяго масла. Гость беретъ ще потку цзаньбы и бросаетъ, а другую щепоть пріотвѣдываетъ. Когда всѣ собрались, то подали вина, а послѣ вина чай. Пирующіе сидя снями шляпы, прочитали краткую молитву всѣ въ одинъ голосъ и, надѣвъ шляпы, начали пить чай; желающіе ѣли цзаньбу, а послѣ чаю принялись за вино. Далѣе принесли всѣмъ по чашкѣ каши изъ пшена сарацинскаго, приправленной коровьимъ масломъ и сахаромъ. Потомъ еще разъ прочли молитву, начали ѣсть кашу пальцами и принялись за вино. По окончаніи сего, всѣ вышли на дворъ прогуляться, а чрезъ четверть часа

возвратясь, сѣли по прежнему. Тогда принесли сырое мясо, весьма мелко изрубленное и приправленное солью, перцемъ и чеснокомъ, и каждому гостю предложили по чашкѣ. Въ это же время поставили на каждый столъ по нѣскольку блюдъ съ большими кусками мерзлой сырой говядины. Гости, прочитавъ молитву, вынули носимые при себѣ ножи, начали рѣзать говядину пласточками и ѣсть, обмакивая прежде въ помянутый соленый фаршъ; между тѣмъ продолжали пить вино по-прежнему. Послѣ сего еще вышли прогуляться. Возвратясь въ комнату, начали опять пить вино. Вскорѣ принесли ведро *тубы* (такъ называютъ кашицу съ лапшею и мелко изрубленною говядиной) и налили по чашкѣ для каждаго. Прочитавъ молитву, взяли Китайскія палочки и начали ѣсть. Наконецъ принесли пряженое, завернули въ пелены и отослали гостямъ на домъ. Симъ кончился обѣдъ, болѣе половины дня продолжавшійся. Прогулявшись на дворѣ, вошли въ комнату и по-прежнему стали пить. Въ это время хозяева или гости начинаютъ пѣть пѣсни и плясать. Пляска ихъ состоитъ въ притопываніи ногою, стоя на одномъ мѣстѣ. Вскорѣ начался ужинъ описаннымъ выше порядкомъ, только короче. Подчиваютъ гостей до совершеннаго опьянѣнія, и никто не можетъ отговориться, а чтобы гости не могли украдкою уйдти, для сего ворота снутри заперты замкомъ до самаго окончанія пира.» *

Изъ арнаутки же Тибетцы приготовляютъ родъ крѣпкаго квасу, называемаго *цянъ*, и горячее вино, или водку, извѣстную подъ именемъ *ара*.

* Описаніе Тибета. Стр. 149—151.

ГЛАВА XXXI.

Китайское государство: Бутанъ.

Къ сѣверу и востоку Бутанъ граничитъ съ Тибетомъ; на югъ отъ него лежитъ Ассамъ и Гиндустанъ; къ западу онъ сопредѣленъ съ Сиккимомъ. Бутанъ находится между 26° 22′ и 28° сѣверной широты и между 106° 12′ и 112° 57′ восточной долготы. Длина его около ста миль, ширина ровняется пятидесяти, поверхность 4,500 квадратныхъ миль.

«Природа, говоритъ Тёрнеръ, рѣзко обозначила границы, отдѣляющія Тибетъ отъ Бутана. Къ сѣверу, взоръ наблюдателя теряется въ обширномъ пространствѣ горъ и долинъ; но не встрѣчаетъ ни одного дерева, ни одного растенія, кромѣ немногихъ клочьевъ дерну. Съ 15 сентября снѣгъ покрывалъ уже горы; изъ среды ихъ грозная Шамалари возносится до чрезвычайной высоты. Богомольные Гиндусы искони ходятъ на поклоненіе ея снѣжной вершинѣ. Въ этой части Тибета господствуютъ сильные холода: хлѣбные урожаи почти не стóятъ работы; пшеница не созрѣваетъ, ее сѣютъ только на кормъ скоту. Много рѣкъ выходитъ изъ здѣшняго края; однѣ текутъ на сѣверъ въ направленіи къ Цзаньбо, другія на югъ къ Брахмапутрѣ.

«Отсюда съ высотъ открываются Бутанскія горы, одѣтыя деревьями и травою до самыхъ вершинъ.

Немногія страны представляютъ поверхность болѣе неровную и разнообразную: хребты, украшенные вѣчною зеленью, и лѣса съ великолѣпнѣйшими деревами. Долины вообще весьма узки, но всюду, гдѣ грунтъ не слишкомъ крутъ и есть сколько-нибудь годной почвы, она обработана и занята; отъ обваловъ устроены насыпи. Нѣтъ ложбинки, нѣтъ пологости, гдѣ не упражнялась бы рука земледѣльца. Подошвы горъ почти вездѣ омываются быстрыми потоками, и нѣтъ ни одной, гдѣ не было бы, даже на самой вершинѣ, многолюдныхъ селеній съ садами, виноградниками и другими плантаціями. Здѣсь представляется вмѣстѣ картина природы самой дикой и усилій искусства самаго многотруднаго.»

Горы Бутана составляютъ часть огромнаго Гималайскаго хребта. Главная изъ рѣкъ — Чинъ-чу, которая, принявъ въ себя многія другія, стремится водопадами и достигаетъ равнинъ Бенгальскихъ подъ именемъ Гаддады.

Ледники, покрывающіе многія Бутанскія горы, удивительно наитствуютъ климатъ, который весьма умѣренъ относительно къ широтѣ своей; дожди идутъ часто, но проливныхъ не бываетъ никогда. Въ гористыхъ округахъ ростутъ плодовыя деревья средней и южной Европы, земляника и малина, пшеница и даже сарацинское пшено, а въ долинахъ, прилежащихъ къ Бенгалу, родится табакъ, хлопчатая бумага и плоды того климата; тамъ же есть и бамбукъ. Слонъ и носорогъ обитаютъ въ лѣсахъ здѣшняго края; великорослыя обезьяны прыгаютъ вездѣ около

дорогъ. Подобно Гиндусамъ, Бутанцы почитаютъ ихъ священными. Якъ, водится въ сѣверной части края.

Трудно сыскать народъ сложеніемъ стройнѣе и крѣпче Бутанцевъ; они высоки и имѣютъ весьма гладкую кожу; вообще они бѣлѣе Лиссабонскихъ Португальцевъ; волосы у нихъ черны и коротко острижены; борода показывается очень поздно, и усы, хотя нарочно отращиваютъ ихъ, весьма жидки. Глаза маленькіе, черные; углы вѣкъ длинны и остры, какъ будто бы вытянутые искусственнымъ образомъ; рѣсницы такъ тонки, что едва ихъ замѣтите, и брови рѣдки. Лице всего шире подъ глазами; оно тутъ плоско, а къ бородѣ съуживается, отличіе, замѣтное у Монголовъ и еще болѣе у Китайцевъ. Они такъ же неопрятны, какъ и Тибетскіе жители. Въ пребываніе свое тамъ, Тёрнеръ видалъ гелуней, которые постоянно ходили купаться въ рѣкѣ разъ въ недѣлю; «но, по словамъ его, это омовеніе есть обрядъ, и они отнюдь не повторяютъ его чаще предписаннаго. Многіе изъ мірянъ считаютъ за лишнее умываться и пить воду. Часто встрѣчаются люди, страждущіе отъ зобовъ.«

Пожитки переносятся людьми, и женщины берутъ на себя всегда самыя большія тяжести; земледѣльческія работы по большой части также приходятся на ихъ долю.

Тассисудонъ, лежащій въ долинѣ, около четверти мили шириной, есть мѣсто пребыванія Дебъ-раджи, свѣтскаго правителя Бутана; долина хорошо воздѣлана и орошается рѣкою Чинъ-чу. Городъ состоитъ изъ дворца, выстроеннаго параллелограмомъ изъ камня; обширность его необычайная: министры, чинов-

ники и служители придворные всѣ въ немъ помѣщаются; стѣны болѣе тридцати футовъ вышиною. На половинѣ высоты устроенъ рядъ балконовъ съ волосяными занавѣсами, которые опускаются каждый вечеръ; надъ балконами, маленькія окна сдѣланы кажется болѣе для воздуха, чѣмъ для свѣту (Л. XVI—5). У дворца два входа; первый, обращенный на югъ, снабженъ деревянною лѣстницей съ ступенями, кованными желѣзомъ; начинаясь снаружи отземи, она восходитъ до послѣдней террасы и вся заключается въ толщинѣ стѣны. Другой, главный входъ, обращенъ къ востоку; лѣстница тутъ каменная; она ведетъ въ просторный корридоръ, затворяющійся двумя тяжелыми дверьми, которыя обиты большими желѣзными гвоздями. Толстый деревянный запоръ, утверждаемый въ стѣнѣ, еще болѣе обезопасиваетъ эти двери. Конецъ корридора выходитъ къ квадратному зданію, называемому цитаделью; тутъ живетъ настоящій государь, дхамеараджа, но онъ ни мало не заботится о дѣлахъ житейскихъ. Онъ также воплощеніе божества и первостепенный лама. Безчисленное множество кумировъ украшаетъ его дворецъ.

Цитадель о семи ярусахъ, каждый отъ 15 до 18 футовъ вышины. Плоскій верхъ изъ сосноваго дерева образуетъ значительный выступъ. Кумиръ Махамунія, весьма уважаемый Бутанцами, находится въ седьмомъ этажѣ; надъ нимъ устроенъ изъ камня маленькій квадратный павильонъ, крытый мѣдью и богато вызолоченный.

Всѣ домы Тассисудонскіе болѣе чѣмъ на милю отъ дворца и разсѣяны отдѣльными купами. Въ такомъ

же разстояніи отъ чертоговъ къ сѣверу возвышается дворецъ другаго ламы на длинномъ и узкомъ пространствѣ, обставленномъ бѣлыми хоругвями съ мистической надписью: Ом-мани-падме-хумъ (Л. XVI—4). Не трудно угадать, что Бутанцы исповѣдуютъ буддійскую вѣру.

Близъ Тассисудонскаго дворца простирается длинный рядъ сараевъ съ мастерскими, гдѣ безпрестанно куютъ бронзовые и желѣзные идолы, и разныя украшенія для храмовъ. Неподалеку находится большая фабрика для выдѣлки бумаги изъ коры дерева, именуемаго *дехъ* и весьма обыкновеннаго въ окрестностяхъ. Это, вмѣстѣ съ производствомъ нѣсколькихъ грубыхъ тканей изъ шерсти и хлопчатой бумаги, составляетъ всю промышленность Бутанцевъ. Дебъраджа единственный негоціантъ въ цѣломъ краю; онъ ежегодно отправляетъ въ Гиндустанскій городъ Раньпуръ караванъ съ Тибетскими и Китайскими товарами для обмѣна ихъ на тѣ, которые доставляетъ Бенгалъ и которые отчасти приходятъ изъ Европы.

Домы частныхъ людей объ одномъ ярусѣ и по большой части деревянные; лучшій способъ, придуманный для разведенія въ нихъ огня безопасно, состоитъ въ томъ, чтобъ зажигать его на большой каменной плитѣ посреди комнаты; Бутанцы помѣщаются всѣ вокругъ. Дымъ, не имѣя другаго выхода кромѣ дверей и оконъ, чрезвычайно безпокоитъ присутствующихъ и притомъ коптитъ имъ лице, равно какъ карнизы и потолокъ жилища.

Неудивительно, что въ странѣ, изрѣзанной долинами, есть множество мостовъ. Они вообще очень хи-

траго устройства; для примѣра стоитъ привести тотъ, который наведенъ въ крѣпости Чукѣ, лежащей въ осьмнадцати миляхъ къ югу отъ Тассисудона, на лѣвомъ берегу Гаддады. Черезъ рѣку проѣзжаютъ по мосту, который существовалъ за долго до того, какъ въ Европѣ придумали висячую постройку. Только одинъ человѣкъ на лошади можетъ за-разъ проѣхать по Чукинскому мосту, который сильно качается, когда по немъ идутъ, и поелику движеніе это непрерывно возрастаетъ, необходимо ускорять шаги свои. Постройку его Бутанцы приписываютъ духамъ (Л. XVII — 2).

Горныя тѣснины, пролагающія путь въ Бутанъ, охраняются чиновниками, извѣстными подъ именемъ *субъ* и пользующимися большою властію каждый въ своей округѣ.

До 1772 года, Европейцы не бывали въ Бутанѣ. Но тогда дебъ-раджа занялъ княжество Кочь-багаръ, зависящее отъ Бенгала. Англичане вскорѣ отняли его обратно и преслѣдовали Бутанцевъ въ ихъ собственные предѣлы. Тутъ устрашенный дебъ-раджа просилъ банченя-эрдени о заступленіи; первосвященникъ тотчасъ написалъ къ Бенгальскому генералъ-губернатору, увѣдомляя его, что онъ сдѣлалъ выговоръ раджѣ за неосторожные его поступки и приглашая кончить непріятельскія дѣйствія. Правительство Бенгальское тотчасъ исполнило желанія ламы: заключили миръ, и каждый удалился во-свояси.

Событіе это было поводомъ къ отправленію въ Тибетъ Англійскаго офицера и потомъ къ посольству Тёрнера, который на пути проѣзжалъ Бутаномъ.

Въ обѣихъ странахъ ожидалъ его самый дружескій пріемъ; но правительство ихъ, всегда недовѣрчивое, никакъ не соглашалось пропустить черезъ границу чужеземные караваны.

Къ западу отъ Бутана и къ востоку отъ Непала, гористый край Сиккимъ, имѣющій пятьсотъ квадратныхъ миль поверхности, граничитъ къ сѣверу съ Гималайею, которая отдѣляетъ его отъ Тибета, къ югу съ Бенгаломъ и Непаломъ. Произведеніями сходенъ онъ съ послѣднею страной. Факфакскія горы покрываютъ его сѣверную полосу. Маловажныя рѣчки, Раманъ и Джами-кума, орошаютъ его. Отсюда вывозятъ желѣзо и выхухоль, и гонятъ скотъ. Главные рынки въ Билази и Меджговѣ на рѣкѣ Конки; чужеземцы доставляютъ товаръ свой въ Димди, при Балакугьярѣ. Населеніе состоитъ изъ Бутійцевъ и Лапчей, которые всѣ исповѣдуютъ буддизмъ; первые кротки и миролюбивы, воздѣлываютъ землю и разводятъ скотъ; послѣдніе — племя грубыхъ полудикихъ горцевъ. Раджа живетъ въ Сиккимѣ, укрѣпленномъ мѣстѣ въ горахъ, на правомъ берегу Джами-кумы, впадающей въ Тисту. Область его въ послѣднее время была занята Непальскими войсками; но она возвращена ему совокупными усиліями Тибета, Бутана и Англичанъ, взявшихъ его подъ свое покровительство.

Къ юговостоку отъ Бутана, маленькое княжество Биджни, зависящее отъ Бутанцевъ и отъ Англичанъ, пересѣкается Брахмапутрой. Это землица плодоносная, производящая бетель и сахарный тростникъ. Раджа обитаетъ въ Биджни, укрѣпленномъ замкѣ, на берегу небольшой рѣки.

ГЛАВА XXXII.

Китайское государство: Собственный Китай.

Четвертая часть Всеобщаго Путешествія Дюмонъ Дюрвиля заключаетъ въ себѣ обширныя подробности касательно Китайскихъ областей. Мы съ своей стороны ограничимся немногими замѣчаніями и данными.

Китай, будучи весьма люденъ и, по многоразличію температуры въ разныхъ своихъ провинціяхъ, весьма богатъ всякаго рода естественными произведеніями, имѣетъ самую дѣятельную и обширную внутреннюю торговлю. Вотъ почему правительство не дорожитъ торговлею внѣшней, обязываетъ иностранныхъ купцевъ посѣщать только извѣстныя мѣста и подвергаетъ ихъ самымъ стѣснительнымъ ограниченіямъ. Сверхъ-того, оно очень довольно тѣмъ, что подданные его не имѣютъ близкихъ сношеній съ Европейцами, которыхъ предпріимчивый и тревожный духъ могъ бы вести къ событіямъ вреднымъ для общественнаго спокойствія.

И такъ не удивительно, если оно съ негодованіемъ смотрѣло на многократныя попытки Англичанъ учредить торговыя связи въ пристаняхъ восточнаго берега имперіи, къ сѣверу отъ Кантона.

Въ Англіи воображали себѣ и утверждали, что весьма легко вступить въ сношенія съ этими пристанями; вслѣдствіе того, какъ мы уже говорили, предположена была экспедиція Г. Меджрибенксомъ, пред-

сѣдателемъ комитета Остъ-Индскихъ каргадоровъ въ Кантонѣ, и поручена руководству Г. Лейндсея, одного изъ этихъ господъ. Г. Лейндсей отправился 26 февраля 1832 года. Предметомъ его путешествія было удостовѣриться, есть ли какая нибудь вѣроятность успѣха для Англійскихъ кораблей въ пристаняхъ сѣвернаго Китая, которую изъ нихъ предпочесть другимъ, и будетъ ли благопріятно такимъ опытамъ расположеніе жителей и мѣстнаго начальства. Въ наказѣ, данномъ Г. Лейндсею, ему было предписано не возбуждать ни малѣйшего подозрѣнія въ Китайцахъ, что онъ посланъ отъ Остъ-Индской компаніи. Комитетъ рѣшился на такой опытъ для окончательной повѣрки того, что утверждали объ этомъ въ Англійскомъ парламентѣ. Нѣмецкій миссіонеръ, Г. Гюцлафъ, сопровождалъ экспедицію съ тѣмъ намѣреньемъ, чтобъ распространять книги, касающіяся христіанской вѣры и другихъ предметовъ.

Грузъ нарочно составили изъ товаровъ самыхъ ризнообразныхъ и отборныхъ.

Англичане съѣзжали на берегъ въ разныхъ мѣстахъ и входили въ нѣкоторыя пристани Китайскаго берега. Не щадили ни хитростей, ни усилій для сбыта товару и для того, чтобъ завязать дѣло съ Китайцами. Тѣ приняли ихъ дружелюбно, но во многихъ мѣстахъ появленіе чужеземцевъ произвело тревогу. Казенные приставы вообще приглашали ихъ удалиться, напоминая, что законы имперіи возбраняютъ иностранцамъ торговать гдѣ-либо, кромѣ Кантона, и что имъ всего лучше въ самоскорѣйшемъ времени отправиться туда. Въ немногихъ мѣстахъ, Г. Лейндсею удалось однако-жъ продать товаровъ. Когда онъ

жаловался на недостатокъ въ съѣстной провизіи, ему предлагали ее безмездно; но онъ не бралъ ничего иначе, какъ съ условіемъ дать что-нибудь въ обмѣнъ. Онъ вездѣ подавалъ начальствамъ объявленія, что одно желанье избѣжать притѣсненій, гнетущихъ иностранца въ Кантонѣ, заставило его идти въ другую пристань. Ему возражали всегда содержаніемъ уставовъ, которыхъ нельзя и не должно нарушать. Бумаги Г. Лейндсея были писаны на Китайскомъ языкѣ, которымъ Г. Гюцлафъ отлично владѣетъ; онъ даже говоритъ на немъ такъ бѣгло, что его почитали природнымъ жителемъ. Этотъ миссіонеръ объявлялъ свою готовность снабжать больныхъ лекарствами, и потому число прибѣгавшихъ къ нему было велико. Любопытные толпами приставали къ кораблю; гражданское и военное начальство не всегда успѣвало въ томъ препятствовать.

Военныя джонки многократно окружали корабль, чтобъ удержать его отъ сношеній съ жителями; сухопутныя войска также не пускали иноземцевъ на берегъ; но никогда не было ни малѣйшаго насилія. Не вездѣ поступали такъ Англичане. Нѣкоторые изъ Китайскихъ чиновниковъ, даже останавливая торгъ, затѣваемый Г. Лейндсеемъ, соблюдали вѣжливость; были изъ нихъ и сговорчивые, которые приняли небольшіе подарки; но иные, менѣе снисходительные и дерзнувшіе возвысить голосъ, были просто избиты матросами корабля Амгерстъ; джонки ихъ взяты на абордажъ; въ другихъ случаяхъ, двери домовъ были выломаны и самыя жилища повреждены. Не смотря

на то, та же неизмѣнная бдительность не переставала обращать въ ничто всѣ усилія Г. Лейндсея.

Ни кто не думалъ скрывать отъ Англичанъ, что на нихъ смотрятъ съ крайнимъ недовѣріемъ; полагали, что они посланы для обзора состоянія береговъ и что вскорѣ явятся военныя суда съ солдатами для нападенія на такой народъ, съ которымъ Англія всегда была въ мирѣ. Г. Лейндсей съ жаромъ опровергалъ всѣ подобныя догадки; но не успѣвалъ разсѣять ихъ вполнѣ. Онъ могъ убѣдиться, что правительство Китайское не допуститъ безнаказанно нарушенія законовъ: онъ узналъ изъ оффиціальныхъ депешъ, что мандарины гражданскіе и военные лишились сана за то, что были не довольно строги съ иноземцами; передъ глазами Англичанъ наказывали солдатъ, которые допустили любопытныхъ на корабль къ нимъ, обнародованы были прокламаціи о точнѣйшемъ соблюденіи уставовъ и объявлено, въ предостереженіе купцамъ и жителямъ, что они подвергнутся строгой отвѣтственности, вступивъ съ чужеземцами въ тайную торговлю. Какой разсудительный человѣкъ дерзнетъ порицать Китайское правительство за его поступки!

Г. Лейндсей, посѣтивъ берега Кореи и острововъ Ліу-Кхіу, гдѣ не нашелъ онъ ничего благопріятнѣйшаго для своихъ намѣреній, возвратился въ Кантонъ. Въ донесеніи своемъ отъ 11 октября, онъ говоритъ, что мѣстныя начальства вездѣ казались крайне встревоженными появленіемъ Европейцевъ, и вѣжливый пріемъ, оказанный въ нѣкоторыхъ случаяхъ экипажу корабля Амгерстъ, приписываетъ онъ преимущественно

боязни. Донесеніе оканчиваетъ онъ слѣдующими словами: «Въ заключеніе, дозволю себѣ высказать искреннюю мою надежду, что путешествіе это будетъ содѣйствовать къ пробужденію, относительно Китайской торговли, того общаго участія, какого достойно открытіе столь обширнаго поля для купеческихъ предпріятій.»

Обольщенные вѣроятно мечтами, созданными Г. Лейндсеемъ, нѣкоторые Англійскіе корабли отправились по его слѣдамъ; попытки ихъ были такъ же неудачны. Онъ сознается въ своемъ донесеніи, что могъ сбыть только малую долю своего груза; большая часть товаровъ вышла на подарки: убытки его экспедиціи простирались до 5,647 фунтовъ стерлинговъ (около 130,000 тысячь рублей).

Суда, пытавшіяся, по возвращеніи корабля Амгерстъ, торговать на томъ же берегу, который онъ посѣщалъ, могли извернуться только опіумомъ: одно изъ нихъ вошло въ Фу-цзянскую пристань, но каргадоръ тщетно прибѣгалъ къ разнымъ хитростямъ для продажи другихъ товаровъ; бдительность Китайскихъ чиновниковъ перемогла всѣ его уловки. Другое мелкое судно, поднявшись къ сѣверу до Маньджурскаго берега, успѣло не болѣе своихъ предшественниковъ: оно сѣло на мель, и жители той страны, которой законы хотѣло оно нарушить, выручили его изъ бѣды и пустили обратно къ Кантону.

Надежный человѣкъ, посыланный Бенгальскимъ губернаторомъ за чайными деревцами, сказывалъ возвратившись, что, по совершенному его убѣжденію, всѣ дальнѣйшіе опыты открыть для торговли новые

пути на берегу Китая, останутся тщетными, доколѣ не будетъ получено разрѣшеніе Китайскаго правительства.

Въ 1835 году, нѣкто изъ Сѣверо-Американскихъ негоціантовъ предпринялъ съ однимъ миссіонеромъ экспедицію единственно для раздачи душеспасительныхъ книгъ и распространенія христіанства на берегу Китая. Путешествіе продолжалось два мѣсяца и десять дней; гражданскіе и военные начальники попрежнему просили иностранцевъ какъ можно скорѣе убираться въ Кантонскую пристань. Не разъ посылали они на корабль значительные запасы съѣстной провизіи, и, послѣ нѣкоторыхъ околичностей, принимали то, что было имъ предлагаемо въ возмездіе.

По возвращеніи судна, *ганисты*, или общество купцевъ, имѣющихъ исключительное право торговать съ чужестранцами, увѣдомили ихъ письменно, что правительство предписало передать имъ указъ, подтверждающій разрѣшеніе входить въ Кантонскую пристань съ тѣмъ условіемъ, чтобъ они отнюдь не являлись въ другія мѣста и строго соблюдали это постановленіе. Въ немъ упоминалось о всѣхъ посягательствахъ начать торговлю внѣ Кантона и о дерзости двухъ Англійскихъ фрегатовъ, которые, въ 1834 году, вошли безъ позволенія во внутреннюю пристань Уампу (Гуань-Пху), были уже безъ малаго въ четырехъ миляхъ отъ Кантона и палили изъ пушекъ по укрѣпленіямъ.

Въ Англіи, правленіе Остъ-Индской компаніи было недовольно за экспедицію г. Лейндсея; оно порицало употребленіе подложныхъ именъ, къ которому при-

бѣгали предводители ея при вопросахъ Китайцевъ, и называло безразсудными частыя жалобы на двуличіе Китайскихъ начальствъ, послѣ того, какъ сами Англичане пробираются къ нимъ переодѣтые и явно нарушаютъ государственные законы.

Г. Дéвисъ (Davis), бывшій президентъ Англійской факторіи въ Кантонѣ, судитъ весьма здраво обо всѣхъ обстоятельствахъ, которыя мы здѣсь излагали. «Иные говоритъ онъ, можетъ-быть спросятъ, не оправдываетъ ли Китайская система исключительности тѣ средства, какія употребляются для избѣжанія ея дѣйствій; но конечно не будетъ разногласія вразсужденіи насильственныхъ мѣръ, принятыхъ тѣми, которые могли сказать себѣ въ извиненіе только одно, что они были раздражены упорствомъ туземцевъ въ исполненіи ихъ обязанности. Въ числѣ такихъ поступковъ можно упомянуть о избіеніи нѣсколькихъ Китайцевъ артиллеріей контробандистскихъ судовъ близъ Линтина, въ 1831 и 1832 годахъ, и о сожженіи мандаринскаго дома однимъ Англичаниномъ, который самъ объявлялъ о томъ въ газетахъ. Не можетъ быть спокойствія и безопасности ни для туземныхъ жителей, ни для иностранцевъ, доколѣ поступки такого рода будутъ сходить съ рукъ безнаказанно. При неправильности сношеній нашихъ съ Китаемъ, надлежитъ давать только весьма ограниченную власть тѣмъ лицамъ, кого правительство избираетъ представителемъ своимъ въ этомъ краѣ.

«Въ исходѣ 1833 года, то есть, въ то время, когда существованіе Остъ-Индской компаніи приближалось къ концу, и когда еще не знали, какою властію она

замѣнится, цѣлый рядъ неимовѣрныхъ насилій совершился неподалеку отъ Линтина. Безпрерывно слѣдовали одна за другою упорныя стычки съ Китайцами, и одинъ изъ нихъ былъ убитъ. Въ отмщеніе, единоземцы его умертвили одного ласкара, попавшагося имъ въ руки. Тогда контробандисты отправили шлюпки съ вооруженными людьми для формальнаго нападенія на городъ, гдѣ это случилось; но жители были готовы на отпоръ. Маленькая крѣпость открыла такой жаркой огонь, что когда шлюпки приблизились, онѣ должны были спокойно вернуться, даже и не посягнувъ на высадку.

«Родственники убитаго Китайца, которымъ этого было еще мало, жаловались губернатору; но поелику убійство произошло въ схваткѣ, мѣстное начальство остановилось за невозможностью узнать виновнаго. Тутъ ганисты прибѣгнули къ странному способу. Одинъ изъ нихъ, съ дозволенія губернатора, велѣлъ схватить на одной джонкѣ въ Макао человѣка, который за деньги долженъ былъ назваться убійцею. Условились, что, пробывъ нѣсколько времени въ тюрмѣ, онъ, при слѣдствіи, разскажетъ исторію такимъ образомъ, какъ будто бы это была чистая случайность, и на такомъ основаніи будетъ освобожденъ отъ суда. Выдумка удовлетворила обѣ стороны, и арестанту дѣйствительно возвращена свобода.»

22 Апрѣля 1834 года, привилегія Англійской Остъ-Индской компаніи прекратилась; она существовала двѣсти лѣтъ. Торговля съ Китаемъ открыта теперь для всѣхъ Великобританцевъ. Многія частныя суда вскорѣ отправились въ Англію съ грузами чаю.

Возрастающая строгость узаконений Китайскаго правительства противъ контробанды опіумомъ, повидимому уменьшила его продажу. Что касается до торга незапрещеннымъ товаромъ, привозимымъ иностранцами въ Китай, распространеніе, какое можетъ получить эта отрасль, маловажна для государства, какъ мы уже замѣтили. Долговременный опытъ доказалъ лучше всего, что эта обширная земля, такъ хорошо увлажаемая и обработанная, съ избыткомъ удовлетворяетъ всѣ нужды своего несмѣтнаго и промышленнаго населенія. Обстоятельство это, вмѣстѣ съ явнымъ отвращеніемъ правительства отъ всѣхъ близкихъ связей съ иностранцами, не можетъ внушать Европейскимъ купцамъ надежды на полученіе доступа въ другія гавани, кромѣ Кантонской, которая впрочемъ лучшая и удобнѣйшая во всѣхъ южныхъ областяхъ имперіи.

Таково мнѣніе всѣхъ основательныхъ людей. Англичане согласны, что положеніе ихъ въ Китаѣ не завидно, и что торговля претерпѣваетъ слишкомъ много ограниченій; но они думаютъ, что необходимо покориться этому порядку, и особенно удерживаться отъ всякихъ насильственныхъ мѣръ. Не такъ мыслитъ Г. Лейндсей. Въ письмѣ,—которое и напечатано имъ,—къ министру иностранныхъ дѣлъ, лорду Пальмерстону, онъ высказалъ два предложенія, столь чудовищныя и столь противныя всѣмъ началамъ чести, принятымъ въ политическихъ отношеніяхъ между народами, что, по мнѣнію одного изъ литературныхъ журналовъ Англійскихъ, министръ, прочитавъ съ начала до конца депешу г. Лейндсея, долженствовалъ бы объявить ему,

что не имѣетъ надобности въ услугахъ, которыя тотъ предлагаетъ оказать правительству по возвращеніи своемъ въ Китай, потому что всего лучше было бы удержать его отъ этой поѣздки самымъ настоятельнымъ образомъ, если онъ еще не предпринялъ ея.

«Первое предложеніе г. Лейндсея, сказано въ журналѣ, состоитъ въ томъ, чтобы отправить въ Китай посольство, когда мы и безъ-того слишкомъ часто снаряжали туда пословъ. Посланникъ, въ сопровожденіи командира нашихъ морскихъ силъ въ Индіи и въ головѣ эскадры изъ одного линейнаго корабля, двухъ большихъ фрегатовъ, шести корветовъ и трехъ или четырехъ пароходовъ, вооруженныхъ на военную ногу, потребуетъ удовлетворенія за обиды, претерпѣваемыя нами отъ Китайцевъ, что относится къ слову *варвары*, которое употребляютъ они, говоря о Европейцахъ вообще.

«Такой эскадры, продолжаетъ г. Лейндсей, было бы весьма достаточно, чтобъ принудить Китайцевъ къ удовлетворенію; однако жъ онъ по видимому боится погрѣшить, утверждая, что ея будетъ весьма достаточно, ибо черезъ нѣсколько строкъ мы читаемъ у него слѣдующія слова: «Сколь ни трусливыми, сколь ни малодушными кажутся Китайцы, но если мы раздражимъ противъ себя народъ, они будутъ страшнѣе, чѣмъ мы воображаемъ.» Тутъ онъ прибѣгаетъ къ помощи своего другаго предложенія, которое такъ же чудовищно, какъ и первое: «Не надобно возстановлять народъ, напротивъ должно провозгласить, что противъ него нѣтъ у насъ никакихъ непріязненныхъ намѣреній. Правительство ваше оскорбило насъ, могли бы мы

повторять себѣ въ оправданіе; на него направляемъ мы удары, а отнюдь не на васъ.» Сказать безъ обиняковъ, г. Лейндсей намѣренъ возмутить народъ противъ правительства. Большая честь послу и адмиралу Великобританіи! Намъ ли попирать ногами всѣ законы, всѣ понятія справедливости, поблажая алчнымъ посягательствамъ контробандистовъ опіума и безсовѣстныхъ пройдохъ? Намъ ли звѣрски напасть на миролюбивый народъ, который, снисходительно допуская насъ къ себѣ, избѣгаетъ слишкомъ короткихъ и частыхъ сношеній съ нами, убѣжденный какъ нельзя болѣе, что мы вовѣкъ не думали, и теперь быть-можетъ думаемъ менѣе, чѣмъ когда-нибуть, о соблюденіи его законовъ и уставовъ.»

Населенность Китая породила большія пренія въ Европѣ. По достовѣрнѣйшему расчету, основанному на выводахъ изъ Китайскихъ книгъ, число жителей собственнаго Китая и Ляо-дунской области простирается до 146,500,000 душъ со включеніемъ войска. Поверхность этого края содержитъ въ себѣ 300,000 квадратныхъ миль; протяженіе его отъ сѣвера къ югу равно 525 милямъ, а отъ востока къ западу шестистамъ миль. Границею его на югъ 22-й, на сѣверъ 42-й градусъ широты; онъ лежитъ между 115-мъ и 160-мъ восточной долготы.

«О Китайцахъ, говоритъ г. Дéвисъ, судили слишкомъ строго, ихъ чрезмѣрно унижали безъ сомнѣнія потому, что они явились не въ очень благопріятномъ свѣтѣ писателямъ, имѣвшимъ случай наблюдать ихъ въ Кантонѣ; но это совершенно то же, какъ если бъ кто вздумалъ описать нашъ народный характеръ, не упо-

требляя другихъ матерьяловъ, кромѣ собранныхъ въ одномъ изъ приморскихъ городовъ.

«Истинное чудо, что Китайцы не гораздо хуже того, какими мы находимъ ихъ въ Кантонѣ. Поступки ихъ въ отношеніи къ иностранцамъ совершенно различны съ тѣмъ, какъ они ведутъ себя между собой.

«Когда ни страхъ, ни корысть не управляютъ ими, они часто надменны, дерзки и плутоваты; и такова у нихъ сила мнѣнія, что даже если корысть и вынудитъ ихъ уступить иностранцу, они стараются, чтобъ никто изъ земляковъ не видалъ ихъ уничиженія. Одинъ нищій охотно становился на колѣна, прося милостыни у Европейцевъ, когда полагалъ, что никто его не видитъ, и всегда воздерживался отъ того при Китайцахъ. *Кули*, самый низкій классъ прислуги, долго не соглашались ходить передъ Европейцами съ фонаремъ по вечерамъ и, особенно,—носить ихъ въ портшезахъ по Макао. Что жъ мудренаго, если они поступаютъ безъ зазрѣнія совѣсти съ этими жалкими тварями, которые, по выраженію тамошняго правительства, «приходятъ пользоваться благодѣяніями Китайской образованности?» Не должно ли напротивъ удивляться, что въ сношеніяхъ съ нами Китайцы оказывали иногда столько великодушія, добросовѣстности и правоты?

«Слѣдующій анекдотъ, извлеченный изъ одного сочиненія сиръ Джоржа Стонтона (Staunton), обрисовываетъ довольно хорошо характеръ Китайскій.

«Одинъ оптовой торговецъ вошелъ въ дѣла съ Американскимъ купцомъ, который посягнулъ выйдти въ море, не уплативши долговъ своихъ, и конечно успѣлъ

бы въ этомъ, если бъ не смѣтливая дѣятельность одного молодаго моряка съ Компанейскаго судна: онъ подъѣхалъ къ Американцу въ то самое время, когда тотъ снимался съ якоря, переговорилъ съ нимъ и успѣлъ склонить его къ удовлетворенію довѣрителя. Въ благодарность за такую услугу, Китайскій негоціантъ покупалъ у молодаго человѣка, на самыхъ выгодныхъ для него условіяхъ, всю маленькую кладь его каждый разъ, какъ онъ приходилъ въ Китай. Этого мало: удивляясь, что пріятель его не имѣетъ еще корабля подъ своимъ начальствомъ, онъ спросилъ его о причинѣ; тотъ отвѣчалъ, что прибыльное мѣсто шкипера нельзя получить иначе, какъ употребивъ нѣсколько тысячь фунтовъ стерлинговъ, а такая сумма выше его средствъ; Китайскій купецъ возразилъ, что онъ устранитъ это препятствіе и тотчасъ далъ ему вексель на означенную сумму, съ уплатою по востребованію. Молодой человѣкъ умеръ по возвращеніи въ Англію, и слѣдственно вексель остался непредъявленнымъ; но поелику онъ былъ данъ на одинъ изъ вѣрнѣйшихъ домовъ въ купечествѣ, по немъ конечно послѣдовала бы уплата.

«Покойный докторъ Моррисонъ хорошо описалъ характеръ этого народа, который былъ ему совершенно извѣстенъ.

«Въ Китаѣ, говоритъ онъ, можно многое похулить, но есть кое-чему и поучиться; воспитаніе распространено тамъ какъ нельзя болѣе, и нравственная его часть почитается выше физической. Слѣдствія этой системы таковы, что промышленность, миръ и довольство господствуютъ между массами народа.

«Китайцы не разумѣютъ государственнаго хозяйства; правительство, вмѣсто того, чтобъ предоставить торгъ хлѣбомъ естественному ходу, устроиваетъ житницы, которыми оно распоряжается и гдѣ необходимо бываетъ бездна злоупотребленій. Народъ, обыкшій прибѣгать въ случаѣ нужды къ общественнымъ амбарамъ и приписывающій, согласно съ патріархальною теоріей правительства, все благоденствіе свое императору и его подручникамъ, наоборотъ приписываетъ имъ и все зло, какое иногда претерпѣваетъ. Это часто бываетъ причиною сильнѣйшихъ заботъ для правительства, и не мудрено, что оно приходитъ въ затрудненія, слѣдуя такой ложной системѣ.

«Императоръ, хотя и пользуется неограниченною властію, не пропускаетъ ни одного случая доказать, что поступки его основаны на разумѣ и благодушіи: онъ знаетъ, что народъ его любитъ отдать себѣ отчетъ въ сущности дѣла, прежде нежели уступить силѣ необходимости.»

«Учрежденія, посредствомъ которыхъ Китайцы старались отвратить злоупотребленія власти, въ высокой степени замѣчательны. Древніе императоры, говоритъ Гюцлафъ, разрѣшали доступъ къ себѣ каждому просителю: надлежало лишь явиться во дворъ богдоханскихъ палатъ и ударить въ барабанъ, тамъ повѣшенный. Въ послѣдствіи, выслушиваніе такихъ просьбъ поручено было особому приказу, котораго члены и теперь еще находятся почередно вблизи дворцовыхъ воротъ и при каждомъ ударѣ въ барабанъ выходятъ къ просителю и потомъ докладываютъ по его дѣлу. Но важнѣйшее учрежденіе въ этомъ родѣ — цен-

соры. Они составляютъ коллегію, неподчиненную министрамъ; это люди первостепенные; правители областей считаются только ихъ помощниками. Цѣль ихъ та, чтобъ открывать всякаго рода злоупотребленія; они облечены правомъ жаловаться на всякаго, и требовать искорененія зла. Коллегія состоитъ изъ двухъ предсѣдателей, четырехъ ассистентовъ и извѣстнаго числа чиновниковъ, раздѣленныхъ на шесть экспедицій, изъ которыхъ каждая имѣетъ подъ надзоромъ по одному министерству. При ней состоитъ двадцать Китайскихъ и столько же Татарскихъ ценсоровъ для областей, да еще пять для города Пекина, по одному на каждую его часть. Всѣ отрасли управленія подъ ихъ вѣдомствомъ, даже императорскіе принцы, войско, темницы, суды, финансовые чиновники, словомъ всѣ части администраціи подлежатъ ихъ надзору; они имѣютъ доступъ ко всѣмъ дѣламъ, могутъ изслѣдовать каждый поступокъ чиновниковъ, и никто не смѣетъ отказать въ отвѣтахъ на ихъ вопросы подъ опасеніемъ немедленно лишиться своей должности. Они могутъ дѣлать представленія, подавать жалобы, порицать сколько хотятъ. У каждаго изъ нихъ есть по нѣскольку шпіоновъ, которыхъ онъ посылаетъ для развѣдокъ; всякой Китайскій подданный имѣетъ къ нему немедленный доступъ, и онъ обязанъ принять просьбу отъ всякаго. Онъ можетъ наряжать судебныя слѣдствія, пріостанавливать рѣшенія должностныхъ лицъ, подвергать ихъ самихъ обыкновенному суду или разсмотрѣнію особыхъ коммиссій. Поэтому никто не безопасенъ отъ ихъ нападковъ, и самъ императоръ долженъ выслушивать

замѣчанія ценсоровъ. Съ другой стороны обязанность ихъ защищать невинныхъ и покровительствовать чиновниковъ, которыхъ заслуги не отличаются начальствомъ.

«Одна изъ главныхъ должностей ихъ та, чтобъ внушать возможную кротость областнымъ чиновникамъ; они объѣзжаютъ провинціи, изслѣдываютъ тяжебныя дѣла и стараются оправдать обвиненныхъ. Они обязаны посѣщать темницы, блюсти, чтобъ съ заключенными обходились человѣколюбиво, и требовать освобожденія невинныхъ. Ценсорская коллегія въ Пекинѣ разсматриваетъ процессы осужденныхъ на смерть вмѣстѣ съ уголовною коллегіей и палатою верховнаго суда. Ценсоры пересматриваютъ потомъ еще разъ всѣ опредѣленія, и когда императоръ пишетъ имена тѣхъ, которые дѣйствительно должны подвергнуться казни, предсѣдатели ценсорской коллегіи должны находиться при его особѣ, чтобы не произошло какого недоразумѣнія и чтобы сколько возможно уменьшить число казней.

«Они предсѣдательствуютъ при раздачѣ бѣднымъ пищи и платья, для устраненія всякихъ несправедливостей, и одинъ изъ нихъ всегда присутствуетъ на общемъ испытаніи учащихся, чтобы ученыя степени давались только достойнѣйшимъ. Они повѣряютъ счеты финансовыхъ чиновниковъ, свидѣтельствуютъ корабли, приходящіе съ казеннымъ пшеномъ, и должны доносить о всякомъ расточеніи государственныхъ доходовъ. Они находятся при всѣхъ придворныхъ церемоніяхъ, чтобы смотрѣть за строгимъ соблюденіемъ обрядовъ и приличій; также обязаны надзирать за чистотою го-

сударственной религіи, препятствовать введенію ересей, возвышать народную нравственность ученіемъ и примѣромъ.

«Если учрежденіе это не приноситъ пользы, виною тому сами ценсоры, ибо у нихъ въ рукахъ власть и сила, и хотя многіе изъ нихъ льстецы и лицемѣры, однако жъ въ коллегіи всегда бывали люди, отваживавшіе собственную жизнь въ исполненіи своихъ обязанностей. Ни одного такого случая не бывало при нынѣшнемъ монархѣ, хотя онъ получалъ самыя смѣлыя представленія отъ многихъ ценсоровъ, на которыхъ онъ налагалъ молчаніе или обличивъ ихъ въ клеветѣ или отдавъ полную хвалу ихъ строгости въ исполненіи своего долга.»

«Выгодныя черты Китайскаго характера, каковы кротость, смиреніе, промышленость, миролюбіе, подчиненность и уваженіе къ старикамъ, сопровождаются и особенными пороками, каковы лицемѣріе, вѣроломство, недовѣрчивость и ревность. Китайцы не стыдятся плутовства, и лукавство противъ Кантонскихъ Европейцевъ не почитаютъ за худое дѣло. Впрочемъ разумѣніе собственныхъ выгодъ заставляетъ тамошнихъ купцовъ исполнять обязательства свои въ точности; но во всякомъ другомъ случаѣ чортъ-иностранецъ,—какъ они величаютъ насъ,—для нихъ добрая пожива. Китаецъ въ сношеніяхъ съ Европейцами какъ бы нарочно оказываетъ себя непрямодушнымъ, а лицемѣромъ, и, даже ничего не выигрывая, обыкновенно лжетъ въ тѣхъ случаяхъ, гдѣ бы ему было все равно сказать правду.

«Веселость и промышленость, вотъ прекрасная сторона Китайскаго характера, и, подобно всѣмъ добродѣтелямъ, она вознаграждаетъ себя сама. Китайцы мастера заводить колоніи, потому что воспитаніе сообщаетъ имъ издѣтства смышленость, дѣятельность и трезвость. Вотъ отъ чего правительство такъ высоко цѣнитъ воспитаніе.

«Великія преимущества Китайцевъ передъ сосѣдями внушили имъ ту народную гордость, которая побуждаетъ ихъ оказывать и Европейцамъ обидное презрѣніе. Вслѣдствіе этой гордости, имѣютъ они о странѣ своей сравнительно съ прочими такое жъ понятіе, какое древніе астрономы имѣли о землѣ въ отношеніи къ остальнымъ планетамъ. Они почитаютъ ее средоточіемъ системы міра и называютъ Чонь-куэ, Срединнымъ государствомъ. Дабы прійдти на истинный путь, имъ должно будетъ лучше узнать то, что находится внѣ ихъ предѣловъ. Мандарины умѣли хитро воспользоваться природнымъ расположеніемъ своихъ земляковъ презирать иностранцевъ. Жалкая и боязливая политика побуждаетъ ихъ сѣять между послѣдними и природными жителями всѣ возможныя плевела раздора, и теперь тяжчайшая вина, какую только можно взвести на Китайца, состоитъ въ томъ, что онъ уступилъ въ чемъ-нибудь Европейскому вліянію.

«Особымъ узаконеніемъ запрещены предметы не освященные обычаемъ; вотъ почему Китайцы такъ неохотно заимствуютъ чужестранныя моды или орудія. Сырыя произведенія нашихъ фабрикъ находятъ у нихъ болѣе сбыта; но всего лучше нравятся имъ піастры. Европа безспорно занимаетъ гораздо высшую

степень относительно наукъ; но въ глазахъ Китайца, который видитъ, что эта часть свѣта доставляетъ только вещи, несоотвѣтственныя ни вкусамъ его, ни потребностямъ, который лишь недавно сталъ слышать разсказы о разныхъ государствахъ, ее составляющихъ, о безконечныхъ войнахъ, какія они ведутъ между собою, то есть, о душегубствахъ въ самомъ обширномъ размѣрѣ, въ глазахъ Китайца, говоримъ мы, вся выгода сравненія, разумѣется, на сторонѣ Китая, съ его обширнымъ пространствомъ, съ его несчетными богатствами, съ сотнями милліоновъ промышленныхъ и образованныхъ жителей и съ его миромъ, ненарушаемымъ около двухъ сотъ лѣтъ. Бѣдность, существующая въ той или другой части государства, зависитъ не отъ недостаточнаго разпредѣленія богатствъ, но единственно отъ тѣхъ причинъ, которыя мы далѣе изложимъ. Впрочемъ неравенства гораздо менѣе въ имуществѣ, нежели въ званіяхъ. Неуваженіе Китайцевъ къ людямъ, не имѣющимъ другихъ отличій, кромѣ богатства, заключаетъ въ себѣ немалую нравственную выгоду. Бѣдность у нихъ не постыдна, и всего болѣе чтятся личныя заслуги и права старости. Для примѣра расказываютъ слѣдующій анекдотъ объ императорѣ Кханъ-си: чиновникъ низшаго разряда, но болѣе ста лѣтъ отроду, однажды явился къ государю на поклонъ; тотъ сошелъ съ мѣста ему на встрѣчу и просилъ его не кланяться въ землю и быть безъ околичностей, говоря, что этимъ отличіемъ онъ желаетъ почтить его старость.

«Когда Китайцы обходятся съ кѣмъ нибудь почтительно, они называютъ его ляо-е (престарѣлымъ или

почтеннымъ отцомъ), и такъ какъ эти слова чистая вѣжливость, то Китаецъ часто употребляетъ ихъ въ разговорѣ съ лицами, которыя вдвое его моложе.

«Великому уваженію Китайцевъ къ лѣтамъ должно приписать ихъ мирный и осторожный нравъ. Младшіе въ семьѣ, будучи, по смерти отца, подвластны старшимъ братьямъ, дѣлаютъ менѣе шалостей, нежели у другихъ народовъ. Пріемы и рѣчи ихъ также отзываются силою примѣра; они сплошъ далеко превосходятъ Европейцевъ въ неизмѣнной важности и хладнокровіи при спорныхъ бесѣдахъ.

«Обыкновенная политика ихъ въ томъ, чтобъ предоставить противника всей силѣ его гнѣва и потомъ воспользоваться вредомъ, который онъ самъ себѣ причиняетъ: необходимо остерегаться бѣшенства въ ихъ присутствіи. Высшія особы и гражданскіе сановники принимаютъ чрезвычайно важный видъ, что́ называется *чонь*, буквально — тяжелый, въ противоположность слову *кинь*, означающему — легкій, веселый. Такъ какъ широкое и толстое лице можетъ придать еще болѣе важности, то это, быть-можетъ, и есть причина рѣшительнаго предпочтенія, отдаваемаго ими дородству у мужчинъ и напротивъ худобѣ у женщинъ. Они въ шутку называютъ «маломѣрнымъ» того, кто не прикрываетъ собою всей поверхности стула.

«Строгое благочиніе, къ какому пріучены они съ младенчества, производитъ то, что преступленія, рождаемыя буйствомъ, у нихъ чрезвычайно рѣдки.

«Почти не слыхано, чтобъ воровство сопровождалось убійствомъ. Они однако жъ бываютъ весьма мстительны, когда почитаютъ себя въ обидѣ, и тутъ

уже не разбираютъ средствъ, лишь бы только достигнуть цѣли. Женщины готовы напримѣръ давиться или топиться, чтобъ только сдѣлать непріятность тому, съ кѣмъ онѣ побранились. Народъ, обыкновенно кроткій и миролюбивый, будучи угнетенъ въ конецъ, разомъ возстаетъ на утѣснителя и, если можно, непремѣнно его погубитъ. Сановникъ, ускользнувшій отъ враговъ, рѣдко находитъ пристанище въ Пекинѣ, гдѣ не жалуютъ и подвергаютъ строгому наказанію тѣхъ начальниковъ, у которыхъ подчиненные дойдутъ до бунта.

« Система, по которой семейства составляютъ между собою родъ племенъ, произвела конечно священное уваженіе къ родству, дѣйствующее гораздо лучше закона - въ пользу бѣдныхъ и способствующее *раздѣленію* богатствъ; это наука, въ которой Китайцы могли бы можетъ быть превзойти нашихъ экономистовъ, хотя и уступятъ имъ въ правилахъ касательно произведенія или, какъ говорятъ, *созданія* богатства. Отсюда же проистекаетъ любовь Китайца къ мѣсту его рожденія, и чувство это въ немъ такъ сильно, что нерѣдко онъ оставляетъ почести и выгоды знатной должности, чтобъ удалиться въ свою родную деревню. У нихъ въ просторѣчіи есть правило, котораго смыслъ таковъ: «Кто достигнетъ почестей или богатства, да никогда не воротится на родину, тотъ похожъ на разряженнаго, который гуляетъ въ потемкахъ,» то есть, оба хлопочутъ изъ пустяковъ.

« Теперь, набросавъ широкой кистью самыя рѣзкія черты Китайскаго характера, мы должны упомянуть объ одномъ обстоятельствѣ, которое навлекло имъ

строгій приговоръ: это дѣтоубійство въ отношеніи къ младенцамъ женскаго пола. Мнимою всеобщностью такого обычая хотѣли доказать отсутствіе сильной родительской любви въ Китаѣ.

«Дѣтоубійство случается только въ большихъ городахъ, гдѣ безчисленное населеніе съ трудомъ добываетъ хлѣбъ насущный. Китайцы страстно любятъ своихъ дѣтей, и тѣ повидимому платятъ имъ равною нѣжностью. Кантонъ, неоспоримо, городъ изъ самыхъ многолюдныхъ; но и тамъ рѣдко увидите на рѣкѣ дѣтскій трупъ, между тѣмъ какъ бѣдняжки тонутъ иногда случайнымъ образомъ, воспитываясь съ самаго рожденія на лодкахъ.

«Всего нелѣпѣе приписывать душегубству смерть дѣтей, всплывающихъ съ тыковной бутылкой на поясѣ; напротивъ, для того и привязываютъ имъ пустую тыкву, чтобъ въ случаѣ паденія изъ лодки, препятствовать какъ можно дольше ихъ потопленію; она поддерживаетъ ихъ поверхъ воды до тѣхъ поръ, пока успѣютъ броситься къ нимъ на помощь. Нѣтъ ничего мудренаго, что случалось дѣтямъ тонуть, не смотря на эту предосторожность; но почитать тыковныя бутылки орудіемъ ихъ гибели, это, повторяемъ мы, столь же нелѣпо, какъ приписывать смерть всѣхъ утопленниковъ въ Англіи усиліямъ Человѣколюбиваго Общества.

«Въ отношеніи физическомъ Китайцы еще болѣе превосходятъ сосѣдей своихъ. Часто уже было говорено, что нѣтъ людей статнѣе и сильнѣе *кули*, или Кантонскихъ носильщиковъ. Тяжести, какія двое ихъ легко подымаютъ на плеча посредствомъ бамбуковыхъ палокъ, задавили бы самыхъ здоровыхъ дрягилей въ

другихъ земляхъ. Члены ихъ, не стѣсняемые одеждою, получаютъ такое развитіе, что могутъ служить образцомъ для ваятеля. Въ качествѣ мотросовъ на Англійскихъ судахъ ихъ всегда находили крѣпче и полезнѣе ласкаровъ*; только ихъ очень трудно залучить по причинѣ многихъ препятствій, возбраняющихъ имъ вступать на службу къ иностранцамъ.

«Физическое превосходство Китайцевъ должно приписать во-первыхъ климату, который вообще весьма здоровъ, не смотря на довольно рѣзкіе переходы температуры, и потомъ необычайной ихъ воздержности. Если холера посѣтила Китай въ то же время, когда она такъ страшно опустошала другія части свѣта, можно сказать навѣрно, что она была въ немъ несильна.

«Европейцы создали себѣ странное понятіе о физіономіи Китайцевъ по фигурамъ, представляемымъ на образчикахъ Кантонскаго издѣлія и по большей части каррикатурнымъ. На такомъ ложномъ основаніи, въ умѣ многихъ смѣшное неразлучно съ именемъ народа степеннаго, мыслящаго, разсудительнаго и нерѣдко достойнаго служить образцемъ для Европейцевъ.

«У южныхъ Китайцевъ черты лица не такъ угловаты, какъ у жителей Пекина. Кто изъ нихъ не подверженъ постоянному вліянію атмосферы, тѣ отличаются такимъ же прекраснымъ цвѣтомъ, какъ Португальцы и Испанцы; но таково дѣйствіе солнца на кожу ихъ, что у многихъ, которые ходятъ обнажившись по поясъ, вы увидите, когда они раздѣнутся совсѣмъ, верхнюю часть тѣла желтизны Азіатской, а

* Ласкарами называются наемные матросы изъ туземцевъ.

нижнюю бѣлою какъ у Европейца. До тридцатилѣтняго возраста они вообще свѣжи; но далѣе осунутость скулъ придаетъ лицу ихъ грубое выраженіе, первоначально прикрываемое только юностью. Мужчины, входя въ лѣта, всегда почти ужасно дурнѣютъ.

«Женщина въ Китаѣ должна быть тонка и худа; мужчинѣ напротивъ слѣдуетъ быть *дюжимъ*, но не въ смыслѣ сильнаго развитія мышцъ, а въ смыслѣ полноты и дородства. И у мужчинъ, и у женщинъ въ большой модѣ отращивать на лѣвой рукѣ страшные ногти, и такъ какъ, при непомѣрной длинѣ, они легко ломаются, то нерѣдко предохраняютъ ихъ тончайшими пластинками бамбука.

«Китайцы страстно любятъ болѣзненный и изнеможенный видъ, который получаютъ у нихъ женщины, увѣча себѣ ноги тѣсными башмаками, и походку ихъ, когда онѣ ковыляютъ на пятахъ, дилеттанты сравниваютъ съ качаніемъ ивъ, колышимыхъ вѣтромъ. Намъ остается присовокупить, что этотъ гнусный обычай распространенъ въ низшемъ классѣ гораздо болѣе, нежели какъ можно было бъ ожидать отъ людей, принужденныхъ работать изъ куска хлѣба.

«Очень занимателенъ вопросъ, какая степень принадлежитъ Китайцамъ между образованными народами. Мы старались доказать многочисленныя нравственныя и политическія преимущества, которыми они обладаютъ и которыя сиръ Джоржъ Стонтонъ приписывалъ «уваженію семейныхъ связей, воздержности, промышлености и понятливости низшихъ сословій, почти совершенному отсутствію правъ и привилегій феодальныхъ, отвращенію правительства отъ новыхъ пріобрѣтеній

и завоеваній, и наконецъ системѣ уголовныхъ законовъ, самой ясной, положительной и полной, какая только существуетъ у Азіатцевъ.» Съ другой стороны несправедливо было бы отрицать, что у нихъ есть пороки и недостатки, свойственные ихъ политическому и общественному быту.

«Тотъ же писатель сдѣлалъ весьма вѣрное замѣчаніе, что народъ, котораго письменность основана на древнѣйшихъ началахъ и котораго правительство патріархально, какъ въ первобытныя времена, долженствовалъ отдѣлиться отъ остальнаго человѣчества прежде той эпохи, когда символическое письмо замѣнилось алфавитнымъ, и патріархальная система — другими формами правленія. Но тѣ же особенности государственнаго устройства и языка, которыми запечатлѣна древность Китайскихъ установленій, могутъ, по мнѣнію нашему, объяснить для ума и продолжительность ихъ существованія. Теорія, совокупляющая въ одномъ лицѣ понятія отца и государя, первая представилась мысли человѣческой: въ основаніи своемъ она самая разумная, если бъ и не была лучшею въ приложеніи; а грамота, которая, не такъ, какъ наше силлабическое письмо, не допускаетъ измѣненій въ словѣ, могла искони придать высокую степень опредѣлительности и вѣрности смыслу народному чрезъ посредство литературы. Кто переводилъ на Китайскій языкъ съ другаго, тотъ знаетъ, какъ трудно передавать на немъ *чуждыя понятія* слогомъ яснымъ и простымъ.

«Есть еще одна первобытная и характеристическая черта, которую должно замѣтить въ распредѣленіи четырехъ сословій Китайскаго общества, то есть, уче-

ныхъ, земледѣльцевъ, фабрикантовъ и купцовъ. Классификація эта кажется довольно разумною и методическою, если обратить вниманіе на относительную постепенность четырехъ сословій въ ходѣ общественнаго быта.

«Во-первыхъ, высшая мудрость и знаніе, плоды опыта и лѣтъ, даютъ главнѣйшія права на уваженіе и почести.

«По мѣрѣ образованія людей, племена кочевыя становятся осѣдлыми и обращаютъ вниманіе на обработку земель, гдѣ они сѣли.

«Въ слѣдъ за размноженіемъ сырыхъ продуктовъ, основаніемъ городовъ и учрежденіемъ обмѣна между ими и селеніями, раждаются мануфактуры, и наконецъ накопленіе капиталовъ и развитіе мануфактуръ даютъ начало торговлѣ внутренней и заграничной.

«Однако жъ когда страна достигла извѣстной степени образованія, этотъ порядокъ — за исключеніемъ перваго разряда — дожно почитать чисто именнымъ; иногда бываетъ онъ совершенно противоположенъ тому, въ какомъ разныя сословія дѣйствительно состоятъ вразсужденіи другъ друга. Тутъ окажется вліяніе богатствъ, и какъ фабрики могутъ быть обильнѣйшимъ источникомъ дохода, чѣмъ земледѣліе, а торговые обороты сдѣлаться прибыльнѣе фабрикъ, то и первый классъ можетъ утратить значительность въ той мѣрѣ, въ какой прочіе ее пріобрѣтутъ. Вотъ отчего земледѣльцу въ Китаѣ мало пользы отъ уваженія, которое питаютъ къ званію его, хотя самъ императоръ однажды въ годъ прилагаетъ къ сохѣ свою высокую руку. Съ другой стороны богатый

купецъ своими сокровищами легко покупаетъ услуги и расположеніе людей самыхъ сильныхъ, какъ ни униженъ противъ другихъ именной разрядъ его теоретическими уставами того края. Между тѣмъ сословіе ученыхъ удерживаетъ за собой первенство надъ всѣми прочими, и члены его занимаютъ правительственныя мѣста.

«Наслѣдственный санъ безъ заслуги личной мало значитъ для своего обладателя. Потомки императорскаго Маньчжурскаго дома носятъ только желтый поясъ, но не пользуются никакою властію и получаютъ весьма умѣренный пенсіонъ, назначенный имъ на содержаніе. Съ размноженіемъ ихъ, члены дальнѣйшихъ отраслей впадаютъ въ нищету, если нѣтъ у нихъ дарованія или свѣдѣній на подмогу.

«При низверженіи послѣдней Китайской династіи, множество потомковъ императорскаго дома скинули желтый поясъ и искали спасенія въ неизвѣстности. Говорятъ, будто и теперь еще существуютъ отрасли поколѣнія Минь. Одинъ изъ членовъ его былъ въ услуженіи у многихъ іезуитовъ; если бъ удалось какое-нибудь возмущеніе противъ Маньчжурскаго дома, вѣроятно явились бы представители той знаменитой династіи.»

Императоръ, выходя изъ дворца, всегда окруженъ величественнымъ поѣздомъ. Часто онъ даетъ аудіенцію посламъ иностранныхъ державъ или подвластныхъ ему монарховъ въ палаткѣ, нарочно для того раскинутой въ саду. Передъ нею выстроены въ два ряда лица высокаго сана, каковы владѣтельные данники, государственные министры, начальники обла-

стей, высшіе чиновники судебной части. Шестнадцать человѣкъ несутъ императора на открытыхъ носилкахъ; впереди и позади его идутъ тѣ, кто по должности пользуется честію сопровождать его высокую особу (Л. XXIII — 1 и 2).

Пекинъ состоялъ прежде изъ одного города; но въ 1544 году, императоръ велѣлъ выстроить другой къ югу отъ перваго. Послѣдній назначенъ преимущественно для Маньчжуровъ, и оттого Европейцы называютъ его Татарскимъ городомъ, а первый Китайскимъ. Стѣны этого не такъ высоки, какъ стѣны Татарскаго. На воротахъ обоихъ городовъ большіе павильіоны; тѣ, что у Татарскаго города, красивѣе и выше; они съ тремя рядами бойницъ, но въ нихъ можно помѣстить только самую слабую артиллерію. Около дворца двѣ ограды: конъ-чинь, или внутренняя ограда, состоитъ изъ вала, отъ 25 до 30 футовъ въ вышину; ровъ, наполненный водою, окружаетъ стѣны, и къ воротамъ, которыхъ четверо, должно проходить черезъ мостъ; въ каждыхъ воротахъ по три хода, а надъ ними прекрасные павильіоны. Толщина стѣнъ подъ павильіонами значительна и можетъ простираться до 45 футовъ (Л. XVIII — 3).

Императорскій дворецъ весьма обширенъ и заключаетъ въ себѣ большіе сады. Гуляя въ нихъ, чувствуешь тягостное впечатлѣніе при видѣ искуственныхъ холмовъ, покрытыхъ деревьями и строеніемъ. Здѣсь, въ 1644 году, повѣсился послѣдній императоръ династіи Минь, узнавъ, что мятежники овладѣли Пекиномъ (Л. XXII — 1).

Въ полумилѣ отъ Пекина, подъѣзжая съ южной стороны, увидите влѣво квадратный павильіонъ въ два яруса, обнесенный стѣною о четырехъ воротахъ; за нимъ окружены оградою густые сады и, въ углубленіи, большая тріумфальная арка съ тремя аркадами. Этотъ памятникъ, воздвигнутый въ честь императора Цянъ-луня, имѣетъ около 50 футовъ въ вышину; онъ покрытъ; средняя аркада всѣхъ выше (Л. XVIII — 2).

Изъ числа праздниковъ, Китайцы торжествуютъ одинъ въ осеннюю пору: тутъ носятъ по улицамъ фонари, прозрачныя картины и огромныхъ бумажныхъ рыбъ. Четверо поддерживаютъ столъ, убранный плодами; посреди его на древесномъ суку маленькая дѣвочка, подлѣ нея другая, а впереди мальчикъ, наряженный старикомъ. Шествіе открывается музыкантами и людьми, которые пускаютъ шутихи при всякой остановкѣ. Жители домовъ, мимо которыхъ идетъ праздникъ, выставляютъ столы съ фруктами, бетелемъ и табакомъ, и подчиваютъ участниковъ шествія (Л. XVIII—4).

Миссіонеры изображали Китайцевъ народомъ крайне степеннымъ, веселящимся только по правилу и въ обстоятельствахъ, предписанныхъ обычаемъ. Они сознаются однако, что у него есть комедіанты, пьесы трагическія и комическія. Нѣтъ въ Китаѣ, какъ у насъ, общественныхъ театральныхъ зданій; но тамъ страстно любятъ это увеселеніе, его ищутъ и вельможи, и народъ. Бывши въ Пекинѣ, Тимковскій видѣлъ на одной улицѣ шесть театровъ одинъ возлѣ другаго. «На нихъ, говоритъ путешественникъ, даются представленія трагическія и комическія, съ пь-

ніемъ и музыкою, почти каждый день, начиная съ половины дня до вечера. Женскія роли играютъ мальчики, которые, какъ говорятъ, весьма искусно подражаютъ актрисамъ. За входъ въ театръ платятъ не болѣе 150 копѣекъ мѣдью. Для зрителей сдѣланъ партеръ и ложи: садятся на деревянныя скамейки за столы, на которые подаютъ посѣтителямъ отъ содержателей театра безденежно чай, правда, не самый лучшій, и тлѣющіяся свѣчки для раскуриванія трубокъ (Л. XIX — 1).»

Кукольныя комедіи привлекаютъ многочисленную толпу, какъ и у насъ. Одинъ изъ членовъ Голландскаго посольства, бывшаго въ Китаѣ въ 1795 году, говоритъ, что онѣ мало разнятся отъ Европейскихъ. «Сперва, продолжаетъ онъ, увидѣли мы несчастную принцессу, заточенную въ замкѣ; потомъ странствующій рыцарь сражался съ дикими звѣрьми и страшными драконами; онъ освободилъ принцессу, а она отдала ему въ награду свою руку. Свадьба праздновалась потѣшными битвами, турнирами и другими увеселеніями.

«Послѣ этого волшебнаго позорища, представляли комическую пьесу, гдѣ главную роль играли лица довольно схожія съ Полишинелемъ, мадамъ Жигонь и Скарамушемъ (Л. XX — 1).»

Плясуны на канатахъ и борцы являются въ придворныхъ увеселеніяхъ и, равномѣрно, потѣшаютъ простолюдиновъ. Китайцы до неистовства любятъ игру въ воланъ, но она подвержена у нихъ гораздо большимъ трудностямъ, нежели у насъ въ Европѣ. Они не употребляютъ ни рѣшетки, ни ладони, а вскидываютъ воланъ головою, локтями или ногой, и мало

того, что онъ долго не падаетъ наземь, игроки всегда почти успѣваютъ дать ему то направленіе, какое захотятъ. Продавцы волановъ на улицахъ почти такъ же многочисленны, какъ и торгующіе дѣтскими игрушками (Л. XX—2).

Послѣ всего этого не удивительно, что пляска медвѣдей и обезьянъ пользуется одинаковымъ преимуществомъ собирать около себя толпу народа. Тамошніе искусники заставляютъ этихъ животныхъ дѣлать почти тѣ же проказы, какъ и у насъ, и водятъ ихъ изъ города въ городъ (Л. XX — 3).

Наконецъ, въ числѣ Китайскихъ забавъ нельзя не упомянуть о волшебномъ фонарѣ. Онъ совершенно подобенъ нашему: представляетъ разныя чудеса и между прочимъ уморительныя вещи, потѣшающія не однихъ дѣтей, но и взрослыхъ (Л. XX — 4).

Китайцы путешествуютъ въ четырехколесныхъ возкахъ или въ портшезахъ. Но для перевоза пожитковъ и кипъ съ товарами употребляютъ, кромѣ муловъ, одноколесныя телѣжки. Онѣ точно такія, въ какихъ у насъ возятъ песокъ, только колесо гораздо болѣе и помѣщено въ центрѣ. Ось торчитъ изъ подъ кузова съ обѣихъ сторонъ и поддерживаетъ на двухъ стойкахъ рѣшетину, куда кладутъ тяжести, располагая ихъ равновѣсно. Одинъ человѣкъ везетъ такую телѣжку, но если кладь слишкомъ велика, другой тянетъ ее спереди. По произволенію, можно заложить въ нее мула, осла или лошадь. Она служитъ не только для перевоза вещей, но и для ѣзды Сѣдокъ помѣщается съ одной стороны, а съ другой кладутъ его пожитки, всегда соблюдая равновѣсіе (Л. XIX—3).

Мосты иногда бываютъ плоскіе, но вообще они съ обоихъ концевъ покаты; строятся же изъ камня, кирпича или изъ дерева. Тотъ, что пролегаетъ близь Су-чеу-фу, одного изъ окружныхъ городовъ области Цянъ-се, весьма красивой архитектуры; онъ о трехъ аркахъ, изъ которыхъ средняя гораздо выше двухъ остальныхъ. Этотъ мостъ производитъ прекрасный эффектъ среди плодородной и пріятной мѣстности, пересѣкаемой сѣтью каналовъ, оживленныхъ судоходствомъ самымъ дѣятельнымъ (Л. XIX — 2).

Европейцы назвали общимъ именемъ *бонзъ* всѣхъ Китайскихъ монаховъ, тогда какъ они дѣлятся на два разряда: одни, именуемые *тао-цзе*, суть послѣдователи Ляо-кыюма; другіе, *хо-чанъ*, держатся вѣроученія Фо, или Будды Число бонзъ весьма значительно; часто встрѣчаются монастыри, гдѣ ихъ по-крайней-мѣрѣ по сту, если не болѣе. Они не въ великомъ уваженіи, потому что ничего не дѣлаютъ; но какъ суевѣріе почти всеобще въ Китаѣ, то они мастерски имъ пользуются. Сборы, предпринимаемые ими въ городахъ и селеніяхъ, никогда не бываютъ безплодны, и монахи иначе не возвращаются въ монастырь, какъ отягченные дарами. Когда жъ замѣтятъ охлажденіе вѣрующихъ, тотчасъ согрѣваютъ ревность ихъ предсказаніемъ чудесъ и необычайностей, и продѣлками, способными ослѣпить простой народъ; предъ людьми являются они опоясанные толстыми цѣпями, которыя влачатъ за собою; они бѣгаютъ по улицамъ, ударяя въ звонкія металлическія пластинки, привѣшенныя къ шесту, который у нихъ на плечѣ; другіе стоятъ по цѣлымъ недѣлямъ у стѣны, упершись въ нее руками и вперивъ

глаза; наконецъ одинъ изъ нихъ когда-то катался въ бочкѣ, наполненной гвоздями, и потомъ продавалъ эти гвозди набожнымъ, которые съ охотою платили за нихъ деньги. Всѣ проказы удаются имъ какъ нельзя болѣе. Легковѣрный народъ даетъ деньги, а бонзамъ только это и надобно. Они строятъ храмы, посѣщаемые весьма часто; между-тѣмъ богатѣютъ, покупаютъ домы, земли, мызы и прочая (Л XVII—1).

Китаецъ, чувствуя приближеніе смерти, зоветъ бонзъ, и тѣ всегда обѣщаютъ ему счастливую будущность на томъ свѣтѣ. При погребеніяхъ, бонзы идутъ передъ гробомъ, несомымъ десятками двумя людей подъ балдахиномъ или такъ просто (Л. XXI—3 и 4). Доска, на которой написаны имена и титулы покойнаго такъ, какъ слѣдуетъ выставить ихъ на его могилѣ, помѣщается въ вызолоченномъ паланкинѣ, предъ которымъ возжигаютъ ароматъ. Потомъ идутъ дѣти и родственники усопшаго въ колпакахъ и верхнихъ платьяхъ изъ толстаго бѣлаго полотна; далѣе друзья и челядинцы, наконецъ женщины, одѣтыя въ такую же ткань, какъ и мужчины; онѣ громко рыдаютъ и плачутъ съ роздыхами, послѣ которыхъ опять начинаютъ вопить всѣ въ одинъ голосъ.

Могилу роютъ по указанію бонзъ; опустивъ въ нее гробъ, ее заваливаютъ землею съ известью и тщательно уминаютъ. Тутъ начинаются обряды; на могилѣ и около ставятъ благовонныя свѣчи и бумажные флюгера; жгутъ золотую бумагу, бумажныхъ лошадей, платье и людей, въ полной увѣренности, что эти приношенія сопутствуютъ мертвецамъ на томъ свѣтѣ.

По окончаніи обрядовъ, родня и знакомые идутъ въ палатки или павильіоны, устроенные невдалекѣ; отдыхаютъ, хвалятъ покойнаго и ѣдятъ кушанья, которыя ему предлагали. Послѣ трапезы, траурныя лица кланяются въ землю передъ могилой, а сынъ покойнаго отвѣчаетъ имъ поклонами; все это дѣлается въ глубокой тишинѣ.

Надгробную доску относятъ домой съ церемоніей. У богатыхъ ставятъ ее въ залу предковъ, а у бѣдныхъ—гдѣ удобнѣе, и два раза въ годъ курятъ предъ нею ладаномъ, положивъ напередъ земной поклонъ. Обряды эти совершаются весною; іезуиты допускали ихъ между новообращенными, зная какъ нерасчетливо было бы съ ихъ стороны запретить Китайцамъ обычаи, для нихъ столь дорогіе; миссіонеры другихъ духовныхъ орденовъ обвинили ихъ передъ Римскимъ дворомъ въ потворствѣ Китайскому идолопоклонству, Іезуиты проиграли тяжбу, но несогласія духовенства христіанскаго бросили въ Китаѣ черную тѣнь на проповѣдниковъ св. Евангелія.

Могилы часто занимаютъ большія пространства, иногда цѣлые холмы. На верху ставятъ одинъ или два камня съ надписями, далѣе каменныя изображенія мандариновъ, барановъ, тигровъ, слоновъ, а пониже лошадей въ полной сбруѣ. Могилы всегда дѣлаются за городомъ, и не дозволено помѣщать ихъ подлѣ жилищъ. Разъ или два въ году бываетъ на нихъ семья покойнаго; тутъ возобновляются знаки уваженія, благодарности и скорби точно такъ, какъ во время похоронъ. Вслѣдъ за тѣмъ ставятъ на могилу вино и

мяса, которыя составляютъ потомъ обѣдъ присутствующихъ (Л. XIX—4).

Этотъ праздникъ въ честь покойниковъ торжествуется въ седьмую луну, а иногда въ августѣ. Буддійскіе ламы совершаютъ надгробную службу; тутъ выставляются картины, на которыхъ изображено состояніе душъ по смерти, то есть, муки и страсти осужденныхъ, и различныя степени блаженства для тѣхъ, кто успѣлъ его заслужить.

Гробницы богатыхъ Китайцевъ обведены оградой и внутри обсажены кипарисами и туясомъ. Бѣдныхъ хоронятъ въ полѣ, но могилы ихъ также окружаютъ деревьями.

Во всѣхъ городахъ Китайскихъ увидите большіе храмы Фо. Одинъ изъ великолѣпнѣйшихъ выстроенъ императоромъ къ западу отъ Пекина. Здѣсь-то жилъ и кончилъ дни свои банчень-эрдени, вызванный монархомъ въ 1780 году изъ Тибета. Еще показываютъ постель, на которой онъ испустилъ дыханіе; для вѣрующихъ она тоже родъ святыни.

Но зданіе это уступаетъ въ пышности тому, которое, по приказанію Цянъ-луня, выстроено въ Іе-го, или Чинъ-те, городѣ, лежащемъ на 40 миль къ сѣверозападу отъ Пекина, и которому онъ далъ названіе Бу-да лы. Оно состоитъ изъ многихъ зданій; главное имѣетъ видъ квадрата, котораго каждая сторона простирается на 200 футовъ; оно отлично отъ всѣхъ произведеній Китайскаго зодчества; фасадъ его, напоминающій архитектуру Европы, изященъ своею простотой; онъ о девяти ярусахъ. Въ средоточіи квадрата, образуемаго этимъ храмомъ, возвышается золо-

тая часовня, названная такъ по обилію золота, употребленнаго на украшенія и статуи, равно какъ и на отдѣлку крыши. Восемь сотъ ламъ состоятъ на службѣ при этомъ капищѣ (Л. XXI—3).

Другой знаменитый монастырь находится на островѣ Цинъ-шанѣ (то есть, золотомъ), омываемомъ водами Янь-цзе-кіана. Рѣка здѣсь около мили шириной; островъ принадлежитъ въ частную собственность императору. Кромѣ монастыря, онъ покрытъ множествомъ загородныхъ домовъ и очаровательными садами; но большую часть населенія составляетъ духовенство (Л. XXIII—3).

Плывя по той же рѣкѣ, нельзя воздержаться отъ удивленія при видѣ скалы Куань-гіэна. Она изъ дикаго мрамора и возвышается на 600 футовъ поверхъ воды. У подошвы ея обширная пещера служитъ храмомъ и жилищемъ для ламъ религіи Фо. Капище о двухъ ярусахъ; туда всходятъ, держась за поручни, высѣченныя въ стѣнахъ пещеры. Бока утеса круты до такой степени, что только водою можно приступить къ этому убѣжищу, котораго видъ вселяетъ невольный ужасъ (Л. XXIII—4).

Мандарины, обязанные по дѣламъ службы къ путешествіямъ въ разныя части имперіи, совершаютъ ихъ то сухимъ путемъ въ носилкахъ, то водою на великолѣпныхъ катерахъ; филёнги и отборки этихъ судовъ украшены живописью и лаками съ чуднымъ разнообразіемъ. Двойной зонтикъ, раскинутый на палубѣ, павильонъ и столъ, украшающіе корму, все показываетъ санъ и могущество мандарина. Всѣ встрѣчныя суда сторонятся изъ уваженія, какъ скоро завидятъ

эти знаки; если бъ кто осмѣлился задержать мандарина, тотъ немедленно получилъ бы законное наказаніе (Л. XXI—2).

Къ западу отъ Гань-чжеу-фу, главнаго города области Чже-кіана, простирается озеро Сіу, омывающее стѣны этого города; оно окружено лѣсистыми горами и живописными долинами, въ числѣ коихъ замѣчательна Гробовая долина, называемая такъ по множеству могилъ, которое она въ себѣ вмѣщаетъ (Л. XXII—2).

Мы выше видѣли, что миссіонарій Брюгьеръ прошелъ за Великую стѣну въ Шанъ-ша-кхунскія ворота. Далѣе къ сѣверу, Англичане срисовали ворота Кубей-ку. Въ этомъ мѣстѣ древній оплотъ имперіи подымается на весьма высокія горы, которыхъ верхи, восходя на 500 тоазовъ противъ поверхности океана, кажутся вовсе неприступными. Многія башни уже развалились, но Китайцы тщательно поддерживаютъ тѣ, которыя служатъ защитою проходамъ (Л. XXI — 4).

Тхянъ-цзинъ, котораго имя означаетъ «небесное мѣсто», есть главный городъ одного изъ округовъ области Бей-чжи-ли, лежащій въ 25 миляхъ къ юго-востоку отъ столицы, на высотѣ, при слитіи рѣкъ Бей-хо и Гу-то-хо; онъ окруженъ плодоносными полями. Здѣсь производится значительный торгъ, и рѣка, которая, двѣнадцать миль ниже, впадаетъ въ Фуньхай, безпрестанно покрыта джонками и ладьями. Отсюда, посредствомъ каналовъ, товары расходятся въ отдаленнѣйшія провинціи, а сюда стекаются тѣ, которые предназначены для столицы. При слитіи рѣкъ, на косѣ, стоитъ башня, въ 35 футовъ вышиною: основа ея каменная, верхъ кирпичный. Здѣсь располо-

женъ военный отрядъ, и часовые, стоя на рундукѣ, извѣщаютъ сигналами ближніе караулы обо всемъ, что бы ни случилось (Л. XXI — 1).

Китайскій берегъ окраенъ множествомъ островов, но мы ограничимся важнѣйшими, считая ихъ отъ сѣвера къ югу.

Цзонъ-минь, при устьѣ Янъ-цзе-кіаня, заключаетъ въ себѣ копи каменной соли, составляющей предметъ обширнаго торга съ сосѣдственными странами. Цзонъ-минь такъ пріятенъ, что заслуживаетъ прозвище золотаго острова. На немъ много храмовъ; главный городъ его укрѣпленъ; деревни такъ часты, что представляютъ какъ-будто сплошную массу жилищъ.

Чжеущанскіе острова образуютъ большой архипелагъ, хорошо воздѣланный. Они вообще гористы и раздѣлены между собою узкими, но глубокими проходами; видъ ихъ заставляетъ полагать, что они соединялись нѣкогда съ твердымъ берегомъ, и отдѣлены отъ него какимъ нибудь сильнымъ естественнымъ переворотомъ.

Горно-каменная порода ихъ — красный и сѣрый гранитъ; на видъ они вообще безплодны, между тѣмъ, говорятъ, что островъ Пу-ту настоящій рай; онъ населенъ одними монахами, которыхъ, сказываютъ, до 5000. Другой островъ также обитаемъ и покрытъ зеленью, но на немъ нѣтъ другихъ деревъ, кромѣ малорослаго дуба и елокъ. Лоуань, одинъ изъ самыхъ большихъ, имѣетъ, по расказамъ Китайцевъ, около 10,000 жителей. Пристань главнаго острова, Чжеу-шана, въ трехъ миляхъ отъ материка, обширна и безопасна. Островъ занятъ преимущественно рыболовами.

Къ юговостоку отъ Китая, противъ Фу-цзянской области, лежитъ островъ Тхай-уанъ, называемый Пакахимба по-туземному и Формозою у Европейцевъ. Онъ отдѣленъ отъ материка соименнымъ ему каналомъ, шириною въ тридцать миль.

Формоза простирается отъ 21° 55' до 25° 20' сѣверной широты. Длина ея отъ сѣверо-сѣверо-запада къ юго-юго-востоку равняется девяносту миль; наибольшая ширина — тридцати пяти милямъ; поверхность — 5,000 миль квадратныхъ. Та-шанъ (большая гора) перерѣзываетъ ее отъ сѣвера къ югу и естественно раздѣляетъ на двѣ части, на восточную и западную. Многія вершины этого хребта долго остаются подъ снѣгомъ; пріемля въ соображеніе южность широты, можно заключить отсюда о значительной высотѣ ихъ. Въ горахъ находятся теплые и сѣрные источники, также нѣкоторыя озера, но, по расказамъ путешественниковъ, вода въ ручьяхъ и рѣкахъ нагорной страны вредна и даже смертоносна для иноземцевъ.

Берега Формозы, особенно восточные, вообще круты и чрезвычайно картинны; водопады катятся съ высоты скалъ. Западные берега изрѣзаны прекрасными заливами и пристанями; рощи, огромныя деревья, украшаютъ скаты горъ; этотъ восхитительный видъ внушилъ Португальцамъ названіе Формозы (прекраснаго острова). Но, рядомъ съ такими прелестями, Формоза представляетъ страшныя опасности. Она подвержена землетрясеніямъ, и то, которое случилось въ 1782 году, было ужасно; море въ проливѣ такъ поднялось, что островъ былъ двѣнадцать часовъ подъ водою; множество жителей лишилось

жизни, города были снесены, тма судовъ всякаго размѣра были поглощены или разбиты волнами. Бури часто случаются въ водахъ, омывающихъ Формозу, и мореплаваніе тамъ грозитъ опасностью.

Съ другой стороны климатъ здоровый и умѣренный. Плодоносныя равнины обильно производятъ всѣ жизненныя потребности, сахаръ, чай и строевой лѣсъ; Формоза ведетъ значительную торговлю съ Фуцзяномъ.

Западная часть подвластна Китайцамъ; главный городъ, Тхай-уанъ, богатъ, многолюденъ и защищается крѣпостью, построенною Голландцами въ то время, какъ они заняли этотъ край острова.

Островитяне восточной части въ вѣчной враждѣ съ Китайцами. Эти почти дикіе аборигены походятъ обликомъ и цвѣтомъ на Малайцевъ, и говорятъ особымъ нарѣчіемъ. Хижины у нихъ изъ бамбуку, и вся одежда состоитъ въ запонѣ; они вытравляютъ себѣ на кожѣ изображенія деревьевъ, цвѣтовъ или животныхъ; питаются сарацинскимъ пшеномъ и дичью; они такъ проворны, что ловятъ ее на бѣгу; впрочемъ съ большою ловкостью метаютъ стрѣлы и копья. Живутъ они въ деревняхъ подъ начальствомъ одного или нѣсколькихъ старшинъ.

На юговостокъ отъ Формозы, острова Ламайскіе, или Сіу-ліу-кхіу, хорошо воздѣланы; главный изъ нихъ образуетъ острую, но лѣсистую гору; прочіе суть утесы, выходящіе изъ воды.

Острова Пхенъ-гу, названные отъ Португальцевъ Пескадоресъ (рыбацкими), наполняютъ южную часть

пролива между Формозой и материкомъ; они каменисты и безплодны; самый большой населенъ рыбаками и имѣетъ хорошую пристань; Китайцы содержатъ на немъ гарнизонъ.

Къ югозападу, отъ устья рѣки Кантона, островъ Шонъ-Чуэнъ (Самчу), именуемый Сансіаномъ въ путешествіяхъ миссіонеровъ, знаменитъ въ лѣтописяхъ католичества; на этой скалѣ, обитаемой одними рыбаками, умеръ 2 декабря 1552 года Францискъ-Ксаверій, который за ревностное распространеніе христіанства на Коморинскомъ берегу, въ Малаккѣ, на Молуккскихъ островахъ и въ Японіи, стяжалъ имя апостола Индѣйскихъ странъ.

Обширнѣйшій островъ у южнаго берега Китая — Гаи-нанъ; длина его отъ сѣвера къ югу около осьмидесяти миль, ширина — тридцать, окружность — сто шестьдесятъ. Восточный берегъ вообще крутъ и каменистъ, южный иззубренъ прекрасными заливами; сѣверозападный низменъ и простирается подъ водой въ песчаныхъ рифахъ. Въ срединѣ сотитъ гора, У-чжишанъ, достигающая облаковъ своей вершиною; отъ нея идутъ вѣтви во всѣ стороны, а между ихъ лежатъ плодоносныя долины и поля, орошаемыя ручьями.

Находясь въ знойномъ поясѣ, Гаи-нанъ имѣетъ жаркій климатъ, однако жъ дѣйствіе солнечныхъ лучей умѣряется морскими вѣтрами, частыми туманами и обильными росами; благотворная влага ихъ поддерживаетъ свѣжесть прозябенія. Островъ вообще плодоносенъ; внутри добывается руда, а на берегахъ его выдѣлываютъ соль морскую.

Китайцы занимаютъ прибрежную часть острова; изъ природныхъ жителей, нѣкоторые признаютъ надъ собою власть ихъ, другіе находятся почти въ дикомъ состояніи. На южномъ и на восточномъ берегахъ есть хорошія пристани; главное селеніе Тань-чжеу, гдѣ живетъ губернаторъ.

Островъ Гаи-нанъ образуетъ къ востоку заливъ Тонъ-кинскій.

ГЛАВА XXXIII.

Государство Аннамъ, или Тонъ-Кинъ. Кохинхина. Ціампа. Камбоджъ, и часть Лаоса.

Аннамское государство граничитъ къ сѣверу съ Китаемъ, отъ котораго отдѣляется обширною, едва проходимою пустыней; къ сѣверозападу съ Тонъ-Кинскимъ заливомъ; къ востоку и югу съ Китайскимъ моремъ; къ югозападу съ Сіамскимъ королевствомъ. Оно содержится между 8° 45′ и 23° 1′ и между 117° 47′ и 127 восточной долготы. Длина его отъ сѣвера къ югу составляетъ триста семьдесятъ миль, ширина отъ востока къ западу — полтораста; поверхность 39,400 миль квадратныхъ.

Королевство Тонъ-кинъ самая сѣверная изъ земель, составляющихъ Аннамскую державу; оно же и самая важная, многолюднѣйшая часть ея. Гранича къ востоку съ заливомъ, которому сообщаетъ названіе, оно покрыто на сѣверѣ и западѣ высокими горами, и въ средней, части своей, которая стелется обширною равниной, прорѣзано большой рѣкою Санъ-коемъ, текущею съ сѣверозападной стороны; другія, менѣе значительныя, рѣки стремятся, подобно ей, въ заливъ Тонъ-кинскій. Берега этого края индѣ высоки и угрюмы, индѣ низменны и понимаются разливомъ рѣкъ. Санъ-кой, ежегодно выступая изъ русла, служитъ для нея источникомъ плодоносія; на берегахъ

его, въ двадцати пяти миляхъ отъ устья, лежитъ Ке-шо или Бакъ-кинъ, столица намѣстника. Она обширна и окружена только бамбуковой оградой; улицы широки, отчасти вымощены голышемъ; но въ срединѣ оставлена земля въ облегченіе слонамъ и вьючнымъ животнымъ. Домы, по большей части, деревянные или глиняные, нѣкоторые изъ камня или кирпичу; всѣ крыты пальмовымъ листомъ, тростникомъ и мохомъ. Городъ производитъ обширный торгъ; рѣка всегда покрыта джонками и ладьями. Миссіонеры писали во время оно, что Ке-шо такъ же многолюденъ, какъ Парижъ; но, по новѣйшимъ извѣстіямъ, населенность его простирается, говорятъ, не свыше 40,000.

Кохинхина, къ югу отъ Тонъ-кинскаго королевства, на западѣ окраена высокими горами, и имѣетъ небольшое протяженіе оттуда къ морю на востокъ, гдѣ часть берега представляетъ рядъ крутыхъ и живописныхъ яровъ, образующихъ естественный оплотъ противъ напоровъ Океана. Узкая полоса земли, имѣющая только мѣстами нѣсколько миль въ поперечникѣ, удобна для воздѣлки, и покрыта городами и селеніями; къ сѣверу берегъ понижается; на югѣ есть превосходные заливы и пристани безопасныя. Рѣки не имѣютъ длиннаго теченія; важнѣйшая изъ нихъ Гюэ (Юэ); на лѣвомъ берегу лежитъ соименная ей столица, которую природные жители называютъ Пху-кхуанъ, а Китайцы—Сунъ-уа.

Городъ Гюэ въ двухъ миляхъ отъ морскаго берега и выстроенъ какъ Ке-шо, впрочемъ великъ и укрѣпленъ. Наружныя и внутреннія укрѣпленія прочно воздвигнуты Французскими инженерами. Англійскій

путешественникъ Финлесонъ (Finlayson) въ особенности замѣтилъ житницы, магазины, казармы, арсеналы сухопутные и морскіе; большая часть этихъ зданій возвышается на берегахъ судоходнаго канала, пересѣкающаго городъ. Ровъ, опоясывающій Гюэ, имѣетъ три мили въ окружности и сто футовъ въ ширину; стѣны въ шестьдесятъ футовъ вышиною; валы уставлены 1,200 пушекъ; городъ защищаетъ сверхъ-того квадратная цитадель. Въ Гюэ есть пушечный литейный дворъ и корабельныя верфи, гдѣ строятся военныя суда, одни по образцу Европейскому, другія представляютъ смѣсь Европейскаго съ Азіатскимъ. Гарнизонъ многочисленъ. Королевскій дворецъ великъ и тяжелъ на видъ; украшенія его хотя и странны, но богаты до чрезвычайности.

Въ пятнадцати миляхъ къ югу отъ Гюэ находится заливъ Туранъ или Ганъ-санъ, окруженный высотами; долины, лежащія въ промежуткахъ, изобилуютъ сарацинскимъ пшеномъ. Когда приближаешься съ юга, взоры всего прежде поражаетъ купа мраморныхъ скалъ, кажущихся обширнымъ уединеннымъ за́мкомъ, который, посредствомъ низменной и узкой косы, примыкаетъ къ высокому мысу, увѣнчанному двумя коническими вершинами неравной величины и имѣющему нѣсколько миль въ протяженіи. Обогнувъ этотъ мысъ, входите въ заливъ глубокій и безопасный; рыбы въ немъ множество. Въ южную оконечность залива впадаетъ рѣка, ведущая къ городу Турану. Теперь это много что посадъ, а прежде Туранъ былъ складочнымъ мѣстомъ для торга съ Китайцами; междоусобныя войны привели его въ нынѣшній упадокъ. Однако жъ

рынокъ еще хорошо снабженъ разнаго рода припасами и товарами, и въ пристань ходитъ довольно судовъ.

Морской рукавъ, простирающійся къ юго-юго-востоку, соединяетъ Туранскій заливъ съ заливомъ Фай-фо, который входитъ въ море особливымъ устьемъ. Городъ Фай-фо, или Гюэ-ганъ, лежащій на маленькой рѣчкѣ Ганъ, былъ прежде важнымъ торговымъ мѣстомъ. Теперь считается въ немъ не болѣе 15,000 жителей; подобно Турану, онъ много пострадалъ отъ междоусобныхъ войнъ. Торговыя дѣла, по большой части, въ рукахъ Китайцевъ, и джонкъ ихъ увидите болѣе всѣхъ другихъ судовъ въ красивомъ заливѣ Фай-фо (Л. XXIV — 2).

Продолжая плаваніе на югъ, достигаешь маленькой области Ціампы или Бинхъ-туама, упоминаемой знаменитымъ путешественникомъ Марко-Поло. Бо́льшая часть ея занята еще независимыми племенами, которыя слывутъ за воинственныхъ. Въ полосѣ, признающей власть Аннамскаго императора, есть только немного деревень: главныя изъ нихъ Пханари и Падаранъ, обѣ на маленькой губѣ, близъ рѣчнаго устья.

Камбоджъ, самое южное изъ королевствъ, составляющихъ Аннамскую имперію, граничитъ на востокъ высокими горами, простирающимися къ югу до моря. Исходящія отъ нихъ Чампаванскія горы идутъ съ сѣверовостока на юговостокъ и оканчиваются на берегахъ Мей-кана. Къ западу отъ крайняго рукава этой рѣки лежитъ купа острововъ Линь-кинъ-пофо. Говорятъ, что Мей-канъ выходитъ изъ Юнъ-нана, Китайской области; вступивъ въ Камбоджъ, котораго прі-

емлетъ онъ названіе и который пересѣкается имъ отъ сѣвера къ югу, Мей-канъ дробится на многіе рукава и своими ежегодными и правильными разлитіями напояетъ плодоносіемъ всю эту землю. Онъ судоходенъ на значительное разстояніе отъ моря. Острова его дельты, ближайшіе къ Океану, одѣты чащами.

Камбоджъ, или Левекъ, въ семидесяти миляхъ отъ моря, на острову рѣки Мей-кана, главный городъ всего края. Онъ очень упалъ противъ прежняго. Голландцы имѣли здѣсь контору до 1643 года. Пеномпинь, нѣсколько миль ниже, городъ важный и вторая столица имперіи.

Сайгонъ или Диндже, выстроенный на носу, у слитія двухъ рукавовъ Доннная въ двадцать одной милѣ отъ устья этой рѣки, самый торговый городъ во всемъ Камбоджѣ; въ срединѣ, на холмѣ, возвышенномъ на 60 футовъ надъ рѣкою, стоитъ цитадель, окруженная глубокимъ рвомъ, подъ защитою 250 пушекъ. Сѣверо-Американскій путешественникъ Вайтъ (White), видѣвшій ихъ въ 1823 году, сказываетъ, что многія изъ нихъ литы въ Европѣ. Въ сѣверовосточной части города арсеналъ, который можетъ выдержать сравненіе со многими изъ нашихъ. Пристань часто посѣщается Португальцами и Китайцами; каналъ соединяетъ Доннай съ Мей-каномъ; онъ выкопанъ въ теченіе шести недѣль: 26,000 рабочихъ трудились надъ нимъ день и ночь посмѣнно; болѣе 7000 погибло отъ утомленія. Переѣздъ отъ Сайгона къ морю совершается часто во время полой воды на лодкахъ, управляемыхъ обыкновенно женщинами. Въ Сайгонѣ полагаютъ до 100,000 жителей.

Къ западу отъ устья Мей-кана, впадаетъ въ море рѣка Канкао, или Атхіенъ, омывающая городъ того же имени и, посредствомъ рукава, сливающаяся въ половодье съ Мей-каномъ. Въ 1822 году, этотъ природный каналъ расширенъ и сдѣланъ судоходнымъ. Городъ Атхіенъ, на правомъ берегу его, имѣетъ 5000 жителей, въ числѣ которыхъ есть Кохинхинцы, Камбоджцы, нѣсколько Китайцевъ и Малайцевъ. Въ началѣ XVII вѣка, городъ Понтхіамасъ, котораго имя быть-можетъ только испорчено изъ Атхіена, былъ основанъ однимъ Китайскимъ купцемъ и сдѣлался столицею небольшой державы, производившей дѣятельную торговлю съ иностранцами. Понтхіамасъ разоренъ въ 1717 году набѣгомъ Сіамцевъ, и Атхіенъ выстроенъ вмѣсто его. Здѣшній край перешелъ во владѣніе Аннама. Французскій путешественникъ Пуавръ (Poivre) говорилъ о немъ, называя его Понтхіамасомъ. Онъ представляетъ его существовавшимъ еще въ 1742 году.

Аннамъ обладаетъ частію Лаоса, которою протекаетъ Мей-канъ, къ западу отъ Тонъ-кина. Въ ней замѣчательны города Ганніе, Тіемъ и Сампадура, столицы мелкихъ владѣній.

Путешественники упоминали еще о Бао, или Боатонѣ, какъ данникѣ Тонъ-кину. Наконецъ, въ высокихъ долинахъ горъ, отдѣляющихъ Китай отъ этого края и принадлежащихъ къ бассейну Мей-кана, живутъ многія свирѣпыя племена, между коихъ Моисы, или Муисы, и Муаньцы отличаются своей многочисленностью и обширностію своихъ земель. Нѣкоторыя дѣлаютъ частые набѣги на Кохинхинскія владѣнія.

Говорятъ еще объ Лоайесахъ, населяющихъ верхнія долины Ціампы; всѣ эти племена повинуются независимымъ начальникамъ.

Многіе острова принадлежатъ Аннамскому государству: къ юго-юго-востоку отъ Гаи-нана простирается длинная гряда Парасельскихъ скалъ, весьма опасныхъ мелями и песчаными наносами, которые ихъ окружаютъ; они необитаемы, но какъ на нихъ производится обильная ловля черепахъ и рыбы, то императоръ Аннамскій велѣлъ овладѣть ими въ 1816 году безъ малѣйшаго прекословія со стороны своихъ сосѣдей.

Близъ Туранскаго залива есть много гранитныхъ островов, между прочимъ Пуло-Кантонъ или Коллао-рой, и Хамъ-коллао. Весь берегъ въ направленіи къ югу окраенъ островами также каменистыми. Въ двадцати пяти миляхъ на югъ отъ устья Мей-кана лежитъ островъ Пуло-Кондоръ, имѣющій четыре мили въ длину и три четверти мили въ ширину; у восточнаго берега есть хорошее якорное мѣсто, образуемое проходомъ, который отдѣляетъ Пуло-Кондоръ отъ его маленькаго близнеца. Этотъ гористый островъ, окруженный многими мелкими сосѣдями, вовсе лишенъ источниковъ; но, не смотря на безплодность свою, имѣетъ нѣсколькихъ жителей, удалившихся съ сосѣдняго материка и скудно живущихъ бататами и нѣкоторыми другими произведеніями почвы. Англичане напрасно пытались водвориться на немъ въ 1702 году, намѣреваясь сдѣлать его пристанищемъ тайнопровозной торговли съ Китаемъ.

Пуло-уби въ пяти миляхъ къ югу отъ Камбоджскаго мыса, равномѣрно окруженъ каменной, но лѣсистою грядой.

Въ Тонъ-кинѣ, дожди начинаются въ низменныхъ равнинахъ съ маія и перестаютъ въ августѣ; лѣтніе жары часто чрезмѣрны, а напротивъ въ декабрѣ, январѣ и февралѣ холодъ суровъ и непріятенъ по причинѣ тумановъ. У здѣшнихъ береговъ ураганы и тифоны свирѣпствуютъ съ такой же яростью, какъ въ моряхъ Японскихъ; они становятся рѣже вдоль Кохинхинскаго берега, особенно къ югу отъ 16 градуса широты, и вовсе неизвѣстны на берегахъ Камбоджа. Впрочемъ климатъ Сайгона и Гюэ весьма здоровъ по отзывамъ Европейцевъ, жившихъ тамъ лѣтъ по тридцати и болѣе.

Они же говорятъ, что въ Кохинхинѣ сильнѣйшій жаръ не простирается свыше тридцати одного градуса по Реомюру, а зимою не бываетъ ниже одиннадцати. Однако жъ холодъ ощутительнѣе, чѣмъ можно было бъ полагать при такомъ стояніи термометра; это происходитъ отъ обилія періодическихъ дождей, наступающихъ въ концѣ октября и идущихъ до марта. Высокія горы, которыя, къ югу отъ параллели Гюэ, подымаются до облачныхъ предѣловъ, причиняютъ, подобно всѣмъ горамъ, имѣющимъ то-же направленіе между тропиками, полное измѣненіе въ порядкѣ годовыхъ временъ, смотря по тому, какъ лежитъ край, къ востоку или къ западу отъ Китая. Когда Англійскій посланникъ Крофордъ (Crawfurd) отправился изъ Сай-гона 4 сентября 1821 года, тогда господствовалъ югозападный муссонъ, и дожди были на исходѣ, но онъ не успѣлъ еще выѣхать изъ Гюэ и Турана, какъ они начались съ сѣверовосточнымъ муссономъ въ первыхъ числахъ октября. «Съ 5-го по 12-е октября,

говоритъ Финлесонъ, сопровождавшій Крофорда, за исключеніемъ развѣ одного или двухъ дней, дождь лилъ почти безпрерывно въ такомъ обиліи, что періодическіе дожди, на которые насмотрѣлись мы ближе къ экватору, въ Бенгалѣ и Сіамѣ, казались противъ здѣшняго вовсе назначащими. Дождь лилъ рѣкою часто по двое сутокъ сряду; онъ сопровождался немногими молніями, и во все это время дулъ крѣпкій сѣверовосточный вѣтръ; барометръ, котораго состояніе прежде мало измѣнялось, постепенно понизился и не поднялся до тѣхъ поръ, пока прекратились дожди. Термометръ стоялъ почти безъ перемѣны на 77° 5′ (то есть на 20 градусахъ Реомюра).

«Вскорѣ послѣдовало наводненіе, и, въ короткое время, занимаемыя нами комнаты находились на нѣсколько пальцевъ отъ воды, которая залила уже другія части дома. Сосѣди наши, жившіе на той же улицѣ, были еще въ худшемъ положеніи: вода достигла къ нимъ въ покои. Всѣ разъѣзжали на лодкахъ по тѣмъ самымъ улицамъ, гдѣ на канунѣ еще ходили по сушѣ. 26 Октября разразился тифонъ, вмѣстѣ съ ливнемъ, продолжавшимся цѣлыя сутки; онъ былъ такъ силенъ, что Туранскій заливъ, совершенно укрытый отъ ярости урагана окрестными горами, наполнился слоемъ прѣсной воды, которой начерпали себѣ для питья матросы наши, и которую скотъ пилъ у берега».

Что касается до Камбоджа, состоящаго изъ низменныхъ равнинъ, влажное время года длится тамъ съ конца маія и начала іюня до сентября; тогда же бываютъ грозы и вмѣстѣ съ ними то, что называется здѣсь зимою; остальные восемь мѣсяцевъ воздухъ те-

пелъ, ясенъ и чистъ. Въ Сайгонѣ, къ концу августа, суточная средняя температура равнялась двадцати одному градусу, слѣдственно была весьма умѣренна.

Минералогія этой страны извѣстна только вдоль берега; всюду, гдѣ приставала экспедиція Крофорда, главныя горы состояли изъ гранита и сіенита, менѣе высокія цѣпи — изъ кварца, известняка и мрамора. Камбоджъ бѣденъ металлами; онъ производитъ немного желѣза, но получаетъ его изъ Тонъ-кина, Сіама и Сингапура. Металловъ такъ же немного и въ Кохинхинѣ, хотя жители и говорятъ, будто есть серебряныя и оловяныя руды у мыса Аварельи. Напротивъ того, Тонъ-кинъ обладаетъ желѣзомъ, золотомъ и серебромъ въ изобиліи.

Китайскій купецъ, бывавшій въ Тонъ-кинѣ и видѣнный Крофордомъ въ Гюэ, сказывалъ ему, что желѣзные рудники въ шести дняхъ пути отъ Кешо, и что металлъ этотъ тамъ очень дешевъ и отпускается на всю Кохинхину, за исключеніемъ Сайгона, куда доставляетъ его Сіамъ. Золотые и серебряные рудники на двѣнадцать дней пути отъ Кешо. Послѣдніе даютъ ежегодно по сту пикъ (около 370 пудовъ) металла. Что касается до золота, количество его неизвѣстно, потому что много вывозится тайкомъ въ Китайскія области Юнъ-нань и Куань-си. Оловяныхъ рудъ не обработываютъ.

Такъ какъ и во всѣхъ восточныхъ краяхъ Азіи, лежащихъ къ югу отъ Китая, руды добываются жителями этой имперіи, приходящими изъ Фу-цзяна, Кіань-нана и Гаи-нана. Число Китайскихъ горнорабочихъ полагаютъ до 30,000 человѣкъ.

Главное изъ полезныхъ растеній есть сарацинское пшено, составляющее основу пищи для жителей; одинъ родъ этого пшена можетъ прозябать даже на сухой почвѣ и не требуетъ иной воды, кромѣ дождевой; его сѣятъ въ концѣ декабря, не пройдетъ трехъ мѣсяцевъ, и оно даетъ обильную жатву. Обработываютъ также Турецкое пшено, завилецъ и батоту. Кокосъ и арека * обыкновенныя деревья; плоды ихъ отправляются въ Китай. Лучшіе Кохинхинскіе плоды суть померанцы и личи **. Сахарный тростникъ составляетъ богатство этой земли; ежегодно вывозятъ его отъ 20 до 60,000 пиковъ (отъ 75 до 225,000 пудовъ), большую часть въ Китай.

По мнѣнію Крофорда, настоящій коричневый лавръ есть урожденецъ горъ, лежащихъ къ сѣверозападу отъ Фай-фо; дерево это тамъ разводятъ, и кора его, привозимая на торги, чрезвычайно ароматна и маслиста. Въ Китаѣ, здѣшнюю корицу предпочитаютъ Цейлонской.

Въ Тонкинѣ и Кохинхинѣ занимаются разведеніемъ чаю, но получаемое количество недостаточно для потребленія, и нуженъ подвозъ изъ Китая. Хлопчатую бумагу собираютъ во всей имперіи, и отправляютъ много ея въ Китай. Камбоджъ производитъ хорошій кардамонъ, анисъ и перецъ.

Лѣса наполнены превосходнымъ деревомъ для построекъ и столярной работы; замѣчательны сао (nunclea orientalis), текъ, особый родъ ели, черное,

* Арека дерево, принадлежащее къ роду пальмъ. Зерно его жуютъ въ Остъ-Индіи съ бетелемъ и известкою, отчего слина становится красна и благовонна.

** Мясистый, односѣменный плодъ, покрытый жесткою бугорчатою кожею.

розовое, орлиное, лаковое, гумми-гутное дерево, и многія другія.

Въ Камбоджѣ собирается мало шелку; напротивъ въ Тонъ-кинѣ и Кохинхинѣ его такъ много, что изъ него дѣлаютъ канаты корабельные. Вездѣ увидите бѣлый шелковичникъ, особенно въ окрестностяхъ Гюэ. Тонъ-кинскій шелкъ считается лушимъ въ имперіи, но уступаетъ Китайскому. Въ послѣднее время много его привозили въ Европу.

Буйволъ, быкъ, лошадь, свинья, коза, слонъ, собака и кошка суть домашнія животныя въ Аннамѣ. Буйволъ обыкновенно употребляется при земледѣліи; быковъ запрягаютъ въ соху только тамъ, гдѣ почва рыхлая и сухая. Крофордъ часто видалъ въ лѣсахъ слѣды дикихъ слоновъ и тигровъ. Путешественникъ замѣтилъ также леопардовъ, медвѣдей, обезьянъ породы, называемой *дукъ*, оленей, дикихъ кошекъ и носороговъ. Рогъ послѣдняго въ такомъ уваженіи, что между дарами, врученными Англійскому послу, было четыре рога въ золотой оправѣ. Жители держатъ куръ, фазановъ и утокъ.

Населеніе Аннамской имперіи полагаютъ до 12,000,000 душъ; Тонъ-кинъ—часть самая многолюдная; жители его говорятъ однимъ языкомъ съ Кохинхинцами, употребительнымъ также во всемъ Камбоджѣ съ нѣкоторыми разностями въ нарѣчіи. Въ него вошло много Китайскихъ словъ; пишутъ на немъ также по Китайски. Вся имперія исповѣдуетъ буддизмъ. Капища Будды или Фо многочисленны, но жалки видомъ; иногда изображеніе его ставятъ въ кіотахъ, устроенныхъ между банiановыхъ вѣтвей (Л. XXIV — 1).

Обликомъ Аннамиты очень похожи на Китайцевъ; но глаза у нихъ не наискось. «Ростомъ, прибавляетъ Г. Финлесонъ, они вообще невелики. Борода у нихъ, какъ и у всѣхъ сосѣднихъ племенъ, принадлежащихъ къ желтой породѣ, рѣдка, неблаговидна, но закручена; волосы на головѣ жесткіе, прямые и черные; цвѣтъ желтоватый, туловище толстое и короткое, оконечности здоровыя. Рѣдкіе изъ нихъ очень темнокожи, а многія женщины не смуглѣе большей части южныхъ Европеекъ.

«Лобъ у Аннамцевъ маленькій и узкій, щеки полны, нижняя часть лица широка; весь обликъ почти совершенно круглый, и это особенно замѣчается у женщинъ, которыя слывутъ тѣмъ пригожей, чѣмъ болѣе приближаются къ округлости. Глаза у здѣшнихъ жителей маленькіе, черные и круглые; вѣки не отвисли у нихъ какъ у Китайцевъ, и это придаетъ имъ такую живость, какой у послѣднихъ вовсе нѣтъ. Носъ у Аннамца малъ, но красивъ; ротъ большой, губы выпуклыя, но не толстыя; борода очень рѣдка, но прибрана съ величайшимъ тщаніемъ. Есть Аннамцы, у которыхъ едва ли наберется двѣнадцать волосъ на всей бородѣ; усы нѣсколько гуще. Шея у нихъ вообще короткая. Къ этому должно присовокупить, что въ строеніи головы ихъ столько красоты, и въ выраженіи лица столько гармоніи, живости, ума и веселости, что напрасно было бы искать чего-нибудь подобнаго у Китайцевъ или у Сіамцевъ.

«Аннамецъ приземистъ тѣломъ, грудь у него широка и хорошо развита; бедра широкія; верхнія оконечности длинны, но хорошо сложены; лядвен ко-

ротки и весьма крѣпки. Рѣдко имѣетъ онъ наклонность къ толщинѣ. Члены у него хотя велики, однако не тучны. Мышечная система въ полномъ развитіи; особенно голень всегда велика и складна.

«Нарядъ Кохинхинцевъ можно описать въ немногихъ словахъ. Всѣ они носятъ платье, не смотря на то, что живутъ не только въ тепломъ, но даже въ знойномъ климатѣ: самобѣднѣйшій человѣкъ одѣтъ по крайней мѣрѣ съ головы до колѣнъ. Чалма составляетъ любимую принадлежность туалета; она всегда креповая, у мужчинъ чернаго, у женщинъ голубаго цвѣта; въ траурѣ, она бѣлая (Л. XXIV — 3).

«Просторная туника, похожая на рубашку съ широкими рукавами, достающая почти до колѣнъ и застегиваемая съ праваго боку, составляетъ главную часть одѣянія; ихъ обыкновенно носятъ двѣ, подъ низомъ — шелковая; впрочемъ число ихъ увеличивается смотря по состоянію температуры. Женскій нарядъ почти такой же, только полегче; у обоихъ половъ шаровары разноцвѣтныя; бѣдные носятъ иногда платье толстое бумажное, но предпочитаютъ дешевыя шелковыя ткани. Богатые одѣваются въ Китайскіе и Тонъ-Кинскіе шелки, и носятъ башмаки, привозимые изъ Китая.

«Въ сильные дожди, у торговыхъ людей есть нарядъ, хорошо охраняющій отъ мокроты, и быть-можетъ, нѣтъ въ мірѣ края, гдѣ онъ былъ бы такъ необходимо нуженъ. Онъ изъ пальмовыхъ листовъ, плотно сшитыхъ и не пропускающихъ дождя: это шляпа въ видѣ корзины, отъ двухъ съ половиною до трехъ футовъ, и болѣе, въ поперечникѣ, которая

опускается на плеча и завязывается подъ бородою. На туловище надѣвается фуфайка безъ рукавовъ. Одѣтый такимъ образомъ, Аннамецъ продолжаетъ работать почти безпрерывно, какъ будто и не замѣчая, что дождь льетъ на него ручьемъ.

«Жевать бетель, курить и даже жевать табакъ — общій вкусъ здѣшняго народа; люди высшаго класса не выпускаютъ сигары изъ роту; група Аннамцевъ всегда прикрыта облакомъ дыма. Въ Кохинхинѣ домы велики и удобны, выстроены обыкновенно изъ глины и покрыты черепицею, рѣдко пальмовымъ листомъ. Внутреннее расположеніе довольно странно: передняя половина — родъ открытой залы, гдѣ принимаютъ гостей, исправляютъ свои дѣла и продаютъ товары, если хозяинъ торгуетъ; въ глубинѣ стоитъ жертвенникъ и другія богослужебныя эмблемы. Покои находятся въ задней половинѣ и расположены четыреугольными комнатами, открытыми съ одной только стороны. Постели состоятъ изъ площадки, приподнятой на футъ отъ полу и устланной рогожами.

«Аннамцы кротки, ласковы, незадорны, и хотя любятъ воровать, однако рѣдко случаются у нихъ смертоубійства. Они вѣжливы, упредительны и внимательны къ чужестранцамъ, и во всѣхъ поступкахъ своихъ оказываютъ такую искреннюю учтивость, какая вовсе неизвѣстна большинству другихъ обитателей южной Азіи. Притомъ они живы и веселы, шутливы, услужливы и гостепріимны, и по природѣ добры и простодушны; но забыть какую нибудь статью церемоніала, предписываемаго обычаемъ, сдѣлать противъ него малѣйшую ошибку, дѣйствительную или мнимую, это

влечетъ за собой немедленную кару: бамбукъ очищаетъ всѣ грѣхи.

«Покорность, съ какою они подвергаются этому унизительному наказанію, поистинѣ заслуживаетъ удивленіе. Послушанію ихъ нѣтъ границъ: ни словомъ, ни дѣломъ не обнаруживаютъ они ни малѣйшаго сопротивленія произвольному приговору, произносимому надъ ними; не удивительно, если такая система наконецъ исказила имъ душу и сдѣлала ихъ хитрыми, робкими, плутоватыми, лживыми, суетными, безстыдными, шутливыми, взыскательными и — жестокими, когда они увѣрены въ безнаказанности. Малѣйшій отпоръ, самое легкое изъявленіе твердости въ ту минуту, какъ они расходятся и раскричатся, приводитъ ихъ къ смиренію, простирающемуся до подлости. Не смотря на то, нельзя не признать, что они отъ природы совѣстливы, искренны и умны, — качества, которыя, при болѣе человѣколюбивомъ правленіи, вскорѣ доставили бы имъ почетную степень между народами.

«Они очень неопрятны сами, во всемъ, что ихъ окружаетъ и въ пищѣ, которую они ѣдятъ; тщеславіе ихъ выходитъ изъ всѣхъ предѣловъ, и они считаютъ себя первымъ народомъ въ свѣтѣ послѣ Китайцевъ, которымъ еще уступаютъ преимущество. Упрекали ихъ въ распутной жизни; но, при людяхъ, оба пола обходятся между собою скромно и вѣжливо. Слабости замужнихъ женщинъ возбуждаютъ, по словамъ путешественниковъ, общее негодованіе, и законы наказываютъ ихъ съ строгостію безмѣрной. Что касает-

ся до незамужнихъ, имъ предоставлена величайшая свобода, и голосъ общества порицаетъ только употребленіе ея во зло.

«Правленіе совершенно деспотическое и въ теоріи и на практикѣ. Законы, говоритъ Крофордъ, тѣ же, что въ Китаѣ, но исполняются хуже и произвольнѣе, чѣмъ тамъ. Бамбукъ и битье по пятамъ — единственныя обуздательныя средства, которыя въ безпрестанномъ дѣйствіи. Родители употребляютъ ихъ на дѣтей, мужья на женъ, офицеры на солдатъ; законъ не различаетъ въ этомъ отношеніи природнаго жителя съ иностранцемъ.

«Подобно Китайцамъ, говоритъ Финлесонъ, Аннамиты соблюдаютъ обряды почитанія предковъ и уважаютъ память родныхъ. Обычай этотъ можно назвать единственной чертою вѣры, замѣтною для пріѣзжаго. У нихъ нѣтъ духовенства, которое наставляло бы въ религіи. Есть нѣсколько Талапоиновъ, но они вовсе не въ чести. Высшія сословія приняли вѣру Конфуція, которая есть чистый деизмъ. Что касается до толпы, она предана грубымъ суевѣріямъ и поклоняется геніямъ хранителямъ и демонамъ.» Крофордъ и не подумалъ бы, что она исповѣдуетъ буддизмъ, если бъ не увидѣлъ разныхъ статуй великаго Будды.

Земледѣліе не такъ цвѣтуще, какъ въ Китаѣ. Выдѣлка бѣлыхъ бумажныхъ тканей весьма живо идетъ въ Тонъ-кинѣ; но тамъ не знаютъ искуства печатать на нихъ узоры. Да народъ и не любитъ ситцевъ. Красильщика нѣтъ ни одного. Шелковыя мануфактуры значительны. Лакъ, доставляемый деревомъ, которое Лурейро назвалъ *aupia*, посылается въ Китай; его

приготовляютъ также дома, и лаковыя вещи принадлежатъ къ обыкновеннѣйшимъ. Умѣютъ присоединять къ нему золотыя украшенія и выкладывать его перломутромъ. По мнѣнію Финлесона и Крофорда, Тонъ-Кинскій лакъ лучше и прочнѣе Японскаго.

Съ давнихъ поръ Аннамцы умѣютъ лить и обработывать металлы, но эта отрасль промышлености не сдѣлала у нихъ большихъ успѣховъ; они напримѣръ не могутъ приготовлять для себя огнестрѣльнаго оружія, потому что не знаютъ искусства закаливать въ мѣру сталь; однако жъ они очень хорошо подражаютъ издѣліямъ иностранцевъ. Съ помощію Французскихъ инженеровъ, они дошли до того, что лили пушки въ арсеналѣ города Гюэ и придали новый видъ артиллеріи, морской силѣ и укрѣпленіямъ. Европейцы снабжаютъ ихъ ружьями. Золотая работа худо полируется за недостаткомъ хорошихъ образцевъ; филогранныя вещи дѣлаются съ большою утонченностью.

Аннамцамъ возбраненъ выѣздъ изъ имперіи безъ разрѣшенія государя; получивъ его, они отправляютъ суда въ Китай, въ пристани Малайскаго пролива и въ Сингапуръ. Будучи смѣлы, дѣятельны, трудолюбивы, сильны, послушны, они могутъ быть отличными мореходами. Морская торговля между разными частями имперіи весьма значительна; прибрежное судоходство занимаетъ болѣе 2,000 джонкъ. Входъ въ Тонъкинскія пристани запрещенъ кораблямъ Европейскимъ; они могутъ входить только въ Туранъ, Сай-ганъ и Фаифо.

Доходы имперіи простираются до 90,000,000 франковъ; они состоятъ изъ подушныхъ, поземельныхъ, разныхъ другихъ податей, и таможенныхъ пошлинъ. Правительство обладаетъ монополіей сахару, корицы, кардамона, орлинаго дерева и нѣкоторыхъ другихъ предметовъ. Говорятъ, будто у государя значительная казна. Каждый Аннамитъ отъ осмнадцати до шестидесятилѣтняго возраста обязанъ военной службою и находится въ распоряженіи правительства постоянно. По истеченіи трехлѣтія, солдатъ можетъ возвратиться домой; въ Тонъ-кинѣ положено семь лѣтъ сроку. Войско состоитъ изъ 90,000 человѣкъ; 800 слоновъ принадлежатъ къ его обозу; изъ числа ихъ 130 находятся въ столицѣ. Кавалеріи почти нѣтъ. Морская сила, состоявшая прежде изъ однѣхъ канонерскихъ шлюпокъ и галеръ, снабжена теперь трехмачтовыми кораблями и бригами. Солдатамъ выдаютъ жалованье деньгами и паекъ сарацинскимъ пшеномъ; они навидъ воинственнѣе тѣхъ, которыхъ видѣлъ въ 1792 году путешественникъ Барро (Barrow) (Л. XXIV—4).

У Аннамцевъ любимая забава — театръ; въ этомъ согласны между собою всѣ путешественники. За входъ не платятъ ничего: комедіанты даютъ или частныя представленія за положенную сумму, или играютъ публично въ балаганѣ. Въ такомъ случаѣ, зрители, вмѣсто того, чтобъ рукоплескать актерамъ, кидаютъ имъ мелкую монету. Есть правильныя драмы и нѣчто въ родѣ интермедій. Въ послѣднихъ, речитативъ часто смѣшанъ съ веселыми аріями, заключающимися общимъ хоромъ въ сопровожденіи очень шумной, однако жъ не непріятной музыки. Хоры танцовщицъ вы-

полняютъ граціозныя па, гдѣ немного дѣйствуютъ ногами, но обнаруживаютъ прелести своего тонкаго стана; и положенія, даваемыя ими головѣ, рукамъ и туловищу, приводятъ въ восторгъ всякаго, кто на нихъ смотритъ. Костюмы фантастическіе; въ большей части пьесъ, нѣкоторый родъ паяцца играетъ главную ролю. Пьеса длится отъ трехъ до шести дней или вечеровъ, съ надлежащими промежутками (Л. XXV—1 и 2).

Первые путешественники Португальскіе, достигшіе оконечностей Азіи, посѣтили разныя земли, составляющія Аннамскую державу. Въ началѣ XVI вѣка, миссіонеры прибыли въ Кохинхину, Тонъ-кинъ, Камбоджъ, Ціампу, и проповѣдывали Евангеліе. Съ того времени здѣсь всегда было нѣсколько христіанъ; нынѣ считаютъ ихъ до 300,000. Несмотря на гоненія, возникавшія на нихъ по временамъ, они оставались тверды при своей вѣрѣ. Александръ де Родесъ (Rhodez), Марини, Борри, Тиссанье́, Коффлеръ и другіе напечатали описанія здѣшнихъ странъ, о которыхъ мы имѣемъ свѣдѣнія и отъ другихъ путешественниковъ, каковы Демпиръ (Dampier), Пуавръ, и наконецъ отъ гг. Лангле́ и Биссащера, которые въ наше время исполняли тамъ священный долгъ проповѣдниковъ. Пиньо де Беэнъ (Pigneau de Béhaine), епископъ Адранскій, важными услугами, которыя оказалъ законному властителю въ долгой и упорной войнѣ противъ мятежниковъ, стяжалъ Французскому имени любовь въ этихъ отдаленныхъ предѣлахъ. Смерть епископа была несчастіемъ для Аннамской державы и вмѣстѣ повредила торговымъ сношеніямъ, какія Французы могли бы учредить съ

этою страной, весьма удобной по положенію своему на оконечности Азіи для поддержки сообщеній ихъ съ краями, надѣленными отъ природы изобиліемъ.

Англійское посольство, на пути въ Китай, останавливалось въ 1793 году на нѣсколько дней въ Туранской пристани; Г. Крофордъ посѣтилъ Гюэ въ 1822 году, въ качествѣ посланника; его собственныя замѣчанія, записки врача его экспедиціи, г. Финлесона, очерки Дж. Уайта (White), морскаго офицера Сѣверо-Американскихъ Штатовъ, посѣтившаго Сай-гонъ и другія Аннамскія пристани, наконецъ замѣтки Французскаго капитана Лапласа, жившаго въ 1831 году довольно долго въ Туранѣ, доставили намъ объ этомъ краѣ драгоцѣнныя свѣдѣнія. Описанія разныхъ наблюдателей согласны между собою въ главномъ. Но поелику не всѣ они смотрѣли на вещи съ одинаковой точки зрѣнія, то, разумѣется, сужденія ихъ, иногда несходны, отчасти даже противорѣчатъ одно другому.

ГЛАВА XXXIV.

Королевство Сіамъ.

Къ западу отъ Аннама лежитъ королевство Сіамъ, сопредѣльное на сѣверъ съ Китаемъ, на западъ съ Бирманскою имперіей и отнятыми у нея Англійскими областями, на югъ съ Океаномъ и владѣніями Малайскими. Этотъ край, находясь почти въ срединѣ восточнаго полуострова Индіи, содержится между 6 и 19° сѣверной широты, и между 117 и 121° восточной долготы. Длина его 335 миль, средняя ширина 60, поверхность 15,000 миль, квадратныхъ.

Заливъ, которому королевство Сіамское даетъ названіе, углубляется далеко въ земли. Особенно восточный берегъ его окраенъ многочисленными островами, которые, по выраженію Финлесона, образуютъ какъ бы узкій и длинный поясъ. Материкъ такъ низменъ, что на разстояніи нѣсколькихъ миль видны только деревья, а не земля, тогда какъ острова, возвышенные слишкомъ на 1000 футовъ, поражаютъ взоры издалека; они гранитные съ примѣсью глины и горшечнаго камня. Чѣмъ далѣе къ сѣверу, тѣмъ сильнѣе становится прозябеніе, и тропическіе лѣса расточаютъ всю свою роскошь.

Миновавъ устье рѣки Канкао, увидите островъ Коконь, обитаемый Сіамцами, Камбоджцами и Кохинхин-

цами; равномѣрно и Ко-чань, лежащій далѣе на сѣверъ.

Потомъ прійдете къ устью рѣки, ведущей къ Шантибону, важнѣйшему городу на восточномъ берегу и главному въ провинціи, составлявшей нѣкогда часть Камбоджа; это одинъ изъ знатнѣйшихъ городовъ въ королевствѣ; высокія горы, обширные лѣса, плодоносныя поля и долины пріятно разнообразятъ мѣстоположеніе. Шантибонская пристань удобна и безопасна, къ несчастію, входъ въ рѣку затрудненъ баромъ, такъ что она доступна лишь для малыхъ судовъ. Произведенія края отправляются въ Банкокъ, ибо законы воспрещаютъ частнымъ людямъ торговлю съ иностранцами.

Далѣе, найдете заливъ Конъ-каденъ, гдѣ населенность значительна; но отсюда до мыса Ляйянта (Lyant) видны только дремучіе лѣса и жителей очень мало. Малайскіе пираты съ острова Тринкано и другихъ простираютъ набѣги свои досюда.

Городъ Бань-па-фо, лежащій при устьѣ Бань-пакона и одного изъ рукавовъ большой Сіамской рѣки Менамъ, защищается свайною перемычкой. Острова Си-чанъ самые сѣверные у этой части берега; главный изъ нихъ имѣетъ хорошую пристань.

Новѣйшія свѣдѣнія о Сіамскомъ королевствѣ обнародованы г. Крофордомъ, посланникомъ Бенгальскаго генералъ-губернатора, и врачемъ посольства Финлесономъ.

«21 Марта 1822 года, говоритъ послѣдній, увидѣли мы нѣсколько Китайскихъ джонкъ, на якорѣ въ устьѣ Менама, и къ вечеру сами бросили якорь.

На другой день, лоцманъ съ одного изъ Китайскихъ судовъ явился на корабль и сказалъ намъ, что слѣдуетъ послать за туземнымъ лоцманомъ въ Пакнамъ, деревню близъ рѣчнаго устья; сомнѣваюсь, говорилъ онъ, чтобы корабль вашъ могъ пройдти баромъ. Старшій боцманъ отправился съ письмомъ отъ г. Крофорда къ главному начальнику села. Онъ былъ очень хорошо принятъ и воротился на другой день съ плодами, присланными въ даръ, но безъ писемъ. Между тѣмъ, испросили разрѣшеніе въ Банкокѣ, и лоцманъ получилъ приказъ провести насъ къ столицѣ.

« Корабль прошелъ не безъ затрудненія; Менамъ около Англійской мили шириною въ устьѣ; бросили якорь передъ Пакнамомъ, гдѣ рѣка въ три четверти мили шириною и очень глубока; берега низменны и лѣсисты.

« 26 Числа, человѣкъ, одѣтый почти какъ Европейскіе матросы, явился съ предложеніемъ услугъ въ качествѣ переводчика. Онъ принадлежалъ къ разряду жителей, извѣстныхъ въ Индіи подъ общимъ именемъ Португальцевъ; шляпа и двѣ или три принадлежности Европейскаго одѣянія даютъ кажется право на этотъ титулъ, хотя бы наряженный такимъ образомъ былъ совершенный негръ. Тотъ, о которомъ идетъ дѣло, говорилъ весьма бѣгло по-Португальски, но зналъ плохо Англійскій языкъ. Онъ требовалъ отъ лица Пакнамскаго губернатора, чтобъ фрегатъ выгрузилъ свои пушки. Ему возразили, что этого не сдѣлалъ однако жъ бывшій тутъ Португальскій фрегатъ; онъ отвѣчалъ, что на то было особое разрѣшеніе

правительства. Вмѣстѣ съ этимъ, онъ пригласилъ г. Крофорда къ обѣду отъ имени губернатора.

« Такое объявленіе казалось не весьма добрымъ предзнаменованіемъ для успѣховъ посольства. Что касается до особы, величавшей себя титломъ Пакнамскаго губернатора, она была не очень важна: подъ начальствомъ ея состояло нѣсколько бѣдныхъ рыбацкихъ деревушекъ. Говорили, что пріѣдетъ какой-то значительный человѣкъ, однако онъ не являлся. Капитанъ фрегата, съѣхавъ на берегъ, уговорилъ губернатора послать на корабль своего племянника, который былъ принятъ съ надлежащею почестью. Онъ былъ нагъ отъ плечь до пояса, — такъ одѣваются всѣ вообще; онъ не обратилъ вниманія ни на фрегатъ, ни на новые предметы, которые увидѣлъ; поѣлъ конфектъ, выпилъ ликеру, просилъ Г. Крофорда на берегъ и, поговоривъ съ полчаса, отправился. »

На другой день, посланникъ, въ сопровожденіи многихъ Англичанъ, съѣхалъ съ корабля и шелъ пѣшкомъ съ большою церемоніей. Толпа стариковъ, женщинъ и дѣтей разинула ротъ на иностранцевъ. Племянникъ губернатора принималъ ихъ и повелъ по тѣсной улицѣ, вымощенной бревнами. Губернаторскій домъ былъ бѣдной наружности; деревянная лѣстница вела въ маленькій дворикъ передъ жильемъ. Губернаторъ сидѣлъ въ отверзтой залѣ, оклеенной Китайскими обоями, убранной Голландскими зеркальцами и лоскутьями цвѣтной бумаги. При появленіи посланника, онъ всталъ и указалъ ему, гдѣ сѣсть. Черезъ минуту подали обѣдъ, приготовленный по-Европейски. Губернаторъ нѣсколько разъ бывалъ въ Бенга-

лѣ; онъ говорилъ о разныхъ предметахъ часа два, и когда Англичане стали откланиваться, онъ дружески пожалъ имъ руки.

28 Марта пришло дозволеніе идти вверхъ по рѣкѣ, и фрегатъ немедленно поднялъ якорь. «Берега Менама, говоритъ Финлесонъ, были по-прежнему низменны; чрезвычайное множество аттапа придавало имъ живописный видъ; далѣе, почва была покрыта бетелемъ, безъ сомнѣнія, дикорастущимъ, ибо мѣста были слишкомъ низки для воздѣланія. Кустарникъ состоялъ изъ разныхъ породъ ротану *, бамбуку и высокихъ травъ; еще далѣе обширныя поля открылись влѣво; они казались безплодными, ибо жатва уже кончилась; поверхность ихъ въ осьми или десяти футахъ отъ воды. Намъ сказывали, что въ дождливую пору ихъ заливаетъ фута на два или на три; слѣдственно они вполнѣ удобны для посѣвовъ сарацинскаго пшена. Крутояръ постоянно опушенъ бамбукомъ; мѣстами, маленькіе, но чистые домики, казавшіеся не болѣе трехъ футовъ въ вышину, были окружены полями арековыхъ, бананныхъ и кокосовыхъ деревьевъ. Вправо отъ Менама, на берегу видны только кустарники; но яры и здѣсь довольно круты. Глубина перемѣнная, отъ 30 до 60 футовъ вдоль берега; илъ крѣпокъ и долженъ быть очень хорошъ для удобренія. Москиты безпокоили насъ до смерти.

«29-го, на самомъ разсвѣтѣ, представилось намъ любопытное зрѣлище. Челноки, изъ которыхъ въ

* Тростникъ, изъ котораго дѣлаются палки, извѣстныя у насъ подъ именемъ натуральныхъ.

большей части было только по одному человѣку, шныряли во всѣ стороны; наступалъ часъ торга, и все кипѣло дѣятельностью. Здѣсь, одинъ или нѣсколько буддійскихъ ламъ отправлялись собирать подаяніе; тамъ старая баба продавала по мелочи бетель, бананы и горлянки; тутъ ѣхали ладьи, нагруженныя кокосами; далѣе Сіамцы ходили изъ дому въ домъ по своимъ дѣламъ. Но всего удивительнѣе были для насъ пловучіе домы, расположенные въ восемь, десять и болѣе рядовъ отъ самаго берега. Они изъ досокъ, продолговатой формы и очень хорошо прилажены; на рѣку выходитъ у нихъ площадка, гдѣ разложены товары, плоды, мясо, сарацинское пшено и другія вещи; это настоящій пловучій базаръ, на которомъ продаются всѣ произведенія той страны и Китая. По концамъ, домы привязаны къ длиннымъ бамбуковымъ кольямъ, воткнутымъ въ рѣку, и весьма легко передвигать ихъ по желанію; при каждомъ есть маленькій челнокъ. Пловучіе дома въ этой части города заняты повидимому купцами и ремесленниками; изъ числа ихъ сапожные мастера почти исключительно Китайцы. Жилища эти весьма невелики, футовъ въ тридцать длины и въ пятнадцать шириною; они всѣ въ одинъ ярусъ, подняты на футъ отъ рѣки, и покрыты пальмовымъ листомъ; въ срединѣ большая комната, гдѣ разложены товары, а по бокамъ одна или двѣ поменѣе. При отливѣ, когда рѣка весьма быстра, въ лавкахъ бываетъ мало дѣла; тогда хозяева или спятъ, или сидятъ, небрежно прислонившись къ стѣнкѣ, или наконецъ наслаждаются досугомъ какъ-нибудь иначе. Несмотря на то, во всякую пору дня множество ло-

докъ снуютъ взадъ и впередъ; онѣ легки и притомъ такъ узки, что быстро идутъ противъ теченія на широкихъ веслахъ; въ длинныхъ лодкахъ часто бываетъ отъ осми до десяти веселъ съ каждой стороны. Китайцевъ повидимому очень много; здѣсь, какъ и вездѣ, они отличаются промышленостью и дѣятельностью необычайной.»

По прибытіи Англичанъ въ Банкокъ, двое дѣтей, племянники перваго министра, принесли въ даръ посланнику конфектъ и плодовъ. Они были весьма чисто одѣты отъ пояса до самыхъ ногъ, а туловище было у нихъ посыпано какимъ-то желтоватымъ порошкомъ изъ Индѣйскаго шафрану или изъ тертаго сандалу; ихъ золотыя ожерелья, съ цвѣтными каменьями, и другія украшенія въ этомъ родѣ, были недорогой цѣны. Подобно прочимъ дѣтямъ въ Индіи, они были очень умны для своихъ лѣтъ и вели себя съ удивительной развязностью и приличіемъ.

По полудни, первый, по главномъ министрѣ, сановникъ, явился за генералъ-губернаторскимъ письмомъ, которое завернули въ матерію, затканную золотомъ, и положили на прекрасную золотую чашу.

На аудіенціи у одного министра, Англичане были поражены раболѣпствомъ его челядинцевъ; они все время лежали простершись на полу въ нѣкоторомъ отдаленіи, и когда онъ обращался къ нимъ, они не смѣли на него взглянуть, но приподымали голову и, касаясь лба сложенными руками, произносили отвѣтъ тихо и смиренно, не отводя глазъ отъ полу.

Черезъ нѣсколько дней Англичане были приняты побочнымъ сыномъ короля, принцемъ Хромачитомъ,

въ обширной залѣ, убранной по-Китайски. Подобно всѣмъ вельможамъ того края, онъ былъ весьма тученъ и здоровъ. Онъ управляетъ всѣми государственными дѣлами; должностныя лица являются къ нему по два раза въ день. Когда, послѣ многократныхъ совѣщаній, условились на счетъ церемоніала, какой наблюдать въ присутствіи короля, посланникъ сѣлъ въ придворныя лодки; мѣсто высадки не отличалось ни удобствомъ, ни чистотой, а между тѣмъ оно было у воротъ дворцовыхъ. Англичанъ помѣстили въ паланкины и пронесши такимъ образомъ саженъ шестьдесятъ, спустили у воротъ нижняго двора; они сняли свои шпаги и оставили тутъ сипаевъ (Индѣйскихъ солдатъ), которые ихъ сопровождали; потомъ они шли пѣшкомъ черезъ разные дворы, окруженные довольно красивыми зданіями, до обширной залы, передъ которой выстроены были въ порядкѣ восемь слоновъ. Англичане сѣли на коврѣ въ этой залѣ, наполненной худо одѣтыми людьми, которые очень шумѣли. Бамбукъ вскорѣ угомонилъ ихъ. Черезъ полчаса Англичане пошли далѣе промежъ двухъ строевъ солдатъ съ плохими ружьями и очень худо одѣтыхъ. Достигнувъ одной двери, Англичане сняли башмаки: нѣкоторымъ не дозволили идти далѣе; прочіе отправились къ другой двери, передъ которой музыканты играли по своему на разныхъ инструментахъ, впрочемъ не безъ пріятности. Солдаты, вооруженные щитами и сѣкирами, составляли очень сжатый фронтъ, выстроенный передъ нѣсколькими слонами; наконецъ посольство вошло въ пріемную. Китайскія ширмы заслоняли входъ: обошедъ ихъ, разсмотрѣли залу,

которая была обширной величины и убрана причудливо, но великолѣпно. За исключеніемъ пространства футовъ въ двадцать квадратныхъ передъ трономъ, она была набита людьми всѣхъ состояній, размѣщенными соотвѣтственно ихъ чинамъ.

«Занавѣсъ, передъ трономъ, говоритъ Финлесонъ, былъ отдернутъ, когда мы вошли; вся толпа преклонилась къ землѣ, чуть не касаясь пола устами; всѣ оставались неподвижны и въ безмолвіи; это болѣе походило на эпитимію передъ божествомъ, чѣмъ на знакъ покорности раболѣпнаго народа.

«Футовъ на двѣнадцать отъ полу и футахъ въ шести позади занавѣса, нишъ подъ сводомъ былъ освѣщенъ именно въ той мѣрѣ, сколько было нужно для обличенія взору человѣка, сидящаго на тронѣ, съ глазами, уставленными впередъ, точно статуя Будды. Монархъ былъ одѣтъ въ золотую парчу. На головѣ у него не было ни короны, ни инаго украшенія: эмблемы царской власти помѣщались подлѣ него; впрочемъ ни одна драгоцѣнность не отличала ни особы его, ни трона. Люди, стоявшіе внизу за занавѣсомъ, вѣяли большими опахалами для освѣженія воздуха.»

Англичане, увидѣвъ тронъ, сняли шляпы и поклонились по Европейскому обычаю; затѣмъ посадили ихъ на коверъ. Чиновникъ, котораго скрывалъ занавѣсъ, прочелъ списокъ подарковъ, присланныхъ генералъ-губернаторомъ; тогда король, человѣкъ весьма здоровый, но не тучный, обратился съ разными вопросами къ посланнику, котораго достигали они черезъ нѣсколько лицъ, передававшихъ другъ другу слова королевскія потихоньку; такъ же поступали и

съ отвѣтами посланника. Во время этой бесѣды, принесли бетелю въ серебряныхъ вазахъ и золотыхъ чашечкахъ. Минутъ черезъ двадцать, король поднялся уйдти, и занавѣсъ опять задернули; все собраніе вскрикнуло благимъ матомъ и каждый, повертываясь на колѣняхъ, преклонялся много разъ, касаясь то лба, то земли сложенными руками. Принцы и министры наконецъ сѣли. При выходѣ изъ аудіенцъ-залы, каждый изъ Англичанъ удостоился получить по дрянному зонтику, какихъ на базарѣ можно имѣть за рупію (два рубля съ четвертью). Это былъ царскій подарокъ.

Затѣмъ повели ихъ по всѣмъ отдѣленіямъ дворца. Прогулка эта длилась около двухъ часовъ: прежде шелъ сильный дождикъ, на дворахъ была грязь и мокрота́, и несмотря на то, имъ не отдали башмаковъ, сколько они объ этомъ ни просили. Они видѣли зато бѣлыхъ слоновъ, которыхъ такъ много уважаютъ Сіамцы, и которымъ служатъ съ такимъ вниманіемъ; видѣли и другихъ рѣдкостныхъ звѣрей, именно обезьянъ совершенно бѣлыхъ; наконецъ ввели ихъ въ обширный храмъ, и передъ отпускомъ изъ дворца угощали конфектами и возвратили имъ обувь. На слѣдующей аудіенціи у министра, прочитанъ былъ вслухъ списокъ подарковъ, назначенныхъ королемъ Остъ-Индскому генералъ-губернатому. Домогательства Англичанъ заключить торговый договоръ на правомѣрныхъ условіяхъ были тщетны. 14 Іюля вступили они подъ паруса и отправились въ Кохинхину.

Европейцы могли осмотрѣть только низовья Менама и края́, орошаемые его устьемъ. Горы видѣли

они известковыя; изъ нихъ-то получаетъ Банкокъ свои строевые матеріалы. Безъ сомнѣнія, есть и другіе пласты въ горахъ отдаленнѣйшихъ; путешественники разсказывали объ оловяныхъ, золотыхъ, мѣдныхъ, свинцовыхъ и въ особенности о желѣзныхъ рудахъ: онѣ разработываются весьма небрежно, потому что не Китайцы трудятся надъ ними. Въ песчаныхъ намывахъ попадаются драгоцѣнные камни.

Сіамцы сказывали Французскому путешественнику Ла Люберу (La Loubère), что страна ихъ отъ востока къ сѣверу ограждена высокими горами, отдѣляющими ее отъ Лаосскаго королевства, а съ сѣверной и западной стороны другимъ хребтомъ. Эта двойная цѣпь высотъ оставляетъ въ промежуткѣ большую долину, которая мѣстами миль въ восемьдесятъ шириной и орошается рѣкою Менамомъ.

Годъ раздѣляется на три времени: *на-нау* (начало холода), декабрь и январь; *на-рунъ* (начало тепла), февраль, мартъ, апрѣль; *на-ру-якъ* (начало жару). Съ маія по декабрь Сіамцы ощипываютъ свои деревья, подобно тому какъ зимній холодъ обнажаетъ ихъ въ другихъ мѣстахъ. Среди зимы у нихъ по крайней мѣрѣ такъ же тепло, какъ у насъ среди лѣта. Они всегда укрываютъ садовыя растенія отъ жару, оставляя ихъ на вольномъ воздухѣ только во время наводненій; но на самихъ жителей уменьшеніе тепла дѣйствуетъ почти такъ же непріятно, какъ на насъ порядочный морозъ. Перволѣтье у нихъ весна, а осени они вовсе не знаютъ. Они считаютъ у себя одно большое лѣто, хотя могли бы кажется считать два, потому что солнце два раза бываетъ у нихъ прямо надъ головою.

Зима здѣсь суха, а лѣто дождливо. Безъ дивнаго опредѣленія Промысла, по которому солнце въ знойномъ поясѣ всегда влечетъ за собою облака и дожди, а вѣтеръ постоянно дуетъ отъ одного изъ полюсовъ, здѣшній край былъ бы необитаемъ отъ чрезмѣрнаго жара.

Въ мартѣ, апрѣлѣ и маіѣ мѣсяцахъ господствуетъ южный вѣтеръ; небо хмурится, начинаются дожди, и бываютъ уже довольно часто въ апрѣлѣ. Въ іюнѣ они почти безпрерывны, а вѣтеръ переходитъ къ западу; въ іюлѣ, августѣ и сентябрѣ онъ постоянно дуетъ съ западной стороны и всегда сопровождается дождями: рѣка разливается на девять или на десять миль въ ширину, а къ сѣверу отъ лимана миль на полтораста или больше.

Приливы тогда весьма сильны и восходятъ очень далеко, убываютъ же въ теченіе сутокъ такъ медленно, что вода въ Банкокѣ становится прѣсною только на одинъ часъ, хотя городъ въ семи миляхъ отъ моря; да и тогда нельзя назвать ее прѣсною: она все еще солоновата.

Въ октябрѣ вѣтры дуютъ съ сѣверозапада, и дожди перестаютъ. Въ ноябрѣ и декабрѣ мѣсяцахъ сѣверные вѣтры проясняютъ небо и дуютъ въ море съ такой силою, что водополье сбываетъ въ теченіе нѣсколькихъ дней. Въ это время, морскіе приливы нечувствительны: вода всегда прѣсна на двѣ или на три мили отъ взморья, а въ извѣстные часы даже и на милю, не болѣе. Въ январѣ вѣтры уже отошли къ востоку или сѣверовостоку, а въ февралѣ дуютъ съ юговосточной стороны.

Произрастенія тѣ же, что и въ южныхъ областяхъ Аннама, и животныя одинаковы въ обѣихъ странахъ. Слоны получаются особливо изъ округовъ, лежащихъ между 14 и 15° широты. Одинъ Лаосецъ говорилъ Крофорду, будто они такъ обыкновенны на его родинѣ, что на нихъ возятъ женщинъ и даже дрова. Здѣсь водится также носорогъ и родъ дикаго звѣря, сходнаго съ медвѣдемъ.

Населенность королевства можетъ простираться до 3,600,000 душъ; она заключаетъ въ себѣ Сіамцевъ, Лаосцевъ, Камбоджцевъ, Каріановъ и другія малоизвѣстныя племена; сверхъ того Китайцевъ, Малайцевъ и жителей разныхъ другихъ владѣній. Сіамцы сами себя именуютъ Тхаями (Thay); названіе Цзіамъ придаютъ имъ Китайцы, Камбоджцы и Малайцы, а въ Европѣ сдѣлали изъ него Сіамъ.

Сіамскій языкъ, употребительный въ цѣломъ королевствѣ и даже въ Китайской области Юнъ-нань, имѣетъ особливыя письмена, располагаемыя, какъ у насъ, отъ лѣвой руки къ правой. Въ богослуженіи, Сіамцы употребляютъ языкъ *пали*, отрасль Санскритскаго, которой буквы служили при образованіи Сіамскаго алфавита.

Равно какъ и въ Кохинхинѣ, здѣсь тоже господствуетъ буддизмъ; жители обожаютъ Будду подъ именемъ Соммонакадома. Храмы великолѣпны и многочисленны. Духовные, или талапоины, пользуются глубокимъ уваженіемъ; они избавлены отъ военной службы и пріобрѣтаютъ богатства. Между ними найдете образованнѣйшихъ людей въ той сторонѣ; имъ поручаютъ воспитаніе юношества.

По единогласному отзыву путешественниковъ, Сіамцы росту средняго или даже малаго, но они складны; цвѣтъ у нихъ красновато-смуглый. Обликомъ похожи они на Китайцевъ; уши у нихъ поболѣе, чѣмъ у насъ. Волосы стригутъ они весьма коротко. Женщины приподымаютъ ихъ на лбу, но не подвязываютъ.

Всѣ ходятъ босикомъ и съ открытой головою; чресла и лядвеи прикрываютъ до подколѣньевъ запономъ, футовъ въ девять длиной; онъ дѣлается изъ ситцу или шелковой ткани, иногда съ золотымъ или серебрянымъ шитьемъ. У сосѣдей своихъ Малайцевъ жители Сіама заимствовали *бабуши*, остроносыя туфли, обыкновенно оставляемыя при входѣ.

Мандарины носятъ еще кисейную рубашку, которую снимаютъ и обвиваютъ вокругъ тѣла, подходя къ человѣку, саномъ выше ихъ; однако жъ они остаются въ ней передъ королемъ, равно не скидаютъ и высокой островерхой шапки, которою накрываютъ голову. Зимою они иногда накидываютъ на плечи полотнище матеріи или ситцу въ видѣ шарфа или плаща. Король и всѣ военные одѣты въ красномъ.

Домы малы, но съ большими дворами; они изъ бамбуковыхъ плетенокъ или изъ тесницъ. У иностранцевъ домы кирпичные; тотъ же матеріалъ употребляется для храмовъ и дворцовъ. Зданія эти низки по объему и вовсе не великолѣпны; только кровля у храмовъ наведена краснымъ лакомъ съ золотыми прожилками.

Ла Люберъ и Финлесонъ согласны между собою на счетъ характера Сіамцевъ. По отзыву обоихъ, они хитры и лживы, отъ слѣпаго деспотизма, который у нихъ господствуетъ; они преданы

воровству; но, впрочемъ, заслуживаютъ болѣе похвалы, чѣмъ порицанія. Они радушны и добры между собою, учтивы, услужливы, ласковы и внимательны къ иностранцамъ; какъ подданные, они смирны и послушны; они вообще почтительны къ старикамъ; въ дѣлахъ отличаются примѣрной честностью. Что касается до вельможъ, Финлесонъ описываетъ ихъ грубыми, надменными, неучтивыми и безчеловѣчными.

Промышленность сдѣлала мало успѣховъ: какъ скоро ремесленикъ отличится по своей части, онъ обязанъ работать на короля и на дворъ. Многія ремесла отправляются женщинами, другія предоставлены Китайцамъ.

Не смотря на естественное богатство и выгодное положеніе края, торговля не такъ цвѣтуща, какъ бы можно было ожидать: король сдѣлалъ изъ нея монополію; впрочемъ Сіамцы и сами не любятъ моря.

Правленіе вполнѣ деспотическое. Имя короля такъ священно, что его никогда не произносятъ и не выражаютъ на письмѣ; оно извѣстно лишь нѣсколькимъ членамъ его семейства. Народъ дѣлится на свободныхъ и рабовъ. Доходы государства полагаютъ до 40,000,000 франковъ; число войска простирается до 30,000 человѣкъ; но постоянно вооружена одна гвардія королевская.

Въ теченіе вѣка, Сіамская держава много страдала отъ воинственныхъ предпріятій Бирмановъ, овладѣвшихъ древнею столицею Сіамомъ, которая въ 15 миляхъ къ сѣверу отъ Банкока, на Менамѣ. Сіамцы вскорѣ отняли ее обратно, но успѣли заключить миръ не иначе, какъ съ уступкою многихъ важныхъ мѣстъ

на Бенгальскомъ заливѣ; зато они распространили владѣнія свои къ югу, на полуостровѣ Малаккѣ.

Королевство состоитъ нынѣ изъ большой части Лаоса, части Камбоджа, и Малайскихъ владѣній, платящихъ дань. Оно подвергалось частымъ переворотамъ.

Португальцы первые изъ Европейцевъ посѣтили Сіамъ и учредили тамъ конторы; миссіонеры ихъ пытались проповѣдывать Евангеліе. Вѣра христіанская не сдѣлала большихъ успѣховъ; однако жъ извѣстное число туземцевъ постоянно держалось ея догматовъ.

Голландцы вытѣснили Португальцевъ изъ Сіама, равно какъ и изъ многихъ другихъ странъ Азіи. Въ 1684 году, посольство короля Сіамскаго прибыло въ Версаль. Лудовикъ XIV отправлялъ туда двѣ миссіи, одну подъ начальствомъ кавалера де-Шомона (1685—1687), другую подъ начальствомъ Ла Любера (1687—1688). Сношенія съ Сіамомъ королю представили въ такомъ видѣ, что отъ нихъ будутъ огромныя выгоды для торговли его владѣній и вмѣстѣ для успѣховъ христіанской религіи. Неожиданныя потрясенія омрачили эти блестящіе виды. Къ счастію сохранились записки многихъ лицъ, которыя участвовали въ первыхъ опытахъ; дошли до насъ и разсказы миссіонеровъ, бывшихъ въ Сіамѣ и другихъ земляхъ восточнаго полуострова Индіи. Голландецъ Іоссе Схоутенъ и знаменитый путешественникъ Кемпферъ сообщили о первой изъ этихъ странъ драгоцѣнныя подробности.

Новѣйшія свѣдѣнія доставлены Крофордомъ и Финлесономъ, агентомъ Великобританскаго правительства Капитаномъ Бёрни (Burney) и Нѣмецкимъ миссіонеромъ Гюцлафомъ.

По выходѣ изъ устья Менама, въ направленіи къ югу, западный берегъ Сіамскаго залива представляетъ самый живописный видъ: сперва онъ низменъ, одѣтъ густыми лѣсами, гдѣ стройныя пальмы высятся къ облакамъ; далѣе виденъ горный хребетъ полуострова Малакки съ его многочисленными острыми вершинами. Сіамцы не даромъ назвали его Самроайотъ (трехсотъ-верхія горы); высота ихъ около 3,000 футовъ; покатость, весьма крутая на востокъ, гораздо отложе къ западу. Главные шпицы кажутся совершенно уединенными; Финлесонъ замѣтилъ три коническія горы, отдѣленныя отъ сосѣдей своихъ глубокими промежутками и подымавшіяся какъ бы отъ самой поверхности намывной равнины.

Мысъ Куи, окруженный островками и скалами, мореплавателямъ слѣдуетъ огибать съ осторожностью; его рѣзкія очертанія, его обнаженные бока изъ-дали поражаютъ своей противоположностью со всѣмъ окрестнымъ. Многія рѣчки орошаютъ внутренность края, который досюда очень населенъ; но, по недостатку глубины въ устьяхъ, только мелкія суда могутъ подыматься вверхъ по этимъ рѣчкамъ. Отъ мыса Куи до мыса Романіи, самаго южнаго на всемъ полуостровѣ, берегъ не перестаетъ быть гористымъ, за изъятіемъ нѣсколькихъ ложбинъ. Тутъ начинаютъ открываться оловяныя руды. Многолюдство убываетъ. Разныя бухты врѣзываются въ берега. Острова, между прочими Ко-

замамъ и Танталемъ, близкіе къ материку, населены и обработаны. Въ сосѣдствѣ съ первымъ, городъ Лигоръ, имѣющій 5000 жителей, торгуетъ съ Китайцами сарацинскимъ пшеномъ, оловомъ, чернымъ перцемъ, ротаномъ.

Сангора — самый южный округъ, принадлежащій Сіамцамъ. Городъ, который сообщаетъ ему свое названіе, имѣетъ довольно хорошій портъ; три джонки приходятъ ежегодно за сарацинскимъ пшеномъ, перцемъ и краснымъ сандаломъ. Неподалеку находится Тана, послѣдній постъ Сіамскихъ областей; предѣломъ заливу служитъ мысъ Патани, лежащій насупротивъ Камбоджскаго Носа къ югозападу.

ГЛАВА XXXV.

Малайскій полуостровъ. Патани. Колантанъ. Трингано. Пахань. Джогоръ. Сингапуръ. Малакка. Салангоръ. Румбо. Перакъ. Кедахъ. Пуло-Пинань. Перешеекъ Кра.

У мыса Патани, подъ 7° 20′ сѣверной широты, лежитъ сѣверный предѣлъ маленькаго государства, котораго владѣтель вассалъ короля Сіамскаго; онъ платитъ ему дань золотомъ и сарацинскимъ пшеномъ. Почва этого государства плодоносна. Столица его, Патани, была нѣкогда складочнымъ мѣстомъ дѣятельнаго торга между странами, лежащими къ востоку и къ западу отъ полуострова; Голландцы и Англичане имѣли здѣсь по конторѣ; но съ 1700 года, крайняя опасность, которой безпрерывно подвергались и самыя лица, и товары, заставила покинуть Патани, и предпочесть Батавію, Сіамъ, Малакку. Съ нѣкоторыхъ поръ торговля сдѣлалась опять важнѣе; рейдъ очень хорошъ.

Колантанъ, къ югу отъ Патани, изобилуетъ золотомъ и перцемъ. Эта маленькая держава, подвластная только именемъ королю Сіамскому, считаетъ около 50,000 жителей, не включая Китайцевъ.

Въ Трингано населенность менѣе, чѣмъ въ предъидущемъ; произведенія тѣ же, сверхъ того собираютъ кофей. Жители славятся тѣмъ, что говорятъ по-Малайски съ отмѣнной чистотой.

Пахань (Pahang) равенъ по населенію съ Колантаномъ. Англійскій мореходецъ Гамильтонъ, путешество-

вавшій въ началѣ осмнадцатаго вѣка, говоритъ, что въ маленькой рѣкѣ Пахани добываютъ много золота, и что чѣмъ глубже роютъ песокъ, тѣмъ крупнѣе куски металла; впрочемъ получаютъ его и изъ рудниковъ, разработываемыхъ Китайцами. Малайцы трудятся надъ оловяными пріисками. Раджа Паханьскій въ собственномъ смыслѣ только биндара, или казначей Джогорскаго.

Владѣнія послѣдняго занимаютъ всю южную оконечность полуострова. Государство это основано раджею Малаккскимъ, который, по взятіи Малакки Португальцами въ1511 году, укрылся въ эту часть своихъ владѣній. Джогоръ, на большой рѣкѣ, въ семи миляхъ отъ мыса Романіи и на восточномъ берегу полуострова, никогда не былъ городомъ важнымъ; по словамъ путешественниковъ, нынѣ это деревня, населенная рыболовами. Джогорскій раджа простираетъ власть свою надъ многочисленными островами Малаккскаго пролива; онъ уступилъ Нидерландцамъ островъ Ріо или Бинтань и нѣкоторые другіе, лежащіе на югъ отъ этого рукава; а тѣ, что находятся къ сѣверу, вмѣстѣ съ частію материка, отдалъ подъ покровительство Англичанамъ.

Крофордъ проходилъ Малаккскимъ проливомъ въ 1821 году. «Берегъ южной оконечности, по словамъ его, высокъ и крутъ; что принадлежитъ до горъ, простирающихся по сѣверной части полуострова, онѣ давно уже исчезли; едва видны были холмы. Далѣе, во внутренность края, онѣ покрыты чащами; въ нихъ не было ни одной живой души. Часто выдавались пространства, наполненныя порфирными скалами и

вовсе необитаемыя; оконечности ихъ примыкали къ морю образуя песчаныя губы; хорошихъ якорныхъ мѣстъ довольно много.»

Въ числѣ острововъ, уступленныхъ Англичанамъ, замѣчателенъ Сингапуръ (Singhapoura), лежащій подъ 1° 17′ сѣверный широты. Выгодное положеніе его у входа въ проливъ обратило на себя вниманіе бывшаго вице-губернатора Яванскаго сиръ Стемфордъ Реффельза (sir Stamford Raffles), онъ основалъ тамъ колонію въ 1819 году: гдѣ прежде былъ притонъ морскихъ разбойниковъ, тамъ нынѣ одно изъ самыхъ торговыхъ мѣстъ въ восточныхъ моряхъ Азіи. Это порто-франко производитъ болѣе чѣмъ на 110 милліоновъ торгу ежегодно. Городъ выстроенъ на оконечности западнаго берега; климатъ довольно здоровъ. Здѣсь считается слишкомъ 16,000 жителей разныхъ націй; всего болѣе Малайцевъ и Китайцевъ. Англичане содержатъ до тысячи человѣкъ гарнизона и употребляютъ на общественныя работы около шести сотъ преступниковъ, присылаемыхъ изъ Гиндустана. Въ Сингапурѣ большія корабельныя верфи, Китайское училище, и заведеніе для миссій. Уже нѣсколько лѣтъ издается тамъ ученый журналъ Сингапурская Лѣтопись (Singhapore chronicle), представляющій много любопытныхъ статей о географіи восточной Азіи и Океаніи.

Городъ Малакка, лежащій у пролива, которому сообщаетъ онъ названіе, подъ 2° 11′ сѣверной широты, вмѣстѣ съ небольшимъ его округомъ, находящимся къ сѣверозападу отъ Джогорскаго, состоитъ подъ властію Англичанъ. Въ осми миляхъ отъ берега воз-

вышается на 4,000 футовъ отъ морской поверхности гора Гунонь-Ледань, именуемая Португальцами Офиромъ. Это огромная толща гранита; вблизи ея открытъ золотой рудникъ. Въ окрестностяхъ города есть только низменные пригорки желѣзистаго сланца, употребляемаго на разныя городскія работы. Вдоль берега часто выдаются болота.

Малакка была нѣкогда средоточіемъ весьма дѣятельной торговли. Голландцы завоевали ее у Португалліи въ 1641 году, и сами уступили Англичанамъ въ 1823. Она утратила много своей важности со времени основанія Сингапура; въ округѣ ея считается не болѣе 16,000 жителей. Населеніе это состоитъ изъ Малайцевъ, Гиндусовъ, принадлежащихъ къ низшимъ кастамъ, Китайцевъ, Мусульманъ съ Коромандельскаго берега и потомства Португальцевъ. Здѣсь водворилось общество миссіонаріевъ. Климатъ благорастворенный, пріятный и здоровый. Почва, при весьма небрежной обработкѣ, не удовлетворяетъ потребностей населенія: лѣса занимаютъ большую часть земли; съ недавнихъ поръ дѣлаютъ опыты разведенія кофе.

Малаккскій округъ смеженъ къ сѣверу съ Салангоромъ, владѣніемъ, основаннымъ Буггисами съ острова Целебеса и не замѣчательнымъ ни по богатству произведеній, ни по числу жителей. Они слывутъ образованнѣе своихъ сосѣдей, но склонность къ морскому грабежу дѣлаетъ ихъ опасными для здѣшнихъ предѣловъ. Колонь или Халань, нынѣшняя столица, избрана раджею потому, что онъ находилъ здѣсь болѣе удобствъ для полученія олова, главнаго товара, который доставляютъ ему его владѣнія. Салангоръ, при

рѣкѣ, запираемой въ устьѣ намывными песками, нынѣ почти совершенно опустѣлъ. Владѣтельный раджа въ 1818 году заключилъ договоръ съ Англичанами противъ Голландцевъ, старавшихся возобновить монополію, которою они пользовались въ прежнія времена.

Въ гористыхъ внутреннихъ округахъ, Малайцы сохранили свою независимость. Важнѣйшее изъ составленныхъ ими государствъ есть Румбо, къ югу отъ Салангора. Оно населено народомъ бѣднымъ и смирнымъ, который живетъ обработкою земли. Раджа платитъ дань властителю Менанькабовъ въ Суматрѣ. Румбойцы говорятъ нарѣчіемъ языка, господствующаго въ среднихъ западныхъ краяхъ этого большаго острова. Лѣса Румбойскіе служатъ пристанищемъ Джаконамъ, Беннайцамъ и Саманямъ: эти дикари смѣсь негровъ съ Малайскою породой.

Перакъ управляется старшиной, подвластнымъ Сіаму. Говорятъ, землица эта многолюдна, богата оловомъ и золотыми пріисками. Близъ берега, замѣчательна купа острововъ Пуло-Самбилонъ, называемая отъ Европейцевъ Пуло-Диндинь. Горы на нихъ такъ круты, что не могутъ быть воздѣлываемы, но прозябеніе великолѣпно. Эти острова, обитаемые только дикими звѣрями, даютъ убѣжище морскимъ разбойникамъ. Знаменитый мореходъ Демпиръ (Dampier), бывшій тутъ въ 1689 году, сообщаетъ описаніе этой купы. Крофордъ нашелъ тамъ развалины Голландской крѣпостцы; онъ говоритъ, что пристань безопасна, но что положеніе острова неудобно для колоніи.

Земля Кедахъ, къ сѣверу отъ Перака, представляетъ обширную равнину, покрытую густыми лѣсами и орошаемую извилистой рѣкой, по которой могутъ ходить одни мелкія суда и лодки. Рудеръ-паканъ-куалла, первый городъ, встрѣчаемый вверхъ по рѣкѣ, содержитъ въ себѣ около тысячи домовъ, расположенныхъ по обоимъ берегамъ ея. Выше, она раздѣляется на нѣсколько потоковъ.

Названіе столицы было прежде Лингу-Амбаланъ; (подъ защитою отъ мѣсяца); послѣ проименовали ее Кедахомъ, что́ значитъ загорода для ловли слоновъ. Въ здѣшнихъ лѣсахъ водятся какъ эти животныя, такъ и носороги, тигры, леопарды, вообще всякаго рода дикіе звѣри. Французскій путешественникъ Больё (Beaulieu) посѣтилъ Кедахъ въ 1672 году: этотъ городъ, равно какъ Малакка, и Ашемъ на островѣ Суматрѣ, были тогда весьма сильны и цвѣтущи. Нынѣ Кедахъ очень упалъ, и раджа, изгнанный Сіамцами, удалился въ Пуло-Пинань къ Англичанамъ.

Многіе обитаемые острова простираются вдоль Кедахскаго берега; одинъ изъ нихъ Пуло-Пинань, въ 1785 году, уступленъ раджею Англійскому капитану Лейту (Light), который женился на его дочери. Лейтъ передалъ островъ во владѣніе Остъ-Индской компаніи; онъ былъ занятъ ею, получилъ имя острова принца Вельсскаго (île du Prince de Galles) и сдѣлался важнымъ поселеніемъ. Въ пристани есть славное якорное мѣсто для самыхъ огромныхъ кораблей. Она часто посѣщается, и въ ней можно найдти всѣ товары Индіи и Европы. Число жителей полагаютъ свыше 50,000 душъ. Губернаторъ пребы-

ваетъ въ Джоржъ-Тоунѣ. Островъ служитъ пріютомъ для множества Малайцевъ, бѣжавшихъ отъ нашествія Сіамскихъ войскъ.

И на материкѣ, противъ Пуло-Пинаня, Англичане владѣютъ землицею, которую назвали Уэллесли (Wellesley). Почва болотиста; но сѣется много сарацинскаго пшена.

Край къ сѣверу отъ Кедахской земли, принадлежитъ королю Сіамскому. Вдоль берега это сущая пустыня, — весьма рѣдко видны обработанныя мѣста и нѣсколько обитаемыхъ острововъ поблизости. Важнѣйшее мѣсто на материкѣ есть Понга. Здѣсь до 4,000 жителей, на которыхъ приходятся 1,000 Китайцевъ, добывающихъ олово и на твердой землѣ, и на одномъ сосѣдственномъ островѣ.

Самый большой изъ здѣшнихъ острововъ есть Салань, который Европейцы зовутъ Джонкъ-Сейлономъ; на восточномъ берегу его хорошая пристань, и, подобно предъидущему, онъ имѣетъ оловянныя руды, разработываемыя Китайцами; онъ очень лѣсистъ и хорошо воздѣланъ.

Подъ 10° 15′ сѣверной широты, Малайскій полуостровъ не болѣе 23 миль шириною; косу, соединяющую его съ материкомъ Азіи, наименовали перешейкомъ Кра, — прозваніе, заимствованное, кажется, отъ деревушки Кра, лежащей въ отдаленіи отъ берега. Двѣ небольшія прибрежныя рѣчки, Пакъ-чанъ, текущая въ Бенгальскій заливъ, и Чумъ-фомъ — въ Сіамскій, означаютъ границу перешейка. По словамъ нѣкоторыхъ путешественниковъ, можно бъ было устроить судоходный каналъ между этими рѣками и та-

кимъ образомъ отдѣлить Малакку отъ материка. Чумъфомъ имѣетъ весьма излучистое теченіе, русло его песчано; говорятъ, что двѣ помянутыя рѣки нигдѣ не перенимаются скалами и что во время сильныхъ приливовъ по веснѣ онѣ соединяются между собой.

Малайскій полуостровъ простирается на 260 миль отъ сѣверо-сѣверо-запада къ юго-юго-востоку. Начиная отъ перешейка Кра, ширина его все возрастаетъ до 5° широты, гдѣ она равняется 66 милямъ, и тутъ начинаетъ постепенно убывать до мыса Романіи. Горный хребетъ, который можно почитать продолженіемъ черты высотъ, отдѣляющихъ бассейнъ Менама отъ системы западныхъ рѣкъ, пересѣкаетъ полуостровъ во всю длину его съ малыми разрывами; горы вездѣ почти первичныя; въ нихъ находили золото, олово и желѣзо. Онѣ низменны къ югу, но на сѣверѣ восходятъ до пяти и до шести тысячь футовъ вышины. Изъ нихъ стремится множество рѣчекъ, которыя въ краткомъ теченіи своемъ оплодотворяютъ почву; устья ихъ всегда почти стѣснены наносами песку или ила; при рѣчкахъ выстроены города.

Мы видѣли, что твердый берегъ унизанъ съ запада и юга безчисленными островами; здѣсь они такъ близки одинъ къ другому, что ихъ можно почитать продолженіемъ материка.

Внутренность, покрытая неизмѣримыми лѣсами, доселѣ не видала путешественниковъ; эти боры показываются и на морскихъ берегахъ, которые часто одѣты непроходимымъ кустарникомъ. Земли не замѣчательны своимъ плодоносіемъ, за то Океанъ и рѣки весьма рыбны. Буйволы самый обыкновенный скотъ;

слонъ водится на сѣверѣ. Есть также носороги и другія животныя окрестныхъ странъ. Произведенія, доставляемыя полуостровомъ торговлѣ, суть олово, перецъ, сарацинское пшено, воскъ, гнѣзда Китайскихъ ласточекъ (саланганов), смола, называемая *даммеръ*, ротанъ, бетель, дельфиньи перья, бамбукъ, драконова кровь, слоновая кость, орлиное дерево, сандалъ и наконецъ кожи. Главная статья привоза — опіумъ.

Сами жители называютъ полуостровъ Танахъ Малайею (землею Малайцевъ). Предполагая, что онъ населенъ только этою породой, почитали ее здѣсь первобытною; напротивъ, жители кажется пришли съ Суматры. Около 1160 года нашей эры, они покинули этотъ островъ и основались около мыса Романіи, а оттуда разселились по материку. Языкъ ихъ, смѣшанный съ Санскритскими и Арабскими словами, заимствовалъ у Арабовъ письмена ихъ. Онъ весьма простъ въ своемъ грамматическомъ составѣ и, какъ извѣстно, распространенъ по всей Океаніи. Вѣроисповѣданіе Малайцевъ— исламизмъ.

Настоящіе коренные жители суть Негры, обитающіе въ сѣверной части полуострова. Изъ смѣшенія ихъ съ чуждыми народами произошли Самани, о которыхъ мы упоминали до этого, и у которыхъ цвѣтъ кожи самый темный.

Этотъ полуостровъ есть Золотой Херсонисъ древнихъ писателей: такое имя естественно произошло отъ обилія въ драгоцѣнномъ металлѣ, которое находимъ здѣсь и теперь.

ГЛАВА XXXVI.

Архипелахъ Мерги. Великобританскія владѣнія между полуостровомъ Малаккою и Бирманіей.

Отъ Джонкъ-Сейлона, прямо къ сѣверу, длинная гряда островов разной величины простирается параллельно съ берегомъ до 14 градуса широты; на югѣ она гранитнаго свойства, на сѣверѣ известковаго; этотъ архипелагъ, длиною въ 160 миль, дѣлится на многія купы.

Купа Сейерскихъ островов самая южная; они миляхъ въ десяти отъ материка и видны оттуда. Финлесонъ посѣтилъ главный изъ нихъ 7 декабря 1821 года. «Онъ показался намъ, говоритъ путешественникъ, миль пяти въ длину и около одной въ ширину. Приближаясь къ берегу, мы были поражены глубокимъ безмолвіемъ, царствовавшимъ повсюду; оно казалось намъ тѣмъ болѣе удивительнымъ, что густые лѣса представляли безопасное убѣжище и обильную пищу для земныхъ птицъ. Между тѣмъ ни одинъ обитатель воздушнаго края не рѣялъ надъ этою землей; ни разнообразные виды прозябенія, чуднаго въ своей роскоши, ни сладкій пріютъ подъ его густою тѣнью, ни что, повидимому, не могло привлечь даже малой части одушевленнаго созданія на этотъ островъ, который, судя по наружности, можно было считать столь удобнымъ для животнаго царства

и который былъ въ самомъ дѣлѣ восхитителенъ. Неужели необходимо сосѣдство человѣка для сообщенія дикой природѣ того оттѣнка или характера, который благопріятнѣе существованію оживленной твари во всѣхъ ея видоизмѣненіяхъ? На пустынномъ островѣ, огромныя деревья, казалось, напрасно колыхали своими вершинами; смиренные кусты и травяныя растенія цвѣли невидимые ни кѣмъ; красота ихъ оставалась вовсе неоцѣненною. Полезная и благодѣтельная пальма, бананникъ съ своими превосходными плодами, душистый ясминъ, красивый бамбукъ, питательный ямъ росли сами собою въ этомъ уединеніи.

«Причаливъ къ берегу, мы могли разсмотрѣть массу высокихъ и почти отвѣсныхъ скалъ, покрывающихъ бо́льшую часть острова; онѣ были изъ крупнозернистаго гранита, красноватыя, иногда тѣлеснаго, чаще сѣраго цвѣта; совершенно бѣлая черта, широкая и явственная, означала на всемъ протяженіи острова въ нѣсколькихъ футахъ надъ моремъ высоту прилива; эта черта образовалась изъ раковинъ, вросшихъ въ камень.

«Хотя мы подошли къ острову съ подвѣтренной стороны, волненіе и прибой были такъ сильны, что мы съ трудомъ могли выйдти на берегъ. Мы замѣтили только одну морскую птицу, которая пробиралась съ утеса на утесъ, ища корму въ прудахъ, наполненныхъ мелкою рыбой. Кораллы, морскіе раки, раковины были удивительно разнообразны. Проникнувъ въ лѣса, мы были не менѣе поражены величавою красотой деревьевъ; количество растеній, какое насчитали мы на пространствѣ относительно маломъ,

было въ самомъ дѣлѣ неимовѣрно. Вскорѣ привлекли вниманіе наше крики безчисленнаго множества животныхъ: то были снѣдомые вампиры (pteropus edulis). Извѣстно, что эти сосценосныя, близкія къ породѣ летучихъ мышей, висятъ цѣлый день, уцѣпившись задними лапами за древесныя вѣтви »

За купою Сейерскихъ островов нѣтъ ни одного, замѣчательнаго величиною, вплоть до острова св. Матвѣя, который жители материка называютъ Слоновьимъ. Высшая гора его, равно какъ и та, которая стоитъ на противолежащемъ берегу, имѣютъ до 3,000 футовъ по-крайней-мѣрѣ. Этотъ островъ кажется необитаемъ, хотя пристань его, образуемая четырмя приглубыми островками, обширна и удобна.

Далѣе, Ламби, или Домель, выставляетъ свою гористую толщу, всю въ разсѣлинахъ и покрытую лѣсомъ; въ береговыхъ утесахъ обнаруживается желѣзистый сланецъ.

Еще выше къ сѣверу видны только мелкія островки; проходы, раздѣляющіе ихъ другъ съ другомъ, наполнены подводными камнями; коралловыя скалы, ихъ окружающія, не дозволяютъ кораблю въ 300 тоннъ бросить якорь ближе какъ на кабельтовъ (120 саженъ) отъ берега. Ядро этихъ островковъ гранитное, одѣтое сланцемъ и известковымъ камнемъ. Къ послѣднему Китайскія ласточки прикрѣпляютъ свои гнѣзда, которыя такъ дорого цѣнятся гастрономами восточно-Азійскихъ народовъ. Рои мелкихъ судовъ приходятъ въ надлежащее время собирать ихъ. Ловятъ также жемчужныя раковины, но только для

перламутра, а не для жемчугу, который не довольно цѣненъ.

Томасъ Форрестъ былъ первый мореплаватель, описавшій архипелагъ Мерги. Онъ посѣтилъ его въ 1783 году, и сообщилъ имя свое проливу, существующему между этими островами и материкомъ.

Тѣ, которые лежатъ подъ 12° широты, довольно богаты равнинами,—на нихъ есть нѣсколько воздѣланныхъ полей; но сѣверовосточныя купы состоятъ или изъ голыхъ скалъ, или изъ островковъ крутыхъ и лѣсистыхъ. Почти на всѣхъ этихъ островахъ, есть ручьи прѣсной воды, и берега ихъ обильны рыбою и превосходными устрицами.

Въ здѣшнемъ архипелагѣ разбросано многочисленное племя, промышленое и кроткое. Эти люди, которыхъ Бирманы именуютъ Чолоэ или Пазе, живутъ въ постоянной тревогѣ и то-и-дѣло переходятъ съ мѣста на мѣсто. Въ періодъ сѣверовосточныхъ вѣтровъ, они бѣгутъ сосѣдства островов, гдѣ водъ ласточкамъ, чтобы не встрѣтиться съ Сіамцами, Бирманами или Малайцами, которые приходя за гнѣздами, берутъ и туземцевъ въ неволю. Жилище ихъ ладья; на берегу никогда не заводятъ они постоянныхъ селеній. Религію и одежду они заимствовали у Бирмановъ. Они мѣняютъ ласточкины гнѣзда, перламутръ и другіе предметы, добываемые ими на островахъ, на полотна и другіе товары, доставляемые Китайцами.

Архипелагъ Мерги, состоя изъ высокихъ, крутыхъ и вообще каменистыхъ островов, расположенныхъ въ три и, мѣстами, въ четыре ряда съ промежутками, образуетъ родъ передоваго укрѣпленія, защищающа-

го огражденный имъ берегъ отъ жестокости югозападнаго муссона. Этотъ берегъ, отъ залива Папры, между Джонкъ-Сейлономъ и материкомъ, до устья Санлуэна (16° 30′ сѣверной широты), принадлежитъ теперь Англичанамъ; онъ уступленъ имъ, вмѣстѣ съ зависящею отъ него землею, въ 1826 году, Бирманами, по окончаніи войны, бѣдственной для послѣднихъ.

Проливъ Папра едва ли имѣетъ одну милю ширины; рифъ его пересѣкающій, не пускаетъ даже лодокъ во время отлива; песчаныя банки, накопившіяся съ обѣихъ сторонъ, образуютъ родъ перешейка; по мнѣнію наблюдателей, Джонкъ-Сейлонъ, бывшій прежде въ связи съ материкомъ, отдѣленъ отъ него естественнымъ переворотомъ. Городъ Папра, нѣкогда процвѣтавшій, разоренъ безпрерывною войной между Бирманами и Сіамцами; Финлесонъ, который выходилъ на этотъ крутой и вообще каменистый берегъ, говоритъ, что море тамъ весьма глубоко и что цѣпи холмовъ, пересѣкаемыя долинами и рвами, простираются въ направленіи полуострова. Въ нѣсколькихъ миляхъ къ сѣверу отъ пролива, довольно широкая плоскость отдѣляетъ горы отъ берега; мысъ Пхунга составляетъ его оконечность. Въ окрестныхъ лѣсахъ видно на пескѣ множество слѣдовъ слона и тигра. Жители смотрѣли на Англичанъ изъ-дали и не хотѣли приблизиться даже на такое разстояніе, въ какомъ слышенъ человѣческій голосъ.

Мерги, на островѣ рѣки Танассерима, неподалеку отъ истока ея въ Бенгальскій заливъ, простирается на высотѣ, въ ста тридцати футахъ отъ морской по-

верхности. Это лучшая пристань на здѣшнемъ берегу, доступная во всякое время года. Жаръ умѣряется вѣтрами, дующими съ суши и съ моря, отчего воздухъ благопріятенъ для здоровья Европейцевъ. Улицы широки; домы, поднятые на столбахъ, строятся изъ бамбуку, а крышею служитъ пальмовый листъ. Мерги сильно пострадалъ въ послѣднюю войну: многочисленные монастыри, впрочемъ жалкой архитектуры, почти всѣ подверглись разоренію. Правительство Великобританское повелѣло возстановить ихъ на свой счетъ. Окрестность Мерги покрыта непроходимымъ кустарникомъ. Это главный городъ Танассеримской области. Другой, называемый Танассеримомъ, лежащій въ четырехъ дняхъ пути далѣе къ востоку и теперь совсѣмъ разрушенный, былъ прежде столицею владѣтельнаго князя, покорнаго то Сіаму, то Авѣ. Онъ лишился наконецъ всѣхъ своихъ областей.

Таваи, маленькая рѣка, текущая отъ сѣвера къ югу, сообщаетъ имя свое другой области и главному ея городу, построенному въ десяти миляхъ отъ устья рѣки. Положеніе его неблагопріятно для торговли; только одни мелкія суда могутъ имѣть доступъ къ пристани, да и окрестности его такъ низменны, что въ дождливую пору всѣ понимаются водой.

Тавайская область сопредѣльна къ сѣверу съ другою, называемою Іе, весьма малою и почти совершенно занятою пустынями, кустарникомъ и лѣсами. Главный городъ ея, ничтожное мѣстечко, лежитъ на длинномъ возвышеніи, при устьѣ одной рѣки.

Неподалеку отъ устья Санлуэна, Англичане основали Амгерстоунъ, главный городъ Мартабанской

области, потому что городъ Мартабанъ, находясь на правомъ берегу рѣки, служащей предѣломъ между Бирманскими и Англійскими владѣніями, остался за Бирманами. Входъ въ пристань немного тѣсенъ; впрочемъ она совершенно безопасна во всякое время года и, по положенію своему, представляетъ удобный проходъ во внутренность Бирманіи.

Страна, которую мы теперь обозрѣвали, заключается между 12° и 18° сѣверной широты и между 115° 17′ и 107° 42′ восточной долготы. Къ сѣверу граничитъ она съ Бирманскою имперіей, къ востоку и югу съ королевствомъ Сіамскимъ, къ западу съ Бенгальскимъ заливомъ. Длина ея полтораста миль; ширина отъ двадцати пяти до пятидесяти; поверхность равняется 7,500 миль квадратныхъ.

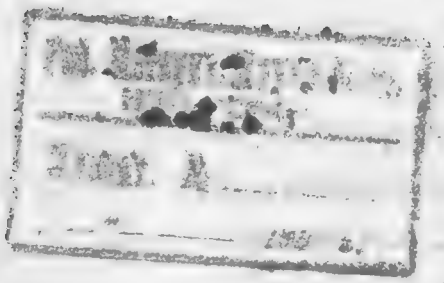
Горы служатъ ей почти сплошнымъ рубежемъ со стороны Сіамскаго королевства; эта цѣпь, простирающаяся въ полуостровъ Малакку, пускаетъ отъ себя боковыя вѣтви, которыхъ высоты понижаются въ обѣ стороны, а долины идутъ отъ сѣвера къ югу, какъ указываетъ теченіе Санлуэна, Таваи и Танассерима, которыя только уже въ низовьяхъ своихъ пересѣкаютъ боковые отроги и текутъ на западъ или сѣверозападъ, прежде нежели достигнутъ моря. По словамъ Крофорда, горы эти гранитныя, и высота ихъ простирается отъ 3,000 до 5,000 футовъ. Почти вездѣ покрываютъ ихъ дремучіе лѣса и дѣлаютъ непроходимыми для Европейцевъ; слабое населеніе ихъ состоитъ вообще изъ Каріановъ или Карааковъ, племени почти дикаго и независимаго.

Танассеримская область весьма гориста; рѣка протекаетъ узкой долиною. То же можно сказать о провинціяхъ Таваи и Іе, гдѣ равнины занимаютъ незначительное пространство; напротивъ, въ Мартабанѣ онѣ господствуютъ. Берегъ, изрытый заливами, представляетъ множество пристаней, которыя нѣкогда часто посѣщались купеческими судами; путешественники, упоминавшіе о жителяхъ, описываютъ ихъ смирными, кроткими, образованными; нѣкоторые округи чрезвычайно многолюдны. Нашествія Бирмановъ наполняли этотъ край опустошеніемъ; подъ властію Англичанъ онъ опять наслаждается миромъ и безопасностью. Населенія полагаютъ въ немъ до 120,000 душъ Сіамцевъ, Пегуанцевъ и Бирмановъ, которые всѣ исповѣдуютъ буддизмъ; число жителей усиливается ежедневно выходцами изъ странъ сопредѣльныхъ. Изобиліе конечно возродится между этими народами, какъ скоро они будутъ безопасно пожинать плодъ трудовъ своихъ. Здѣсь разводятъ сарацинское пшено, сахарный тростникъ, перецъ, хлопчатую бумагу, индиго, табакъ. Въ лѣсахъ ростетъ орлиное дерево, фернамбукъ, сандалъ и текъ, столь полезный въ кораблестроеніи. Олова много, особенно въ Танассеримѣ; оно находится въ рѣчныхъ пескахъ, откуда добываютъ его промывкою. Лѣса, пересѣкаемые рѣкою Санлуэномъ и притоками ея, населены слонами, носорогами и разными другими породами животныхъ.

Въ томъ мѣстѣ, гдѣ, миль на десять отъ своего устья, эта рѣка пріемлетъ въ себя Гаинъ и Атаранъ, долина ея расширяется противъ города Мартабана; Санлуэнъ образуетъ потомъ нѣсколько зеленѣющихъ остро-

вовъ и течетъ между отлогихъ и лѣсистыхъ пригорковъ, на которыхъ, среди деревенскихъ избъ, возвышаются капища. Въ ясную погоду далеко видѣнъ амфитеатръ высокихъ горъ; по увѣренію Крофорда, это одна изъ самыхъ величественныхъ и самыхъ живописныхъ картинъ, какія представлялись его взору. Рукавами своими рѣка обнимаетъ островъ Балю, или Пулгонь, имѣющій десять миль въ длину и пять въ ширину; онъ пересѣкается цѣпью известковыхъ холмовъ; на немъ двѣнадцать большихъ селеній: во всей Мартабанской области нѣтъ мѣста многолюднѣе. Балю чрезвычайно обиленъ сарацинскимъ пшеномъ, котораго поля обсажены прегустымъ корнепускомъ; къ деревнямъ проведены каналы, облегчающіе перевозку сжатаго хлѣба.

КОНЕЦЪ ТРЕТЬЯГО ТОМА.



ОГЛАВЛЕНІЕ

ТРЕТЬЯГО ТОМА.

		Стр.
Глава XXVIII.	Китайское Государство: Монголія....	5
XXIX.	Китайское Государство: Си-юй, то есть, Чжуньгарія и Китайскій Туркистанъ.....	57
XXX.	Китайское государство: Тибетъ.....	71
XXXI.	Китайское государство: Бутанъ.....	118
XXXII.	Китайское государство: Собственный Китай.....	125
XXXIII.	Государство Аннамъ, или Тонъ-Кинъ. Кохинхина. Ціампа. Камбоджъ, и часть Лаоса.....	167
XXXIV.	Королевство Сіамъ.....	188
XXXV.	Малайскій полуостровъ. Патани. Колантанъ. Трингано. Пахань. Джогоръ. Сингапуръ. Малакка. Салангоръ. Румбо. Перакъ. Кедахъ. Пуло-Пинань. Перешеекъ Кра	206
XXXVI.	Архипелахъ Мерги. Великобританскія владѣнія между полуостровомъ Малаккою и Бирманіей.....	215

ВАЖНѢЙШІЯ ПОГРѢШНОСТИ.

Стрн.	*Строка.*	*Напечатано.*	*Должно быть.*
7	25	иностраныхъ	иностранныхъ
9	12	южную	южную,
—	12—13	Китайскую	Китайскою
17	4	войлаками	войлоками
49	12	другія	другіе
63	31	или	*ли*
64	31	Китайскаго	Каспійскаго
101	18	Тёрнера,	Тёрнера
104	1	нарядь	нарядъ
106	16	деревьями	деревьями,
—	—	и кипарисами	Кипарисами и
110	18	Конечно.	Конечно,
112	28	лѣтнее	Лѣтнее
113	31	Тнбета	Тибета
114	27	котырыхъ	которыхъ
139	14	вѣдомствомъ,	вѣдомствомъ;
147	3	мотросовъ	матросовъ
—	19	многихъ	многихъ,
152	4	нользуется	пользуется
—	7	велѣль	велѣлъ
165	20	сотитъ	стоитъ
166	7	Гаи нанъ	Гаи-нанъ
169	11	суда,	суда:
171	14	Донная	Донная,
—	—	въ двадцать	въ двадцати
172	11	н	и
176	25	Куаль-си	Куань-си